

Ю. мацкевич

ПОБЕДА  
ПРОВОКАЦИИ

- ЗАРЯ -

**Юзеф Мацкевич**

**ПОБЕДА  
ПРОВОКАЦИИ**

**Перевод с польского  
Галины и Сергея Крыжицких**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО "ЗАРЯ"  
Лондон, Канада  
1983**

**JÓZEF MACKIEWICZ**  
**ZWYCIĘSTWO PROWOKACJI**

**Translated from Polish as POBEDA PROVOKATSII by  
G. and S. Kryzyski**

**All rights of Russian translation reserved by  
ZARIA Publishing Inc.**

**ISBN 0-920100-26-0**

**ZARIA PUBLISHING INC.  
73 Biscay Road  
London, Ontario, CANADA  
N6H 3K8**

**ПРОВОКАЦИЯ** — Подстрекательство к каким-нибудь действиям, которые могут повлечь за собой тяжелые последствия для провоцируемого лица и посторонних лиц.

(*"Политический словарь". Гос. Изд. Полит. Литературы. Москва, 1958*)



## СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе .....	9
<b>НА НАКЛОННОЙ ПЛОСКОСТИ</b>	
"ЦЕНЗУРОЙ НЕДОПУЩЕНО" .....	12
За независимость мысли .....	16
<b>ПОЛЬША УЖЕ НЕ ЛЕЖИТ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И РОССИЕЙ</b>	
СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ЕЩЕ РОССИЯ? .....	44
Мнения .....	44
Богословский спор .....	45
Два мерила .....	47
Существует ли восточная душа? .....	48
Советский Союз это не продолжение, а противопоставление прежней России .....	50
"Тайна" коммунизма лежит на Западе .....	53
Феномен коммунизма .....	55
ПОЛЬША ПОД ВЛАСТЬЮ РОССИИ И ПОЛЬША ПОД ВЛАСТЬЮ КОММУНИЗМА .....	56
"Польская сторона" и "русская сторона" .....	57
"Коммунистическая сторона" .....	57
Константин Павлович и Константин Рокоссовский .....	58
Политическая суть наизнанку .....	59
Сравнение: "человек" .....	61
Не под владычеством государства, а под владычеством партии .....	63
МЕЖДУ БОЛЬШЕВИЗМОМ И НАЦИОНАЛИЗМОМ .....	65
С другими народами против большевиков? Или с большеви- ками против других народов? .....	66
Финляндия .....	67
Эстония .....	67
Литва .....	68
Белоруссия .....	69
Украина .....	71
Пилсудский .....	73

”Единая и неделимая”	75
Теория об ”эволюции коммунизма” 43 года тому назад	77
<b>МИКАШЕВИЧИ</b>	79
Колчак	79
В тисках доктрины	80
”Самый критический момент социалистической революции!”	82
Вместо ”Мозыря” – ”Микашевичи”	83
Самый критический момент Польши	86
”Тайна” Рижского трактата	89
<b>”ГОМУЛКИЗМ” ДВАДЦАТЫХ ГОДОВ</b>	96
Национал-коммунизм по газетному объявлению	96
Рождение первого ”попутничества”	98
Национально-коммунистический антипольский фронт	101
<b>ПОЧЕМУ ОБЯЗАТЕЛЬНО РОССИЯ?</b>	103
Разгром ”Нацдемчины”	103
Тезис ”русский” равняется тезису ”антипольский”	104
Тезис ”русский” является тезисом ”антинемецкий”	105
<b>ПЕРВАЯ КРУПНАЯ ПРОВОКАЦИЯ. О МНИМОЙ</b>	
<b>”ЭВОЛЮЦИИ КОММУНИЗМА”</b>	106
Тайна аферы ”Треста” ГПУ	106
Ленинская теория о ”глухонемых слепцах”	109
<b>РАПАЛЛО</b>	111
От белого Петербурга к красной Москве	111
<b>...МЕЖДУ ЦЕННОСТЬЮ ЖИЗНИ И КОММУНИСТИЧЕСКОЙ СКУКОЙ</b>	
<b>ВТОРАЯ ФАЗА НАЦИОНАЛЬНОГО КОММУНИЗМА</b>	115
Перед новой мировой войной	116
Восточная граница Польши – граница двух миров	118
Сталинский НЭП	119
<b>СОЮЗ ИЛИ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ С СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ</b>	123
На деле же не было никаких ”двух врагов”	124
Кто несет вину за дезинформацию?	126
Коллаборационизм с коммунистическим врагом	130
”Легионеры” навыворот	135
<b>КАК И ИЗ ЧЕГО ВОЗНИК ”РАХ”</b>	141
”Возрождение лагеря консервативной мысли”	142
”Россия” и ничего иного	142
Встреча в гостинице ”Под розой”	143
Петля или ”легальная оппозиция”?	145
Политическая линия	146

Агентура .....	147
Магнат провокации .....	150
<b>ФАРИСЕЙСТВО ИЛИ АГЕНТУРА</b> .....	150
Группа "ZNAK" .....	152
Договор от 14 апреля 1950 года .....	153
Не было никакого нового договора между Гомулкой и Костелом .....	154
Конкуренция .....	155
Представительство прокоммунистического фарисейства .....	155
Первый раунд .....	157
Заслуга Стоммы .....	157
Второй раунд .....	158
Агентура № 2 .....	160
<b>ВТОРАЯ БОЛЬШАЯ ПРОВОКАЦИЯ</b> .....	161
Значение слов .....	161
Гомулкизм .....	162
Гениальная мистификация .....	163
Хрущев назначает Гомулку .....	165
"Национальный герой"	168
"Попросту"	168
Дальнейшая "эволюция"	169
Техника дезинформации .....	171
<b>НА ПУТИ КЛАССИЧЕСКОГО ПОПУТНИЧЕСТВА</b> .....	173
"Польский Октябрь" .....	173
Что такое провокация?	174
Польская эмиграция – не "антикоммунистическая" эмиграция .....	175
"Общий фронт" с коммунистами .....	176
"Одна литература" .....	181
"Ниспровергать" или "исправлять" .....	185
<b>НЕМЕЦКИЙ КОМПЛЕКС</b> .....	187
Фетиш удавшейся провокации .....	187
Одра и Ныса	
Главная цель .....	189
Отрезок границы важнее независимости .....	190
Смысл двух мерил .....	191
Почему Кенигсберг обходится молчанием .....	194
Существует ли угроза со стороны немецкого ревизионизма?	195
Официальный тезис польреализма .....	196
Соперничество или провокация?	198
<b>КУЛЬТУРА В ТИСКАХ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИНФАНТИЛИЗМА</b> .....	201

ДЕЙСТВИТЕЛЬНАЯ НЕМЕЦКАЯ УГРОЗА .....	212
”Антифашизм” .....	212
”Рапалло” .....	214
”РЕАЛИЗМ” ПРОТИВ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ .....	219
”Росреализм” .....	219
”Реализм” манны небесной .....	222
ПАФОС ПРОТИВ ЗАРАЗЫ .....	226

## ОБ АВТОРЕ

Юзеф Мацкевич родился в польско-литовской дворянской семье, жившей в области Вильна, на территории бывшего Великого Княжества Литовского. Именно эти земли воспел великий польский поэт Мицкевич: "О Литва, мое отчество! // Только тот может ценить тебя, кто тебя потерял". Жизнь родителей Мацкевича, а вместе с нею и жизнь будущего писателя вращалась вокруг оси Санкт-Петербурга – Вена – Ницца.

В шестнадцатилетнем возрасте Мацкевич покидает гимназическую скамью, становится уланом и с кубанской казачьей частью активно участвует в польско-большевистской войне 1920 года, на северном отрезке фронта, сражаясь против III-го конного корпуса Гая.

В возрожденной Польше Мацкевич продолжил прерванноевойной образование на факультете естественных наук Варшавского университета. Под влиянием одного из своих профессоров он глубоко усвоил использование "сравнительного метода", применяемого в естествоведении, и перенес этот метод в свои позднейшие литературные труды. "Сравнительный метод" проходит красной нитью в "Победе провокаций". Мацкевич отбрасывает такие понятия, как, например, "хорошие" или "плохие" народы, "русская душа", особенные свойства "немецкого духа" и пр., считая все это банальностью. Как для каждого большого писателя, для Мацкевича первенствующую роль играет человек во всей его сложности, без различия национальности или вероисповедания.

Во время раздела Польши между Германией и СССР в 1939 году Мацкевич попал под советскую оккупацию. Он работал лесорубом и возчиком, был арестован большевиками и только начало немецко-советской войны спасло его от ссылки в СССР. Зимой 1943 года, по приглашению немецкого "Восточного министерства", Мацкевич присутствовал в Катыни при эксгумации останков 4500 польских офицеров, расстрелянных большевиками весной 1940 года. После войны Мацкевич оповестил весь мир в книгах на польском, английском, немецком, французском, итальянском, испанском и португальском языках об этом вопиющем большевистском злодеянии. В 1952 году

Мацкевич, в качестве главного свидетеля Катынского преступления, выступал перед специальной комиссией Конгресса США, где была установлена и доказана вина большевиков в массовом убийстве польских офицеров. За свою разоблачительную и обличительную деятельность Мацкевич снискал себе в правительственный, коммунистической варшавской прессе имя "врага народа", "изменника" и "коллаборациониста".

Перед окончательным занятием Польши советской армией, в начале 1945 года, Мацкевич бежал из Krakова в Вену и дальше, с группой литовских и крымских татар, в Северную Италию.

Мацкевич – выдающийся польский писатель. Еще студентом Варшавского университета он занялся журналистской и литературной деятельностью. Первый том его повестей вышел в 1935 году, затем последовали романы и книги политического характера, которые были переведены на многие западные языки. В анкете польской Центральной библиотеки в Лондоне он был отмечен как "наиболее читаемый писатель польской эмиграции", а известный польский поэт Мариан Хемар назвал его "самым крупным прозаиком со смерти Стефана Жеромского (1925 г.)". Мацкевич является членом "Польской литературной академии в изгнании". Он был награжден высшим орденом Польского зарубежного правительства в Лондоне, в 1974 году его выдвинули в кандидаты на Нобелевскую премию, но поддержку он получил лишь в русских, а не в польских эмигрантских кругах. Причиной тому были, как говорит Мацкевич в интервью, которое он дал немецкому журналу "Criticón" (Мюнхен, июль-август 1978), его "две книги с резкой критикой ватиканской 'восточной политики' ". В польских и немецких католических кругах эти высказывания Мацкевича вызвали недовольство, и автор подвергся если не полному ostrакизму, то во всяком случае своего рода бойкоту.

Мы впервые предлагаем читателю книгу Мацкевича на русском языке. "Победа провокации", написанная 20 лет тому назад, отнюдь не утратила своей актуальности. С политического горизонта ушли одни деятели, их сменили другие, но сущность международного коммунизма осталась неизменной, и его цель – захватить весь мир – сегодня, больше чем когда-либо, нависла угрозой над всем человечеством. В "Победе провокации" Мацкевич убедительно показывает, что Россия стала первой жертвой коммунизма, а последующие события истории – только логическое продолжение октября 1917 года.

Сергей Крыжицкий

**НА НАКЛОННОЙ ПЛОСКОСТИ**

## ”ЦЕНЗУРОЙ НЕДОПУЩЕНО”

Один из самых знаменитых русских присяжных поверенных прошлого столетия, поляк Спасович, выступая в Петербурге в 1871 году в известном процессе 79 нигилистов-”нечаевцев”, — тех самых, которые стали прототипами ”Бесов” Достоевского, — сказал в своей защитительной речи:

”Когда поляк смотрит на прошлое, то многое из этого прошлого заставляет живее биться его сердце. Воскрешая в памяти величие этого прошлого, одетого в золото и пурпур, он окунается в него и лелеет демократические мечты с присущим его характеру национальным романтизмом.”

Трудно более точно передать в нескольких словах характеристику поляка, утвердившуюся поколениями, подхваченную польской историей и литературой. К этой характеристике подогнаны все восстания и революции до первой мировой войны. Все это было слегка приукрашено идеалами польского национального романтизма, расцветшего после раздела Польши, включая лозунг Пилсудского о входе ”в красный трамвай, чтобы сойти на остановке: Польша”. К этой характеристике подходит также то презрительное пожатие плечами, когда в начале 1944 года в Варшаве, в разговорах с членами Подполья, я пробовал представить им опасность советской оккупации. И вот, что я слышал в ответ: ”Несмотря на бешеный террор, мы умеем эффективно сопротивляться, сумели среди белого дня застрелить Кучеру!.. Мы, сумевшие уничтожить главарей Гестапо и СС, не сможем справиться с какой-то Василевской, с каким-то Путраментом или с другими типами, состоящими на службе советской агентуры?! — Ведь для нас это детские забавы!” — Это были голоса рядовых поляков, воспитанных в популярных традициях.

Так как же дошло до того, что происходит в настоящее время?

За несколько лет до начала Второй мировой войны премьер Славой-Складковский демонстративно вручил Президенту Речи Посполитой свою отставку в знак протеста против "crimen laese maiestatis" — преступления, которое он увидел в самовольном решении краковского архиепископа перенести останки Пилсудского в Вавельский замок, в склеп Серебряных Колоколов. Во всей стране поднялась из-за этого шумиха, увеличившая число врагов краковского архиепископа. Если бы, однако, тогда кто-нибудь сказал: "Его Преосвященство Архиепископ Митрополит Кардинал князь Сапега — человек, способный признать агента НКВД "Президентом Речи Посполитой", а большевистскую оккупацию назвать "освобождением Польши", — то нельзя не согласиться, что даже самые большие противники архиепископа увидели бы в такой клевете безвкусное преувеличение. Если бы кто-нибудь предсказал, что это не только наступит в ближайшее время, но что после смерти митрополит будет назван самой патриотически настроенной фракцией: "Князем Непоколебимым" — никто бы даже, наверное, не понял, в чем смысл этого вредного анекдота, поклева, или просто безумия.

Это никогда не высказанное пророчество стало действительностью. Выходящий с 1945 года "Tygodnik Pow-szechny", официальный орган краковской митрополичьей курии, называет вступление большевистских войск "освобождением Польши". В 1947 году Болеслав Берут, бывший агент НКВД, становится "Президентом Речи Посполитой" и получает признание польского епископата. В 1951 году умирает митрополит Сапега и в эмигрантской польской прессе, в посвященных ему некрологах, его называют "Князем Непоколебимым", потому что, будучи католическим епископом, он сопротивлялся превращению Костела в орудие безбожного большевизма.

Времена эти в сопоставлении с сегодняшними кажутся, однако, весьма отдаленными.

В 1945—47 годах большинство польской эмиграции клеймило бывшего премьера Станислава Миколайчика, на-

зывая его "изменником" за то, что он не согласился войти в коалиционное правительство с коммунистами. Если бы во время общего возмущения и подавленности по поводу отказа западных держав признавать впредь законное польское правительство, можно было предсказать, что вскоре вся эмиграция будет не только поддерживать установление дипломатических отношений с коммунистическим правительством в Варшаве, но даже ходатайствовать об иностранных займах для этого правительства, то не казалось бы странным назвать "изменниками" поляков, которые противились бы таким попыткам... К тому же никто не поверил бы в возможность чего-либо подобного. Никто также не поверил бы в то время, что польский примас поддержит выборы единого коммунистического списка и что католическая группировка "Тыгодника Повщехнега" примет большее участие в сотрудничестве с коммунистами, чем это делал "PAX"\*, в начале своего существования, и несмотря на это будет и в дальнейшем считаться польской патриотической группировкой. Одним словом, никто не поверил бы в возможность всех иных, здесь не приведенных, примеров сегодняшней действительности. Если я дал здесь кое-какие из них, то отнюдь не из желания кого-либо лично обидеть. Наоборот, я намерен по возможности обходить эмоциональную сторону, настоль, увы, распространенную в польской политической литературе, и сводить дискуссию к спокойной оценке действительности. Прекрасный польский эссеист Вацлав Збышевский справедливо отметил, что мы слишком сильно любим оценки нравственного характера и слишком мало — оценки фактов.

По образованию я естествоед. Мой профессор, зоолог, блаженной памяти Константин Яницкий, говоривал, что сравнительная наука — наука точная; только путем сравнения приобретается объективное знание. Назидание это я пытаюсь сохранить по сегодняшний день и смотрю на него как на дорожную веху, так как оно кажется мне единственным правильным методом для оценки всякой доступной человеку правды.

---

\* "Польский социальный католический союз"

К фактам, имевшим место в Польше после 1945 года, нельзя, конечно, подходить в отрыве от реакции, которую в значительной степени вызвала предыдущая немецкая оккупация. Так, например, процитированное выше выражение: "освобождение Польши" Красной армией может касаться только освобождения ее от немецкой оккупации и только коммунисты и их сторонники применяют это определение также к освобождению Польши от капитализма. Тем не менее, этот факт представляет собой только иллюстрацию, комментарий к событиям. Он не меняет наступившего психологического сдвига, который обладает всеми особенностями наклонной плоскости. То, что произошло, стало переходом с позиции отрицания большевистского режима на позицию оппозиции большевистскому режиму в Польше. Я вполне сознательно употребляю здесь раздражающее конформистов определение: "большевизм", потому что термин этот более точный сегодня, чем в прошлом. Правильно указывается на возврат к направлению так называемого "чистого ленинизма". Однако с оговоркой, что ленинизм не существовал при жизни Ленина. Термин этот возник после его смерти. При жизни его существовал большевизм, который как раз и был классическим творением Ленина, вместе с его многими тактическими формами, в том числе и с большевистским НЭПом. И вот этот-то большевизм, когда-то неприемлемый для всех поляков, за исключением горсточки коммунистов, получил признание "de facto". Одновременно определилось некое совпадение между "польским путем к социализму" на родине и путем капитуляции вне родины.

Мы не живем в пустоте; мы связаны общим процессом происходящих в мире перемен, речь о которых будет впереди. Но нельзя, как это делается, исключительную ответственность за содеянное сваливать на окружающий мир, на западные державы и в особенности на политику Соединенных Штатов. Ставить на вид западным державам их ошибки, их "ослепление", их "глупость" — очень популярная тема в польской публицистике. Мы забываем, что эти державы, с зачастую традиционно осуждаемой нами "близорукой" политикой, тоже не врачаются в пустоте и политику свою основывают нередко на предпосылках, почерпну-

тых из нашего подхода и подхода других народов, покоренных Советским Союзом. В то же самое время, именно любая критика аналогичного собственного подхода к Советскому Союзу и коммунизму принадлежит к теме в высшей степени непопулярной в польской публицистике, избегаемой или открыто запрещенной. Особенное табу наложено на те моменты, которые могли бы указать, что политический подход некоторых польских кругов не в малой мере способствует созданию ложной оценки истинной угрозы со стороны интернационального коммунизма, а также частично несет ответственность за создание дезинформации, господствующей теперь в западной политической мысли. Дискуссия на эту тему, если она иногда попадает на страницы польской прессы, носит условный характер и вращается в границах недосказанности и цензуры, навязанной национальными постулатами. Существуют также установленные сверху правила критики черт национального характера, если она выходит из рамок, начертанных выше в речи адвоката Спасовича.

Раздумывая над цепью причин, которые довели до сегодняшнего положения на родине и в эмиграции, я несколько раз пытался переступить барьеры, стесняющие польскую публицистику. В большинстве случаев безрезультатно. В настоящей книге читатель найдет некоторые высказывания, недопущенные цензурой польской зарубежной печати.

### **ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ МЫСЛИ**

Я не ставлю себе целью навязывать другим свои взгляды. Заранее заявляю, что несомненно существуют веские аргументы, которые могут подорвать не один из моих собственных. С другой стороны я глубоко убежден, что польская эмиграция — как, впрочем, каждая эмиграция из-под коммунистического владычества — должна исполнить и может исполнить некую важную миссию. А именно: потеряв независимость государства — спасать независимость мысли.

Но нельзя спасти независимую мысль посредством торжественных постановлений, постулатов, патриотических требований и, тем более, лозунгов и запретов.

Всей правды не знает ни один человек на этом свете. То, что мы, люди, называем "правдой", является лишь поисками таковой. Поиски правды возможны только в борьбе мыслей, а борьба мыслей возможна лишь в свободной дискуссии. Поэтому коммунистический строй, запрещающий это, является великой неправдой. Очутившись в мире, признающем свободу личности и свободу мысли, мы должны делать все возможное, чтобы не сужать горизонты, а расширять их, не сужать дискуссию, а расширять ее. Если книга моя, хотя бы в малейшей мере, будет способствовать такому расширению горизонтов, я буду считать, что достиг своей цели.

\* \* \*

Следует признать, что середина XX века не предоставляет благоприятной для этого конъюнктуры, даже в свободном от коммунизма мире. Мир этот, с 1914 года, совершил большие преображения и достиг многоного. Среди прочего он ликвидировал многих королей, императоров и царей и призвал на трон принцип тотальной демократии. Потому ли, что этот новый правитель выступает так totally, потому ли, что базируется на массовом человеке — он безусловно благоприятствует производству побочного продукта, который можно назвать коллективным образом мышления. Стальный, буйный индивидуализм вышел из моды. Как каждая старомодная вещь, он подвергся основательной переделке, в некоторых случаях, может быть, даже слишком радикальной. К сожалению, происходит это как раз в эпоху, когда тоталитарный коммунизм возвел коллективизированную человеческую мысль в степень обожествления. Многое указывает на то, что после Второй мировой войны западные демократии склонны не бороться с коммунизмом, а с ним соединяться. В результате рождается стремление к односторонности, к почти неоспоримому однообразию.

Когда-то Римский Папа Лев XIII, давая аудиенцию немецкому канцлеру фон Бюлову, выразил убеждение, что наихудшее зло это социализм и демократия. Это были времена

мена, которые справедливо можно назвать реакционными. Но одновременно напрашиваются некоторые сравнения. Среди них можно отметить факт, что порой во времена императоров и королей легче было быть революционером, чем сегодня контрреволюционером; легче было быть социалистом, чем сегодня быть по убеждению антисоциалистом. Ленин, создатель самого большого рабства в истории человечества и самый большой враг старого мира, будучи в ссылке в Сибири, жил в условиях, которые в сравнении с сегодняшними кто-то остроумно назвал "Вишневым садом".

Сравнение некоторых человеческих свобод не всегда выходит в пользу свобод, санкционированных демократиями. Возьмем, например, отношение к войне. Каждая война, не только теперь, но всегда, считалась несчастьем. О необходимости мира говорилось раньше не меньше, чем теперь. Как и теперь, созывались конференции и обсуждались способы сохранения мира. Первая мирная конференция в Гааге, созданная по инициативе императора Николая II по вопросу ограничения вооружений, привлекла в 1899 году 26 государств; вторая, в 1907 году, — уже 44 государства, которые приняли ряд конвенций, важных для сохранения мира. Слово "мир" было у всех на устах; тем не менее об освободительных войнах можно было не только говорить и писать, но и прославлять их. Окинем взглядом города Европы и мы увидим в них множество памятников, установленных людям, по почину которых начиналась в свое время не одна освободительная война. Турист в Италии чуть ли ни в каждом мало-мальски уважающем себя городишке найдет памятник Гарибальди, с саблей в руке или со штандартом, призывающего к войне. Некоторые из этих памятников совсем еще недавних лет. Но если сравнить тиранию Австрии, против которой Гарибальди призывал к войне, с сегодняшней тиранией Советского Союза, против которой нельзя призывать людей к войне, то думающий человек испытывает некоторую неловкость. Навязывается вопрос: как же это случилось, что в наше время, когда возникла самая большая в истории тирания, закабалившая сотни миллионов людей, слово "война" практически запрещено демократическим

общественным мнением? И каждый, осмелившийся его прознести, клеймится "преступником" или "безумцем".

В действительности же дело является еще более односторонним, чем может показаться на первый взгляд. Ибо сегодня не каждая "освободительная война" порицается в одинаковой степени, а только война народов, борющихся за освобождение из-под советского владычества. Порицается не каждая "революция". Порицается только (контр-) революция против коммунизма. И происходит это в то время, когда этот самый коммунизм, расширяя свои завоевания, явно и на глазах у всех разрешает себе их прославление под лицемерным именем "революции" или "освободительной войны".

Это наводит нас на другой феномен нынешних времен, а именно на позицию, которую занимают так называемые интеллектуальные круги почти всего мира, круги художественные, литературные, университетская молодежь и т. д. В старые времена как раз из этих кругов вербовался самый большой процент "сorвиголов", шокирующих своими подрывными идеями солидных граждан.

Вдруг эти горячие головы куда-то исчезли. Куда девались эти индивидуалисты, эти идеиные растрепы, призывающие к недостижимым подвигам? По правде говоря, на всех бульварах больших городов мы встречаем не меньше, а даже еще больше, патлатых экзистенциалистов, но они представляют собой не индивидуальный тип, а скорее тип коллективный; они представляют собой не сторонников свержения тирании, а в большинстве случаев сторонников существования с этой тиранией. Мы имеем дело с необыкновенным парадоксом.

Физическое насилие и массовые преступления качественно не являются характерной чертой коммунистического строя. Во многих случаях Гитлер сумел перещеголять эти обыденные преступления. Самой характерной чертой коммунистической системы является рабство человеческого духа, закабаление человеческой мысли, человеческого интеллекта. Казалось бы, что самых больших врагов этой системы надо искать не столько среди рабочих, крестьян, ремесленников, буржуев и серой уличной толпы, сколько среди так называемых прогрессивных кругов, которые по тради-

ции поставили идеал свободной мысли выше толпы и вопросы духа выше хлеба насущного. Логически следовало бы ожидать, что именно эти интеллектуальные круги всех стран станут авангардом борьбы с коммунизмом. Однако ничего подобного не произошло. А произошло нечто совершенно неожиданное: бунтарей прозвали "реакционерами", а послушно впряженные свои выи в упряжь коммунистической тирании именуют себя "прогрессивными".

\* \* \*

Лучшим примером вышеуказанного парадокса может служить позиция, которую заняли литераторы, члены международного "Р.Е.Н." Клуба.

Как известно, коммунистический строй превратил великую русскую литературу в безвкусицу, лишенную какой бы то ни было ценности. Во всех странах, которыми завладевает коммунизм, свободной литературе подрезывают крылья или ее совсем уничтожают. В то время как ПЕН Клуб обязан соблюдать основы своей, красиво звучащей, "Хартии" о свободе духа, мысли и творчества, — он, вместо того, чтобы бороться за эти возвышенные идеалы, поступает наоборот — проявляет стремление к сотрудничеству с теми, кто топчет эти идеалы. Он приглашает в свою среду коммунистов, избирает в качестве представителей литераторов с соглашательскими по отношению к коммунизму склонностями, людей, посещающих Москву. А в последнее время вице-председателем был избран представитель коммунистического государства, поляк Паандовский, который если и не коммунист, то будет, как известно, во всех случаях голосовать на стороне коммунистов.

Подобное поведение всемирной литературной организации не является обособленным, а скорее отражает настроения, царящие в интеллектуальном мире вообще, а в литературном в частности. И не только в Западной Европе, но и в Америке.

В 1955 году Нобелевскую премию по литературе получает слабый писатель, исландский коммунист Г. Лакснесс. В том же самом году некий итальянский поэт, Сальваторе Квазимодо, публикует в "L'Unita", органе коммунисти-

ческой партии Италии, стихотворение следующего содержания:

В начале Бог сотворил землю и небо.  
В надлежащий день повесил также  
Света на небе  
.....  
Через миллионы лет зажгли люди  
.....  
Иные света на радостном небе  
— Октябрьской Ночи,  
Похожие на те, что кружатся от сотворения  
Свёта. Аминь.

Это о большевистской революции. Через два года, в 1959 году, Квазимодо получает Нобелевскую премию по литературе. Агент коммунистического варшавского правительства, литератор Ярослав Ивашкевич, пишет в газете "Życie Warszawy" (27. 10. 1959) о награждении Квазимодо:

"Друг нашей культуры... Друг нашего народа! В 1948 году был на конгрессе мира; в 1955 году — на празднествах в честь Мицкевича"...

Излишне добавлять, что все тут перечисленные мероприятия были мероприятиями коммунистическими.

Корреспондент "Figaro Littéraire" спрашивает Квазимодо, правда ли, что он отказался поставить свою подпись под протестом против заключения в тюрьму венгерских писателей? "Да, — отвечает лауреат Нобелевской премии, — я не подписался, так как обстоятельства, существовавшие в Будапеште, мне не были известны..." Когда же ему был задан вопрос о литературной жизни Москвы, куда он часто заглядывает, то он отвечает: "Литературная жизнь Москвы развивается нормально, без какого-либо давления извне... Вполне понятно, что есть некоторые границы, естественно связанные с каждым политическим обществом. Иначе не бывало никогда, даже в Греции времен Перикла".

Если существуют классические примеры лицемерия, то несомненно, такого рода ответ должен быть зачислен в эту

категорию. Никто на Западе не станет утверждать, что Квазимодо и ему подобные писатели и художники награждаются или делают свою карьеру, потому что они коммунисты или прокоммунисты. Такого рода упрек отвергается обыкновенно с презрением и с пожатием плеч. Что же касается их мировоззрения, то они характеризуются как люди, стоящие "за мир". Таким образом лозунг "Мир" ставится выше других абсолютных ценностей, таких, как: истина, свобода мысли, свобода передвижения, благо личности и т. д. Все расценивается ниже, чем относительное понятие "мир", ибо известно, что, в основном, дело тут не касается абсолютного мира, а мира исключительно с коммунистическим миром.

Вполне понятно, что если такую позицию занимают передовые представители духа — "Weltgeist"-а, то незачем возмущаться конформизмом простого обывателя современной массовой культуры.

\* \* \*

В декабре 1958 года, когда я еще принадлежал к международному ПЕН Клубу (из которого ушел на Франкфуртском конгрессе после того, как в ПЕН Клуб приняли венгерских коммунистов), я выступил с речью на съезде эмиграционного "Центра" в Мюнхене, выдержки из которой позволю себе процитировать:

"...Читал "Доктора Живаго" Бориса Пастернака и должен признаться, что был восхищен. Разрешу себе, однако, выразить мнение, что с литературной точки зрения он уступает такому, например, таланту, как Бунин. Что же касается философского освещения хода революции, то гораздо более интересными представляются мне воспоминания проф. Федора Степуна. Говорю "например", так как в русской эмиграции есть много первоклассных талантов, которые остаются совсем неизвестными. Трудно потому не поддаться сомнению, получил ли бы "Доктор Живаго" такую степень известности, если бы автор книги был эмигрантом. Сомнение это подкрепляют книги "Оттепель" Эренбурга и "Не хлебом единым" Дудин-

цева. "Оттепель" — книга, не представляющая собой никакой литературной ценности, а произведение Дудинцева — безвкусица. Но почему же эти книги публикуются на всех языках, и люди бегут в книжные магазины, чтобы истратить хорошие деньги на плохие книги? А потому, что они подходят к современной политической концепции. Что бы ни говорилось о произведении "Новый класс" Джиласа, с уверенностью можно сказать, что на протяжение сорока лет, с тех пор, как на Востоке господствует большевизм, десятки авторов лучше и удачнее Джиласа определили сущность коммунизма. Почему же, однако, их произведения канули в вечность, а произведение Джиласа стало мировым бестселлером? Опасаюсь, что лишь потому, что он никогда не скомпрометировал себя антикоммунистической работой и в принципе остался таким же коммунистом, каким был всегда.

Ибо совсем иное отношение к борцам-антифашистам, чем к старым борцам-антикоммунистам. Последних не только не ценят, но с ними даже борются. Даже если их не считают "реакционерами", то во всяком случае они имеют репутацию старых "зануд". И не только в левых кругах.

Если какой-нибудь писатель-эмигрант обратился бы в газету "Figaro Littéraire", считающуюся правой, с перечислением миллионов людей, убитых коммунистами, то его бы сумели выгнать из редакции. Но вот, вдруг, появляется в редакции писатель, представляющий молодое поколение недовольных коммунистов, ни одной книги которого никто в редакции не читал. (Речь тут о Марке Гласко. — Примечание автора). И сейчас же у него берут большое интервью, а новая звезда, глубокомысленно морща чело, заявляет, что "за Железным Занавесом не хватает зубных щеток..." И такое заявление появляется на первой странице парижского еженедельника, будто нехватка зубных щеток является какой-то сенсацией после всего того, что мы знаем вот уже свыше сорока лет о действительной жизни под коммунизмом.

Казус с этим писателем типичен для оценки современной моды на Западе, которую я бы назвал политической "mademoiselle Sagan"... Многие женщины пи-

сали лучше о любовных переживаниях, но не в возрасте 18 лет... Кроме того, не каждый, кто пишет о коммунизме — коммунист или был коммунистом.

Не сопоставляя, конечно, литературные таланты, хочется сказать, что Казус-Гласко в сопоставлении с Казусом-Пастернак, дает нам возможность извлечь поучительную аналогию. В Советском Союзе профсоюзы, заводские коллективы, комсомольцы и тысячи других называли Пастернака, по приказу партии, свиньей и изменником. Откуда, однако, все эти люди знали, что Пастернак изменник и свинья, если книгу его никто не читал, так как она не была опубликована в Советском Союзе? В нашем свободном мире Гласко широко рекламировали и о нем появилось в прессе много заметок и интервью еще до того, как книги его стали переводить на иностранные языки. Откуда же знали, что он стоит такой большой рекламы?..

Варшавская газета "Trybuna Ludu" выступила с "обвинением" Гласко в том, что он включился в антикоммунистическую литературу. И на это сей лауреат новейшей европейской моды отвечает с возмущением из Парижа: "Это клевета! Это полицейский донос!" — И никого не нашлось, кого бы это возмущение привело в негодование. А можете ли себе, господа, вообразить реакцию, если бы кто-нибудь обвиненный "во включении в антифашистскую литературу", крикнул в ответ: "Это клевета! Это полицейский донос!"?..

\* \* \*

Несомненно, таким значительным нравственным преизношением коммунизма над фашизмом в глазах общественного мнения мы обязаны Гитлеру и его бандитским методам, скомпрометировавшим идею Крестового похода против коммунизма.

С другой стороны, западные демократии, поддерживавшие во время войны центр мирового коммунизма — не только материально, но и морально — очутились после советской победы в затруднительном положении, которое коммунизм сумел легко использовать.

Ни одна из политически активных западных держав не хотела признаться в допущенной ошибке. Никто не любит признаваться в ошибках, а уж тем более сильные мира сего. После окончания войны на Западе ввели как бы своеобразное политическое "Calendarium"<sup>\*</sup> с делением на зло и добро, первый день которого датируется 22-м июня 1941 года. Начиная с этой даты, добро есть все, что делалось для поддержки Советского Союза, а зло есть все, что препятствовало его победе над Германией. Кто помогал Советскому Союзу во время войны, невзирая на личные политические убеждения, имеет сегодня право голоса в свободном мире, а тот, кто мешал, пусть помалкивает. По отношению к народам, покоренным коммунизмом, эта формула выглядела бы следующим образом.

Каждый народ, покоренный коммунизмом, имеет, в глазах Запада, или право на самооборону или же право исчезнуть с лица земли. В последнем случае он может даже рассчитывать на сочувствие. Однако ни один народ не имел права с 1941 года сопротивляться Советскому Союзу, когда тот находился в состоянии войны, а тем более, если народ этот содействовал немецкой армии. В таких случаях, не принимая во внимание интересы данного народа, "ipso facto" его зачисляли в стан врагов демократии. Такого рода формула заставила эмигрантов, представителей Восточной Европы, которые во время последней войны взялись за оружие против коммунистов, создавать политическое алиби. Чтобы представить Западу смягчающие обстоятельства и приобрести его расположение, требовалось, ради личных интересов, искажать настоящий ход событий — иногда в меньшей, а иногда в большей степени. Отсюда многочисленные клятвы, что, дескать, взбунтовались мы против "сталинской тирании", но, конечно, ненавидели и Германию в равной степени. Или еще более эффективно заявление, что в действительности "боролись с самого начала на два фронта". Даже участники Власовского движения пытались "искупить свою вину", раздувая последний эпизод войны, когда по соглашению с чешской подпольной организацией, они повернули оружие против Германии.

---

\* Учетная книга в древнем Риме

Как известно, в первой послевоенной фазе это им не очень пригодилось, так как вместе с казаками и другими антибольшевистскими формациями Запад выдавал их, часто на верную смерть, в руки советских властей.

В нововведенном "Calendarium" Гитлер играет роль, близкую к роли Дьявола времен сурового средневековья, роль канонического зла, без права на подробный анализ этого канона под угрозой исключения из общей демократической церкви, в данном случае буквально охватывающей весь мир — большевистский и не большевистский. Старое либеральное право на неограниченные сравнения, ограничили нравственным запретом, нарушать который нельзя даже для строго научных исследований. Отсюда вполне понятно, что малейшее проявление антисоветства во время последней мировой войны, с помощью соответствующей обвинительной диалектики, тем или иным способом может быть легко связано с личностью Гитлера.

Потому, вероятно, еще никогда после войны, мир не был залит такой массой вынужденных лжецов. Многие люди попали в безвыходное положение, принуждающее их фальсифицировать "curriculum vitae" не только свое, но и своих народов, и искажать ход событий и исторических фактов. Даже человек с таким незапятнанным прошлым, как, например, финский маршал Маннергейм, нашел уместным сразу по окончании войны дать удручающее унизительное интервью, в котором почти совсем умолчал о годах борьбы с большевизмом, а выделял только моменты разрыва союза с Германией. Лично я сталкивался с людьми из бывшей Власовской армии, которые по сегодняшний день не могут избавиться от инстинктивного движения — оглянуться и понизить голос, призываясь в своем участии в борьбе с большевизмом во время Второй мировой войны.

Этим людям нельзя удивляться. Сразу после войны самого большого американского поэта (и одного из крупнейших в мире) Эзру Паунда посадили в железную клетку для обезьян за высказанные им симпатии к итальянскому фашизму. Его держали в ней до тех пор, пока в виде милости не перевели в психиатрическую лечебницу. В такую же лечебницу посадили одного из самых больших

прозаиков мировой литературы, восьмидесятишестилетнего Кнута Гамсона, который во время войны высказался за союз с Германией.

В то же самое время другого великого прозаика с мировой славой, Томаса Манна, заявившего, что "самым большим в мире безумием является антисоциализм", никто даже не заподозрил в потере здравого смысла.

\* \* \*

Недавно на Западе были изданы в переводе произведения прекрасного советского писателя раннего периода Исаака Бабеля. В Западной Германии в 1961 году целых три издательства выпустили его книги. Критика горячо приветствовала эти переиздания.

Бабель оставался до конца жизни идейным большевиком, а свою карьеру начал в свое время в наводящей ужас ЧК, позднейшем ГПУ. Этот талантливый писатель с симпатией пишет о своей службе в ЧК, украшая свои воспоминания присущим его перу шармом абстрактной супровности, реализмом и теплотой романтических порывов.

Из других источников известно, что когда Бабель служил в большевистской полиции, согласно подсчетам, наверное преувеличенным, как, впрочем, принято преувеличивать любые статистические данные, касающиеся массовых убийств и потерь, — ЧК убила и замучила на смерть 1 700 000 человек в течение только одного года (1918—1919) и только на территории южной России. На Кубани развлекались рубкой шашками заключенных, стоявших над открытыми могилами; в Царицыне (будущем Сталинграде-Волгограде) арестованных содержали в тюрьмах старых барок, в массовом скоплении, вместе мужчин, женщин и детей, в нечеловеческих условиях и в ужасающей вони собственных испражнений, а потом топили их в Волге; в Харькове специализировались в скальпировании и в стягивании так называемых "перчаток"... и т. д.

Сравнительные цифры учат нас, что большевистская ЧК, с позднейшими ее перевоплощениями в ГПУ, НКВД, МГБ и МВД, совершила за 40 лет количественно больший

геноцид, чем это успело сделать Гестапо за относительно короткое время своего существования.

Исаак Бабель пользуется на Западе заслуженным литературным успехом. Обратим, однако, внимание на общее возмущение, какое вызвало в свое время "разоблачение" румынского эмигранта Георгиу, автора "25-го часа", или на скандал в мировом масштабе, вызванный опрометчивым награждением Академией Goncourt (L'Academie Goncourt) эмигрантского писателя Винтиля Гориа за книгу "Dieu est né en exil" ("Бог рождается в изгнании"). А ведь ни Георгиу, ни Гориа никогда не служили в организации, аналогичной той, в какой служил Бабель. Они только "якобы" выражали в прошлом взгляды, не соответствующие взглядам, принятым сегодня.

Я занимаюсь личностью Бабеля, так как она служит мне объектом для сравнительного метода. Впрочем, Бабель превосходный писатель. Среди прочего, пишет он ненавистью ко всему польскому, а в особенности к католицизму. В его книгах много богохульства и святотатственных тенденций. Он описывает католического священника, развешивающего постиранные бюстгальтеры своей хозяйки в костеле на гвоздях распятия; он пишет, что княжна Deborah была любовницей Христа и т. п. В краковском "Всеобщем еженедельнике" ("Tygodnik Powszechny"), который принято считать искренне католическим, писательница-католичка Старовейская-Морстинова так пишет о творчестве Бабеля:

"...эта жизнь, так грубо, так реалистически показанная, укладывается в ...захватывающую шагаловскую композицию. Все тут и сверхреалистично и одновременно провиденциально. И насколько красиво! Я просто восхищаюсь этим миром многолюдным и богатым... Какой писатель! Поистине он достоин стоять рядом с самыми большими тузами великой русской прозы. В чем же искусство писателя... которое умеет все перенести в ту стратосферу, где уже нет слов 'красивое' и 'некрасивое'... А есть только слово 'прекрасное'." (1. 10. 1961)

Я лично первым протестовал бы против включения книги Исаака Бабеля в какой-либо запрещенный список. Личные убеждения не изменяют объективного утверждения, что до 1941 года ни один в мире писатель-католик не написал бы такой рецензии на эту книгу и ни одно католическое периодическое издательство в мире не согласилось бы напечатать такую рецензию. На вид казалось бы, что наступил какой-то положительный перелом в области терпимости и всесторонности взглядов. В действительности же, такое заключение было бы чрезвычайно ошибочным, выведенным из вводящих в заблуждение предпосылок. Такое заключение скорее свидетельствует о господствующей сегодня коллективной односторонности. Мы можем наблюдать ее в "ориентире налево" даже итальянской христианской демократии.

\* \* \*

Уже Нюрнбергский процесс, который должен был стать трибуналом мировой справедливости, захватил врасплох своею односторонностью; и не так даже разоблачением гитлеровских преступлений, как небывало грубым нарушением чувства объективной морали. Представители Советского Союза, которые сами должны были бы быть судимы буквально по каждому пункту обвинения, не сидели на скамьях подсудимых. Наоборот — они заседали в судейских креслах! Они обвиняли других в совершенных ими же преступлениях. И, конечно, весь состав суда знал это, потому что иначе не изъял бы тактично дела Катыни. И вот дошло до того, что согласие не возлагать вины за советское преступление на немцев было признано проявлением справедливости и международной беспристрастности... Что бы мы ни говорили об этом процессе, бросается в глаза, что он велся таким способом, который в прошлом назывался "unfair". Ни о какой объективности не могло быть и речи, так как заранее был отброшен какой бы то ни было сравнительный критерий.

Это было плохое начало послевоенного периода. Именно в этот период возникла некая характерная, по сей день обязывающая побочная формула: можно быть жертвой

"сталинизма", но не подобает быть открытым врагом коммунизма. — Формулу эту подогнали к новому "Calendarium" и она даже сохранилась в позднейшем периоде "холодной войны".

Таким образом все познания о прошлом коммунизма подверглись как бы официальному забытью. В период разгара холодной войны можно было сравнивать Сталина с Гитлером, но не наоборот. Если бы кто-нибудь сказал, что Stalin всегда был хуже Гитлера, то сказавший это опрокинул бы и святых и чертей нового "Calendarium", а смысл последней войны и послевоенной схемы перевернут был бы вверх ногами. И вследствие этого допускается упрекать Сталина в том, что он заключил пакт с Гитлером, но немыслимо укорять Гитлера в том, что он заключил пакт со Сталиным. Допускается сопоставлять советские лагеря с гитлеровскими "кацетами", недопустимо, однако, обратное сопоставление. Тем временем историческая хронология говорит другое. Декрет об учреждении "лагерей принудительного труда" в Советской России был подписан председателем Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета М. И. Калининым 15 апреля 1919 года ("Собр. Узакон.", 1919 г. № 12, стр. 124). Этот декрет, в силу постановления ВЦИК'а от 17 мая 1919 года, за подписью В. Аванесова, был расширен и подробно разработан. Он придал организации этих лагерей классическую форму, скопированную позже Гитлером. В том же 1919 году, т. е. когда Гитлер был еще никому неизвестным бродягой, на территории Советской России было учреждено 97 концентрационных лагерей. Таким же самым образом переставлялись и другие исторические факты, что практически позволило толковать всякое антикоммунистическое движение до 1941 года как что-то подозрительно "реакционное", а между 1941—1945 годами, — как "измену родине". Это выглядело так, как будто между 1917—1945 годами большевистская действительность и не существовала вовсе, а мир познакомился с ней, начиная с конфликта "Восток-Запад" после Второй мировой войны. Причину этой коллективной мистификации надо искать в необходимости морального оправдания союза с международным коммунизмом во время войны. Без этого оправдания идеяная

интерпретация войны с Гитлером была бы невозможна или, во всяком случае, — осложнена.

На фоне искажения исторической правды родился ряд легенд, которые укрепились в настоящее время. К ним принадлежит, первым долгом, легенда о том, что якобы большевистская революция в России была во всяком случае ("несмотря на все") прогрессом в сравнении с реакционным царским режимом. Во-вторых, — легенда о так называемом "сталинизме" в противоположность "лучшему" (или совсем "хорошему") "ленинизму". В-третьих, — легенда о гитлеровском фашизме как о "черной реакции".

Особенно эта последняя не подлежит никакой дискуссии. Однако известно, что гитлеровские заправили, несмотря на применяемую ими тактику для достижения власти, в глубине души больше ненавидели консерваторов, чем большевиков.

Гитлеризм базировался на системе и терроре несомненно социалистического типа, хотя, в отличие от большевизма — типа не-марксистского. Потому антигитлеровский заговор в Германии носил безусловно черты классической контрреволюции "справа", хотя, принимая во внимание обязывающие сегодня настроения, ему пытаются, с немецкой стороны, придать характер "демократический". Среди 158 человек этого заговора, повешенных, замученных насмерть или, во избежание пыток, покончивших жизнь самоубийством, было графов и баронов — 25, потомственных дворян с приставкой "фон" — 31; вместе — 56, т. е. больше трети погибших.

Подтасовка исторической правды стала необходимой еще и потому, что в противном случае пришлось бы передвинуть границу между гитлеровскими и коммунистическими преступлениями и преступлениями западных держав, которые надо было как-то затушевывать. Так, например, бомбардировка Хиросимы, где погибло 60 тысяч гражданского населения, бомбардировка Дрездена, где погибло свыше 200 000 (по другим источникам около 400 000) гражданского населения, массовые выдачи людей в руки советских палачей и т. д. — все это могло бы подпасть под моральный и правовой параграф "человеко-

убийства" — именно под тот, за который вешали приговоренных в Нюрнберге.

Политика Запада во время войны определялась соображениями, навязанными ей союзом с СССР. Политика Запада после войны определяется соображениями, навязанными ей желанием мирного сосуществования с Советским Союзом. Диспропорция между толкованием гитлеровских преступлений и преступлений коммунистических не имеет моральной основы, а исключительно основу политическую. Это результат разного отношения — к преступнику, которого уже уничтожили, и к преступнику, с которым хочется сосуществовать, вплоть до "культурного обмена". Это результат так называемой "реальной политики". К сожалению, каждая политика, если считать ее искусством предвидения будущего или влияния на историческое развитие будущего, должна опираться на знание прошлого. Фальсификация же этого прошлого, замена исторических фактов фактами выдуманными или же принаршивание настоящего к желаемому ("*wishful thinking*") может обернуться политикой отнюдь не реальной.

\* \* \*

Жалобы на диапазон двойственной морали довольно бесплодны. Двойственная мораль существовала на свете всегда — и в жизни единиц и в жизни людских скопищ. В данный момент нас интересует только подтверждение объективного факта, что посленюрнбергская морально-правовая норма продолжает доминировать над современным образом коллективного мышления, несмотря на все потрясения последних лет.

В Израиле повесили Эйхманна за убийство и участие в убийстве 6 миллионов евреев. В широкую огласку вокруг этого процесса включились, первым долгом, коммунистические государства. Эйхманн защищался тем, что он был только исполнителем приказов, второстепенным звеном в тоталитарном аппарате. И вот что мы читаем на эту тему в варшавском коммунистическом органе ("Политика", 17. 6. 1961):

”Эта часть показаний Эйхманна наиболее поражает... так как вскрывает психологический механизм преступления — показывает эйхманновский образ мышления... Все, что служит немецкому народу — хорошо и полезно...!”

Восклицательные знаки должны подчеркнуть глубокое моральное возмущение автора-коммуниста. Стоит, однако, заглянуть в ”Политический словарь” (Гос. Изд. Полит. Литературы, Москва, 1958), чтобы прочитать на странице 362-ой:

”МОРАЛЬ — Буржуазной нравственности противостоит коммунистическая мораль... С точки зрения коммунистической морали нравственно то, что способствует победе и укреплению нового, коммунистического общества...”

Итак, заменив слова ”немецкому народу” словом ”коммунизму”, получаем следующее предложение: ”Все, что служит коммунизму, хорошо и полезно”... То есть мы получаем аналогичную формулу. Известно, что на протяжении свыше 40 лет в Советском Союзе происходил процесс умерщвления миллионов людей, а число постоянно заключенных в советских концентрационных лагерях колебалось в среднем от 10 до 20 миллионов человек. Известно также, что при коммунистическом строе не может иметь место проявление какого бы то ни было непослушания; там нет оппозиции, нет ”вето”, нет сопротивления, нет забастовок, нет другого мнения. Слепое послушание на службе у коммунизма было и есть более тотальным, более безапелляционным и санкционированным официальной моралью, чем это имело место когда бы то ни было и на какой бы то ни было службе какого бы то ни было строя.

По поводу процесса Эйхманна весь мир стал восстанавливать в памяти гитлеровские преступления, ни словом не упоминая о преступлениях коммунистических. Торжественное заседание в Доме Солдата в Нью-Йорке 12 марта 1961 года в память жертв Катыни собрало только 65 поляков...

Эйхманн был обвинен в уничтожении 6 миллионов евреев. Украинские историки утверждают, что за время "чисток" и "раскулачивания" на Украине погибло от 3 до 6 миллионов крестьян. Некоторые доводят эту цифру до 7 миллионов. Другие говорят только о 2 миллионах. Возможно, что цифры эти преувеличены. Возможно, что и число 6 миллионов евреев тоже преувеличено. Однако дело тут не только в количестве. Пусть будет 6 миллионов евреев и "только" 1 миллион крестьян. Это не меняет сути дела. Так же, как не подлежит изменению факт, что степень ответственности Никиты Хрущева, тогдашнего секретаря партии на Украине, за кровавое раскулачивание и за убийства в Венгрии лично большая, чем ответственность Эйхманна за уничтожение евреев. Эйхманн не принадлежал к вождям гитлеровской партии и не выступал в "Völkischer Beobachter" с пламенными призывами к убийствам. Зато Хрущев писал в московской "Правде" от 31 января 1937 года по поводу партийной оппозиции следующее:

"Падалью смердит от мерзких и низких выродков! Эти убийцы метили в сердце и мозг нашей партии. Они подымали свою злодейскую руку на товарища Сталина, они подымали ее против всего лучшего, что знает человечество, потому что Сталин — это надежда, это — чаяния, это — маяк всего передового и прогрессивного человечества. Сталин — это наше знамя! Сталин — это наша воля! Сталин — это наша победа!.. Участники троцкистской банды понесли заслуженную кару. Троцкистская гадина в Советском Союзе раздавлена..."

А кровавые расправы на Украине прославлял таким образом:

"Сегодня, когда мы разоблачили махинации... буржуазных украинских националистов... мы хорошо знаем, что это Твоя, Наш Сталин, великая заслу-га в разоблачении этих каналий. Мы благодарны и поздравляем Тебя, Великий Сталин, а заодно и Твоего наилучшего ученика Николая Ивановича Ежова! Вас, уничтоживших этих червей!" ("Висти Цен-

трального Виконавчого Комитету", № 144, 25 июня 1938 года).

"Падаль, гадины, канальи, черви" и т. д. — выражения эти не слабее выражений, которые гитлеровцы употребляли по отношению к евреям. Невольно встает вопрос: где, в какой книге прав Божьих или человеческих сказано, что преследование за расу или национальность является большим преступлением, чем преследование за социальное происхождение, вероисповедание или мировоззрение? Почему убийство людей только за то, что они евреи должно быть чем-то худшим, чем убийство людей только за то, что они добились известного материального положения, или за то, что они исповедуют иные идеалы? Тем временем Эйхманн был похищен обманом, с нарушением прав, обязывающих весь цивилизованный мир, на глазах всего мира, и повешен без протеста со стороны какой-либо организации вроде организации "охраны прав человека", повешен — в то время, как Хрущева, на глазах этого же цивилизованного человечества, обвшивают венками в Индии, как священную корову; его кладут на королевское ложе во Франции, а о его благополучии так заботятся, что тех эмигрантов, которых он не успел уничтожить, высылают на остров, чтобы они случайно не испортили ему аппетита, устроив враждебную манифестацию. И первые государственные мужи свободного мира пожимают ему руку и подымают на банкетах бокалы, желая ему здоровья на долгие годы.

Конечно, все это происходит не потому, что весь мир любит евреев, а не любит, например, украинских крестьян. А потому, что весь мир подчиняется психическому давлению не только обязывающих формул послевоенного наследия, не только давлению "реальной политики" и пропаганды, но и доминирующими интеллектуальными сферами, создающим некое течение, направление мысли, настроение, неблагоприятное для человеческого индивидуализма и тем самым связывающее свободу сравнений.

\* \* \*

Иногда кажется, что интеллектуальную аристократию, представляющую сегодня так называемую "духовную

власть”, можно было бы сравнить со своего рода снобами, которые трактуют нарушение некоторых миросозерцательных границ как нечто недопустимое, как недопустимым было когда-то в избранных сферах нарушение строго соблюдаемых общественных норм. “Антикоммунизм” вызывает в них чувство отвращения, подобное тому, как в хорошем обществе употребление ножа к рыбе.

Если бы сказать, что типичными представителями этого лагеря являются, поддерживаемые сверху соответствующими отделами американского Госдепартамента, такие учреждения, как “Конгресс Культуры”, такие периодические издания, как английский “*Encounter*”, французские “*Preuves*”, “*Esprit*”, русский “Социалистический вестник”, польская “Культура”, немецкий “*Der Monat*” и разные “*Kontakte*”, “*Brücke*”, “*Begegnung*” и т. п., и такие же органы печати от Италии, Испании, вплоть до Японии — то это слишком сузило бы суть дела. Не легче будет, если в этот список включить парижский “*Express*”, итальянскую партию Ненни или английскую Лейбористскую партию. Было бы также несправедливым упрощением утверждать, что отличительной чертой этого лагеря является точка зрения, что не человек имеет право голоса, а исключительно антифашист.

На самом же деле лагерь этот представляют неисчислимые ряды сегодняшних “прогрессивных”, самых разнообразных оттенков. Все они, конечно, демократы. Да кто же ныне не демократ! Итак, не это их общая черта, если речь идет об их отношении к настоящему. Зато можно найти общую и характерную связь в их отношении к прошлому. Например, в их положительной оценке большевистской революции в России, в 1917 году.

В тридцатых годах, во время гражданской войны в Испании, наметился четкий костяк на общем антифашистском фронте. Мы видим его в антифранкистской позиции, в несомненном соединении с прокоммунизмом и, в известной степени, с просоветизмом. Хэмингуэй — типичный пример не-коммуниста этого периода: “Если победим здесь — победим всюду!..” (“По ком звонит колокол”). Впрочем разочарования последующих лет, а в особенности советско-гитлеровский пакт в августе 1939 года, сделали необходи-

мым пересмотр прежних установок. Удалось найти удачную формулу, которая позволила выйти из положения, не теряя ни престижа, ни идеологической последовательности, ни прореволюционных традиций. Этой магической формулой стал "антисталинизм", в отличие от "реакционного" антикоммунизма. Правда, в период Второй мировой войны "антисталинизм" пришлось отложить в долгий ящик, что, однако, не помешало ему еще больше вырасти в значении после войны, а особенно в начале "холодной войны". С этого момента героем дня становится бывший коммунист, разочарованный в Сталине. Мода и спрос на людей типа Кестлера стала так велика, что нашлись люди, не имевшие раньше ничего общего ни с коммунизмом, ни даже с социализмом, которые начали подделываться под бывших коммунистов.

Внешним клейстером остался по-прежнему "антифашизм" и "антивсяккая реакция"; осталось ироническое, не лишенное снисходительного пожатия плечами, отношение к прошедшей, монархической, либеральной, дореволюционной эпохе девятнадцатого века и ко всему, что было с ней связано. Тем самым и к индивидуализму той эпохи.

Все это, однако, явные признаки того, что мы назвали доминирующим сегодня интеллектуальным лагерем. Более характерны, быть может, его скрытые признаки.

\* \* \*

"La dolce vita" не лишена шипов. Возникают принципиальные вопросы:

1. Жили ли люди в России до революции лучше или хуже, чем после революции? — Так как все указывает на то, что жили лучше, то решено было не углубляться в этот щекотливый вопрос.

2. Ленинский прототип большевистской революции ближе к фашизму или к либеральной "реакции" дореволюционной эпохи? — Так как все указывает, что между коммунизмом и фашизмом большее родство, чем между фашизмом и "реакцией" старого типа, то решение было не углубляться в этот щекотливый вопрос.

3. Можно ли доискаться в "сталинизме" органиче-

ских различий, сравнивая его с классическим "ленинизмом"? — Так как все указывает на то, что органических различий доискаться невозможно, а найти разницу можно только в методах, то решено было не углубляться и в этот щекотливый вопрос.

Это вопросы для примера. Может быть, не из лучших. Характерной чертой сегодняшнего интеллектуального коллективизма является склонность уклоняться от ясных ответов и избегать сравнений в философских диспутах, что создает в своем роде некую внутреннюю неискренность. И если, например, Нобелевский лауреат Альберт Камю пишет в "*L'homme révolté*":

"Мы живем во времена преднамеренности и совершённого преступления. У наших преступников... есть философия, которая может служить всему, и даже преступников делать судьями..."

— то, казалось бы, в подтверждение этого, автор приведет сверхклассический пример, который имел место в этой области, когда советские убийцы из Катыни, заседая в судейских креслах, обвиняли в содеянном немцев. Но Камю избегает примеров такого рода и возвращается к "Гитлеровскому апокалипсису"... и пр., другими словами возвращается к благонадежной формуле его среды. И вот, иногда кажется, что такого рода недосказанности создают ту степень неискренности, которая пробуждает сомнение даже в самой искренности осуждения преступления. Таким образом происходит изменение порядка вещей; т. е. не вина Гитлера возникает в результате того, что он совершил преступление, а преступление возникает в результате того, что совершил его Гитлер...

Такого рода постановка вопроса вверх ногами наблюдается, среди прочего, в трактовке современных проблем. При непрерывном порицании гитлеровского национал-социализма, поддерживается одновременно национал-коммунизм, несмотря на то, что его граница с гитлеризмом изглаживается иногда до такой степени, что разделяет их разве что отсутствие принудительного антисемитизма. Никто также не задает себе вопроса: если тоталитарный

коммунизм — явление отрицательное, то почему соединение этих двух отрицательных феноменов в один национал-коммунизм должно дать положительный результат?

\* \* \*

В так называемое "старое добре время" Россию принято было считать страной крайне отсталой и реакционной. Отсюда произошло распространенное определение "благонадежный", в отличие от "неблагонадежного" человека, т. е. бунтующего против установленного порядка вещей. В те времена шеф личной "охраны" императора Николая II, генерал жандармерии Спиридович, составил книгу под заглавием "Социал-революционная партия и ее предшественники" и экземпляр этой книги любезно послал известному революционеру Владимиру Бурцеву. Бурцев поблагодарил его письмом:

"Ваше отношение к проблеме освободительно-революционного движения таково, что предоставляет возможность спора. А там, где возможен спор, там всегда есть надежда на отыскание истины".

Это были времена, предоставлявшие широкое поле для дискуссий. Сегодня господствуют времена иные. Никто не разговаривает с теми, кто не принадлежит к благонадежному обществу. Парадоксальным стечением обстоятельств в это общество, однако, допускаются симпатизирующие тому строю, который любую дискуссию считает преступлением.

\* \* \*

Вышеприведенный эскиз является попыткой начертать некоего рода схему, с помощью произвольно подобранных примеров. Конечно, есть множество исключений, которые только подтверждают правило. Диктатура коллективной мысли в свободном мире не может стать ни полной, ни до такой степени грозной, чтобы уничтожить независимую мысль, хотя бы лишь потому, что в свободных стра-

нах проживает "физическое" множество людей и страны эти гарантируют свободу человеческой личности. Независимостью мысли я называю состояние, в котором человеческая мысль не подчиняется слепо, не руководится безапелляционно и не определяется сверху навязанными доктами. Если же одним из мерил государственной независимости есть неограниченное право выбора собственных союзников, то мерилом независимой мысли должно быть неограниченное право в выборе собственных взглядов.

Польша не находится среди свободных народов, а в тюрьме коммунистической системы. Пользоваться свободой мысли может только эмиграция, горсточка в количественном сравнении с целым народом. Эта горсточка, в силу обстоятельств, должна подчиняться в некоторой мере давлению окружающей ее атмосферы. Поэтому без учета этой атмосферы, которую мы выше обрисовали, критика лишь одной польской позиции получилась бы односторонней и даже несправедливой. С другой стороны, мы не замечаем в польской эмиграции усилия к освобождению от гнета коллективного мышления, а скорее наоборот, мы замечаем полное ему подчинение. Так, например, коммунистической "мысли в клещах" на родине нужно противопоставить свободную человеческую мысль, сохраненную в эмиграции. А вместо этого противопоставляется умственный продукт в суженном виде: ПОЛЬРЕАЛИЗМ ("польский реализм", в дальнейшем в сокращении и в кавычках. *Примечание переводчика*).

Между коммунистическим "соцреализмом" и националистическим "польреализмом" существует близкое родство. И тот и другой отвергают личную оценку вопросов в пользу оценки коллективной. "Соцреализм" учит, что только то реально и правильно, что служит интересам социалистической (коммунистической) партии; "польреализм" учит, что только то реально и правильно, что служит интересам польского народа. На этом, однако, это близкое родство кончается. В то время как соцреализм распространяет свою деятельность на все народы мира, "польреализм" противопоставляет ему деятельность только одного народа. Поскольку нет сомнений относительно того, кто устанавливает директивы соцреализма и управляет ими, по-

стольку никогда нет уверенности в том, кто собственно решает вопрос директив "польреализма". Неизвестно также, кто решает вопрос, что полезно или вредно для народного благосостояния и какие постулаты, возносимые порой до ранга священных догм, правильны или неправильны.

Совершенно естественно, что в сопоставлении с положением в коммунистических странах, в эмиграции можно говорить о свободе слова. Что же касается свободы выражения этого "свободного слова", то на практике это не всегда доступно, если дело касается взглядов, несозвучных обязывающему "польреализму", — в делах жизненно важных, действительно принципиальных. Не берусь тут перечислить одним духом все те важные проблемы, которые по постановлению "польреализма" не подлежат критике.

Позиция единогласия в принципиальных вопросах или — если кто-нибудь предпочитает — количество вопросов национального характера, не подлежащих дискуссии, которое нас отличает от других обществ свободного мира даже в настоящей атмосфере их коллективного образа мышления — датируется не сегодняшним днем. Мы по традиции жалуемся на польское "склончество" и "польское несогласие". В действительности же, по сравнению с другими народами, мы давно уже стали одним из наиболее дисциплинированных народов в мире. Это несомненно результат вековой неволи и навязанной этой неволей односторонности политической мысли. Все это слишком известные факты, чтобы здесь их обсуждать. Не вдаваясь в подробную оценку народной дисциплины, надо объективно сказать, что уже в период разделов, особенно под влиянием роста националистических идей того времени, в Польше наступило значительное "обесчеловечение" национальной мысли, которая приобрела черты "политического" характера. Место "человека" все больше начал занимать "польяк". Сопоставление польской литературы с русской литературой XIX века тому наглядный пример. В то время как в русской литературе главным героем был человек — в польской литературе он зачастую казался только предлогом, за которым скрывался настоящий герой — Польша. Поэтому великкая русская литература пользовалась популярностью во всем мире, ибо человек интересует каждого

другого человека. В то же самое время польская литература, несмотря на писательские таланты, такой популярностью не отличалась, так как судьбы Польши интересовали только очень немногих.

Конечно, в атмосфере великих гуманитарных течений XIX века и польская мысль отличалась сравнительно широким диапазоном в сравнении с состоянием, до которого она дошла в эпоху тоталитаризмов XX века. Кульмиационный пункт коллективного единомыслия был достигнут во время и после Второй мировой войны. Продолжается он и по сей день, несмотря на его вводящий в заблуждение "внешний" вид, вызванный скорее разницей тактики, а зачастую просто разницей личного характера. И это несмотря на деление на родину и эмиграцию.

Односторонний "польреалистический" тоталитаризм развился во время войны чуть не до степени экстаза. Он ничем не помог в обретении государственной независимости после войны. Но в большой мере способствовал сокращению независимости мышления.

Такой узко-пристранный подход кажется особенно пагубным, ибо он совпадает с моментом, когда черные тучи, несущие уничтожение свободы человеческого духа, закрыли уже над миром половину неба.

**ПОЛЬША УЖЕ НЕ ЛЕЖИТ  
МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И РОССИЕЙ**

## СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ЕЩЕ РОССИЯ?

Концепция сегодняшнего "польреализма" опирается на два основные тезиса: 1. Польское государство существует по-прежнему, хотя им завладел коммунистический режим. 2. Польша по-прежнему лежит между Россией и Германией.

По нашему мнению оба тезиса ошибочны и происходят из изначального непонимания сути большевистской революции 1917 года. Совокупность концепции выходит из предпосылки, что Советский Союз, а сегодня центр так называемой "мировой социалистической (коммунистической) системы", остается в своей первооснове прежней Россией. Ввиду того, что многие представители общественности в свободном мире, по разным причинам, заинтересованы в том, чтобы удержать термин "Россия", — "польреализм" не только включается в это общепризнанное ошибочное течение, но углубляя его, тем самым поддерживает основную дезинформацию — дезинформацию на тему, что такое Россия и что вообще из себя представляет так называемый "Европейский восток".

*Мнения.* — Не хочу умалять ни в чем заслуг многих ученых, политиков, писателей, но создается иногда впечатление, что если бы о Европейском востоке было написано меньше, то, может быть, мы лучше бы его знали. Нередко бывает, что даже специалисты в области точных наук склонны к слишком опрометчивым диагнозам. Эта склонность, вполне понятная с человеческой точки зрения, находит еще более широкое распространение в областях менее конкретно определенных. К ним как раз принадлежит и "Европейский восток". Согласно известной поговорке — за деревьями не видно леса. Область "Европейского востока" так велика, что в силу обстоятельств снабжает неисчислимым количеством деревьев, которые весьма эффективно заслоняют лес.

Одним из самых распространенных заслонов этого типа является теория, что большевизм — историческая преемственность прежней России, что это продукт типично восточный, ибо сама Россия была всегда продуктом Востока. Теория эта совсем не принимает во внимание хотя бы того, что дореволюционная Россия была государством (даже по закону!), связанным с верой в Бога, — государством, опиравшимся на христианскую мораль, частную собственность, свободную конкуренцию, капиталистическую экономическую структуру, индивидуализм личности и т. д. Если уж говорить о сравнениях, это было государство, более похожее, скажем, на Португалию, расположенную на Западном мысе Европы, чем на теперешний Советский Союз. Нельзя, однако, отрицать специфических различий: различий географических, климатических, этнических, бытовых, исторических и многих других. В итоге, однако, они не создавали больших органических различий, которые нормально присущи той или иной западно-европейской стране. Жизнь в Петербурге или в Москве была более похожа на жизнь в Лондоне, чем жизнь в Лондоне на жизнь в Сицилии. В действительности не было той почти мифической по силе линии раздела на Восток и Европейский Запад, которую обыкновенно любят проводить.

*Богословский спор.* — Тем не менее, линия такого раздела очень стара. Родилась она из спора между западной и восточной церковью, между католицизмом и православием. Спор чисто богословский. То, что теперь называется западной культурой, является наследием культуры латинской, коротко говоря — культуры католической. Пропаганда — не изобретение новейших времен. Пропаганда существовала всегда. Классическим ее прототипом была пропаганда церковная. На Западе целые поколения оставались под влиянием католической пропаганды, которая веками формировала взгляды. Еще по сей день, если предложить среднему европейцу определить тремя словами, из чего состоит история Европы, он ответит: Рим — средневековые — возрождение. В его памяти почти не найдется места для тысячетелой Византийской империи. Что же касается Византии, то была она на протяжении веков очагом европейской культуры, особенно когда ее западная часть тонула в так

называемом мраке средневековья. Произошло, однако, так, что латинская пропаганда в своем споре с православием не только постаралась изгладить из памяти эту историческую роль, но даже исказила ее, придав отрицательное понятие. Мы все знаем, что значит определение "византийский". Однако, не все отдают себе отчет в том, что это "*mot d'ordre*" имело тогда такое же значение, как имеют в период национализмов лозунги, служащие для пробуждения (якобы исторических) раздоров между народами. Итак, все плохое в Византии принято клеймить как "византийское", т. е. восточное. В то же самое время такому же злу на Западе не придавалось постоянного эпитета и оно считалось проходящим, минутным заблуждением.

В действительности же не было принципиально качественной разницы ни в положительных, ни в отрицательных признаках европейского Востока и Запада. Выбивали и выкалывали глаза и тут, и там. Проявление варварства было повсюду аналогично, если не тождественно. Когда мы теперь рассматриваем в Италии исторические памятники византийского искусства, частично замазанные или поврежденные только потому, что они не были латинскими, трудно не поддаться впечатлению, что такое поведение считалось бы типично "византийским", если бы не было как римским. Подобным образом приписаны были к категории типично восточной все зверства, войны, религиозные преследования, и уж во всяком случае Св. Инквизиция, — если бы они не были делом рук Запада.

Территориальная граница этого раздела, впрочем, мало отличающаяся от нынешней, носила название "оплот христианства". В действительности же оплот этот не лежал на границе христианства, а только на рубеже католической церкви. Крестоносцы дали свое самое большое сражение на озере Пейпус в 1242 году не язычникам, а Александру Невскому, ставшему впоследствии святым восточной Церкви. В истории Польши крещение Литвы датируется 1386-м годом. На самом же деле в Великом Литовском княжестве в то время было ничтожное количество язычников, а большинство населения давно приняло христианство в форме православной религии. Старейшие храмы в Вильню и Гродно принадлежат именно к этому обряду. Так,

именуя крещением, окрестили, собственно, введение католицизма в Литве.

И наоборот. Когда 29 мая 1453 года гибла под напором неверных тысячелетняя столица христианской империи на Востоке, латинский Запад не пришел ей на помощь, за исключением венецианского флота, который так и не дождался Константинополя из-за неблагоприятных ветров.

*Два мерила.* — Двойное мерило в оценке так называемого европейского Востока и Запада берет свое начало в традиционной, и по сей день существующей, обоядной неприязни двух Церквей. Помню, что неметрическая система в дореволюционной России считалась типичной отсталостью, в то время как аналогичная система в Англии, употребляемая по сей день, должна служить примером привязанности к традициям. То, что последний император, Николай II, был главой Церкви, считалось примером "типичного византийства", в то время как то, что молодая леди, королева Елизавета II, возглавляет сегодня одновременно две Церкви, доказывает "популярность монархии". Когда в сегодняшней большевистской нищете люди покорно стоят в очередях перед магазинами, говорится о рабском повиновении, наследии Ивана Грозного и т. д. Когда же в Лондоне, по менее важным причинам, люди с неким даже удовольствием становятся в послушные очереди — это приводится как пример общественной дисциплины. Царский городовой, бьющий кулаком в зубы, представлял собой яркий пример варварского Востока. Когда же французская полиция, иногда даже и без особого повода, лупит дубинками по головам — это не трактуется типичным для Запада поведением. Можно с уверенностью сказать, что если бы Швейцария лежала не в сердце Европы, а на ее Востоке, то нашлось бы много специалистов, которые сумели бы научно доказать, что лишение женщин права голосовать на выборах есть пережиток татарского влияния. В таком же свете рассматривались в свое время еврейские погромы в России в 1905 году, а процесс Бейлиса в Киеве в 1913 году — как якобы ритуальное убийство. Их считали явлениями, возможными исключительно на темном Востоке. Однако наивным кажется сопоставление тех "эксцессов" со страшной формой, до ка-

кой дошло преследование евреев Гитлером. Следует добавить, что преследование евреев в гитлеровское время, правда, под нажимом и по приказу Гитлера, имело место во всей Европе и было делом рук и венгров, и французов, и голландцев, и бельгийцев, и многих других западных европейцев.

Изобилие эрудиции было пролито на бумагу западных газет во время московских процессов 1937/1938 годов, чтобы доказать, что неслыханное дотоле излияние покаяний подсудимых можно объяснить единственным пережитком византийской психики и рабским воспитанием. Однако, когда после 1945 года в аналогичных большевистских процессах показания давали немецкий генерал, британский атташе, католический епископ, римский кардинал и прочие — не было уже речи о "восточных душах", а говорилось только о каких-то загадочных пилюлях.

*Существует ли "восточная душа"?* — Многие специалисты в этой области подчеркивают мнимое своеобразие восточной души, особенно русской души. Ссылаясь на высказывания философов, великих русских писателей, они цитируют Герцена, Бакунина, Гоголя, Хомякова, Аксакова, Тютчева, Достоевского и других: "Послушайте, что они сами пишут о себе!" Не будем тут углубляться далеко в историософскую полемику, как не будем вдаваться в спор, какая из Церквей права: та, которая утверждает, что Св. Дух происходит только от Бога-Отца, или та, которая утверждает, что Он происходит от Отца и Сына? Ибо, как известно, в этом кроется одна из главных причин расхождения. Похоже на то, что обе полемики — богословская VI—IX веков и историософская XIX—XX веков — имеют некие общие черты в их несколько запутанном толковании. Однако трудно не поддаться убеждению, что трудности, которые находят многие специалисты в поисках "русской" души заключаются в том, что они ищут то, чего не существует.

Существующая разница между западноевропейской и восточноевропейской психикой, там где она обнаруживается, коренится скорее в культурной отсталости восточных областей Европы и в вытекающей отсюда неграмотности. Помню, как в 1911 году, когда я ребенком был первый раз во Франции, мое внимание обратили на извозчика: "Смот-

ри! Извозчик на козлах читает газету!" Русский мужик газет не читал. Он не интересовался вопросом, какая футбольная команда победит, и всем тем, что печаталось в газетах. В свободные от работы минуты его интересовал вопрос, более подходящий для рассуждения: существует ли Бог и в чем есть правда? Отсюда пошло это, якобы типично русское, "бого- и правдоискательство", которое нашло отражение в литературе. В Америке Э. Хемингуэй написал книгу под заглавием "Старик и море", за которую в 1954 году получил Нобелевскую премию. Так вот в этой книге читаем, что старик, рыбак, в борьбе с океаном и рыбой, один между небом и водой, все время мысленно возвращается к бейсболу и к "American League". С другой стороны, в той же Америке существует 118 самых разнообразных вероисповеданий, а также в западной литературе, как в жизни и в уголовной хронике, т. е. в миллионах и миллионах случаев, мы найдем тождественные темы, тождественные рефлексы, побуждения, мечты и поступки, которые специалисты по распределительным картотекам, в каждом единичном случае, приписали бы "восточной психике", если бы их подметили на Востоке. Подобным образом, впрочем, как в эпоху национализмов, поспешно принимается что-нибудь за типично французское, английское, польское или немецкое, когда в сущности своей оно только типично человеческое.

До Первой мировой войны типично русским считалось "человеколюбие", "нигилизм", "достоевщина" и т. д. Сегодня в Советском Союзе от "любви к человеку" осталось не много, а что касается "достоевщины" — отражения темных сторон человеческой души — то при чтении некоторых западноевропейских писателей создается впечатление, что в некоторых случаях они перещеголяли старую "достоевщину". У Жана Ануя, например, молодая девушка ходит, помнится, голая по комнате и, чтобы убить время, плюет на портрет матери... У Грэхема Грина, например, в романе о детях, разрушающих дом, или в повести "Черная скала" насыщенность инстинктов зла, убийства, уничтожения и крайнего нигилизма не дорастает, правда, до таланта изображения в "Бесах" Достоевского, но количественно далеко таковые превосходит. Во Франкфурте на Майне не-

давно был найден мертвый человек, прибитый к кресту. Полиция обнаружила, что человек этот был лидером религиозной секты, которую он сумел довести до состояния такого экстаза, что велел своим единоверцам распять себя, как Христа. Если бы что-нибудь подобное случилось не в центре современной Европы, а где-нибудь в глухой сибирской тайге, то легко себе представить комментарии специалистов по "восточной душе".

Мы не трактуем эти сравнения ни как "упрек" в адрес Запада, ни как "защиту" Востока. Хочется просто констатировать факт, что проблемы Бога и правды не стоят с культурной точки зрения ниже, чем проблемы текущей политики, спорта или кино. Человек, затоптанный насмерть толпой, который хоть издалека хотел увидеть маэстро "rock'n'roll" в экстазе восторга, не умер смертью более культурной, чем человек, убитый в экстазе единоверцами религиозной секты.

Неграмотность, с которой совершенно справедливо борются все народы мира, сыграла в восточной Европе некую положительную роль. А именно: в дореволюционное время она лишала общественные низы той псевдокультуры, которая сегодня затопляет Запад, находя адресатов среди масс полуинтеллигентских или "на четверть" интеллигентских. На Востоке так называемое "общество" состояло до революции исключительно из высших слоев, на уровне культуры не уступавших наивысшему уровню западной культуры. "Self-made-man" из низов общества сразу приобщался к этой культуре и начинал с чтения классиков, минуя всяких посредников.

*Советский Союз — это не продолжение, а противопоставление прежней России.* — Только октябрьская большевистская революция совершила в России перемены, изменившие порядок вещей. Уничтожив старую "буржуазную" культуру высших слоев и ликвидировав неграмотность, она "подняла" массы до уровня "псевдокультуры". Полицейским запретом был положен конец вопросам Бога и правды, и ничего не было дано взамен, так как все проблемы мира были уже раз и навсегда решены Лениным и нужно было знать их наизусть. Сомнение каралось. А там, где нет сомнений, не может быть размышлений и тем самым никаких

проявлений пытливой мысли. Таким образом, прежняя Россия, славившаяся "расщеплением волоса", преобразилась в коллектив, бессмысленно повторяющий строки ленинских догм.

Несомненно нужно согласиться с мнением, высказанным И. А. Кургановым ("Нации СССР и русский вопрос", Франкфурт / М, 1961), что: "Россия резко изменилась; она стала СССР — новой страной не только по названию, но и по существу" (стр. 168).

Не рискуя можно утверждать, что СССР больше, чем только измененная старая Россия, — он ее прямая противоположность. И это в любом отношении: политически-государственном, экономическом, философском, бытовом и, быть может, больше всего в психическом. Сохраняя внешнее обрамление империи, большевики изменили ее внутреннюю сущность.

Вкратце можно было бы представить следующую схему: Россия XIX века была страной заговорщиков и бунтарей, Советский Союз стал страной молчаливого послушания; символом России были ее церкви с куполами и крестами, символ же Советского Союза — уничтожение креста; русская поэзия воспевала леса и просторы, советская поэзия воспевает фабричные трубы; русская литература была одержима духом сопротивления и критики, советская литература отличается духом повиновения и восхваления; в старой России люди поднимались на защиту униженного, в Советском Союзе люди собираются на митингах, чтобы растоптать униженного; в старой России было принято все подвергать сомнению, в Советском же Союзе царит непоколебимая во всем самоуверенность; в России шпиона и доносчика презирали даже те, кто пользовался их услугами, в Советском Союзе доносительство возвели в высокое звание гражданской добродетели. Россия XIX века создала прослойку "интеллигента-гражданина" и атмосферу крикливого общественного мнения, Советский Союз ликвидировал общество и свел на нет общественное мнение. Россия после реформы судопроизводства славилась наиболее беспристрастными судами в Европе, Советский же Союз слынет самой кровавой в истории пародией на судопроизводство. Подобные примеры можно приводить без конца.

Многие, указывая на иностранную политику Советского Союза, ссылаются на ее сходство с иностранной политикой царской России. Однако направленность иностранной политики зависит от географического положения. Если заменить итальянцев китайцами или скандинавами, то последние поведут такую иностранную политику, какую навяжет им географическое положение Апеннинского полуострова.

Ленин учил, что для достижения цели допустим любой тактический прием. Было бы странным, если бы при этом он исключал приемы прежней России. Несмотря на это, в целом, иностранная политика Советского Союза представляет радикальное расхождение с политикой прежней России, ибо политика Советского Союза не является политикой на благо государства, а политикой заговора против других государств. Невозможно даже вообразить, что дипломатические представители прежней России где-нибудь в Чили, Аргентине, Конго, Индии, на Малаях и на всем земном шаре содержались бы главным образом для того, чтобы свергать правительства и системы тех государств, где они были аккредитованы. В советской же политике такого рода деятельность и есть их главное назначение. Следовательно: не русский империализм пользуется международным коммунизмом, а международный коммунизм пользуется методами русского империализма, в тех случаях, когда это ему на руку.

Подчас слышится вопрос, который одновременно должен служить и аргументом: "Чем, однако, объясняется, что коммунизм пустил свои корни именно в России?" Ответить можно на него или объемистым трактатом или контрвопросом: "А чем объясняется, что кровавая французская революция пустила корни во Франции? Или — чем объяснить реставрацию? Чем объясняется, что создатель европейского романтизма, народ-"*Dichter und Denker*", допустил до гитлеризма?" Гитлеризм был явлением отвратным, поэтому врачи Германии пытаются доказать, что родился он из своеобразной немецкой души. Большевизм есть явление отвратное, поэтому врачи России стараются доказать, что он "искал науку Маркса" тем, что ввел в нее чисто русские элементы. А в действительности же воцарение коммунизма в России является аналогичным результатом стечений обсто-

ятельств, как возникновение гитлеризма в Германии, фашизма в Италии или хотя бы того же коммунизма на Кубе. Как мы знаем, мало не доставало до триумфа коммунизма на западной окраине Европы, в Испании.

"Тайна" коммунизма лежит на Западе. — Загадку психики большевиков обычно пытаются найти в Москве. Неверно. В Москве царит внешнее принуждение, т. е. побочный механический фактор, влияющий на искажение изучаемого предмета. Кроме того, доступ в Москву затруднен. Более целесообразно было бы перенести исследования этого рода на территорию, где феномен коммунизма проявляется в почти чистой форме, это значит без примеси внешнего политического нажима и, одновременно, в центрах обще- и легко доступных. Например, в Италии господина Тольятти или во Франции господина Тореза, где до 30% населения без всякого принуждения голосует за коммунистов. Трудно отрицать, что коммунизм продукт не восточной, а западной Европы.

Принято думать шаблонами, что большевизм это плод Востока (Азии). Эта шаблонная фраза слышится часто, как в так называемых антисоветских (антируссских) западных сферах, так и среди прореволюционных исправителей большевизма, среди "ревизионистов", национал-коммунистов и т. п. Этот шаблон так же глубоко пustил корни и среди гитлеровцев. В Третьем Рейхе проповедовал его доктор Альфред Розенберг. В июле 1941 года он убеждал Гитлера, что "большевизм уничтожил старый господствующий слой в России и заменил его новым, кавказско-азиатского происхождения". Легенда эта явно противоречит исторической правде. Именно в азиатских областях дольше всего продолжалась борьба с большевизмом, вплоть до 1927 года.

Ленин, как известно, проживал больше в Швейцарии, Берлине, Париже и Лондоне, ...чем в Москве. Не в России, а в Западной Европе черпал он свое идеологическое вдохновение. Был противником всех типично русских, не-марксистских партий. И марксизм шагал с Запада на Восток, а не наоборот. В конце XIX века из кругов немецкой социал-демократии марксизм проник в Польшу и завладел Польской Социалистической Партией. Главным же образом он нашел характерное и радикальное выражение — уже тогда

близкое к большевизму — в партии "Социал-демократии Королевства Польского и Литовского", во главе которого стали такие в будущем небезызвестные коммунисты, как Роза Люксембург, Мархлевский и первый чекист в России, поляк, Феликс Дзержинский. Были они связаны крепкими узами с немецкой социал-демократией через предтеч мирового коммунизма, типа Карла Либкнехта и Карла Радека, и свое идеологическое вдохновение черпали в Берлине. О немецкой социал-демократии Ленин писал в "Рабочей правде" (16. 7. 1913) :

"...единственная полностью прогрессивная в наилучшем смысле... массовая партия рабочих..."

Хронологически марксизм, перенятый лидерами еврейского "Бунда" в Вильно, в согласованности с киевским "Бундом", положил начало русской социал-демократической партии, основанной на тайном съезде в Минске, в марте 1898 года. Только после официального вступления в нее Ленина, на втором партийном съезде в июле-августе 1903 года в Лондоне, произошел раскол на "меньшевиков" и "большевиков".

Во время февральской революции 1917 года и отречения императора большевиков в Петербурге почти не было. Их главный авангард, по инициативе правительства и генерального штаба императорской Германии, был привезен в Западную Европу в "запломбированных вагонах", 500 человек с семьями, с помощью служливого содействия правительства Швейцарии и Швеции. Итак, все дороги вели с Запада на Восток, а не наоборот.

Многие, особенно среди бывших европейских коммунистов и прокоммунистов, в какой-то мере разочарованных "сталинскими" методами, с упорством утверждают, что "русский большевизм" и "европейский коммунизм" не то же самое. С утверждением этим трудно вести полемику, так как оно основывается на явном пренебрежении фактами, которые свидетельствуют о тождественности идеологии, крепких узах и одинаковой внутренней дипломатии всего международного коммунизма на любой географической широте. Итак, выискивание принципиальных различий базиру-

ется на "wishful thinking", на видении того, что хочется видеть.

*Феномен коммунизма.* — О коммунизме написаны тысячи книг. Я хотел бы тут указать на феномен, по-моему, наиболее характерный — феномен, который лишает человеческие слова их первоначального значения. Феномен этот принимает различные формы. Иногда его цель в том, чтобы замутить значение слова, а иногда, чтобы придать ему совершенно обратное значение. Такая деградация и такое обесценивание человеческой речи, этого самого главного орудия человеческой культуры, выступают в эпоху после XX-го, а особенно после XXII-го съезда партии и "десталинизации", еще ярче, чем в период Ленина-Сталина. Ибо еще никогда не было сказано во всеуслышание с партийной трибуны, что миллиарды слов, извергаемых на протяжение десятков лет в наивысших политических "аэропагах", в литературе, в театрах, в школах, на митингах и т. д. — не только представляют собой пустые звуки, но освобождают от ответственности из-за своего массового характера.

Как в Советском Союзе, так и в его "народных" филиалах, при полном сохранении строя, главные актеры, как правило, остались на своих постах, несмотря на то, что годами говорили и писали то, что сегодня порицается. Лишь бы сегодня говорили и писали то, что велено. Теми же словами и в том же духе. Такое управление "сверху" смыслом слов, а вернее их обессмысливанием, приняло неслыханные в истории жонглерства размеры. Так например, процессы сталинских чисток 1936—38 годов и покаяния старых коммунистов, подвергнутых репрессиям, в точности не известно каким, могут показаться менее странными, чем обвинение, предъявленное в 1961 году Ворошилову, восседающему на председательском подиуме перед лицом пяти тысяч делегатов со всего мира. Какое должно было быть необыкновенное психологическое давление, чтобы стариk, посвятивший всю свою жизнь большевистской революции, мог в такой обстановке каяться таким нелепым образом. И на этот раз не из тюрьмы, а по собственной воле...

В иерархии политических явлений коммунизм становится высшим феноменом, сверхнациональным и сверхгосу-

дарственным. Ни в коем случае его нельзя отождествлять с Россией, как, впрочем, ни с каким народом или государством в мире. Лишая слова их первоначального значения, называя агрессию "освобождением", неволю "свободой", нетолерантность "толерантностью", назначение "выборами" и т. д. и т. д., коммунизм заставляет всех людей пользоваться языком себе же во вред. И обещает в награду за отказ от слов в их первоначальном значении, за отказ от культуры и свободы духа — тотальное рабство.

## ПОЛЬША ПОД ВЛАСТЬЮ РОССИИ И ПОЛЬША ПОД ВЛАСТЬЮ КОММУНИЗМА

Если мы сравним ситуацию Польши после 1945 года с ситуацией Польши под русским владычеством до 1914 года, то при объективной оценке положения должны прийти к выводу, что дело тут не в аналогии исторической ситуации, а скорее в ее перестановке.

В конце XVIII столетия на Польшу напали три соседних государства и силой разделили ее между собой. Насилие это, в справедливом возмущении, можем эмоционально клеймить как "неслыханное" — в действительности, однако, "неслыханным" оно не было. Представляло оно собой род насилия, которое можно назвать "общепринятым" с точки зрения веками создавшихся отношений между народами и государствами. Почти вся человеческая история состоит из захватнических войн, в которых более сильное государство попирает права или захватывает территорию более слабого государства. Более странным может показаться совершенное отсутствие эффективного сопротивления со стороны такого, в свое время, могучего королевства. Но и это не представляет исторического исключения и не накладывает особенного отрицательного пятна на польский народ, ибо все народы мира наверное переживали и переживают временные периоды взлетов и падений, глубокие внутренние кризисы и, связанные с ними, психологические

перемены. Это, скорее, должно служить предостережением против слишком поспешных заключений, обобщающих "органическую" характеристику отдельного народа на основании лишь одного из его исторических периодов.

"Польская сторона" и "русская сторона". — Польша попала под влияние России еще до разделов. Некоторые историки считают, что последний король, Станислав Август, был безвольным орудием или даже марионеткой в руках Екатерины II. Другие отрицают это. Не вдаваясь в суть спора и исторических интерпретаций, надо, однако, признать, что как бы ни оценивали его склонность к компромиссам, Станислав Август во всяком случае оставался в политическом отношении "стороной", противостоящей "русской стороне". Иными словами, в отношениях между Польшей и Россией он представлял (опять не говоря о том, хорошо или плохо) интересы польской государственности и польского народа. То же самое относилось и к людям, окружавшим его, к правительству, к польскому сейму. Эта "польская сторона" вынуждена была сопротивляться или, во всяком случае, реагировать на давление и влияние русских послов в Варшаве, скажем, Репнина или Штакельберга, которые, по мере усиления русской моси и ослабления польского государства, увеличивали свое влияние до роли фактических диктаторов, навязывая Польше русские государственные интересы. Это и есть образ действия и давления, не отступающий от традиционного типа внешнего насилия в отношениях между государствами.

"Коммунистическая сторона". — С минуты, когда Польша попала под коммунистическое владычество, произошла вещь не аналогичная, а противоположная. Самый высокий представитель "Народной Польши", глава коммунистической партии, представляет в якобы "междугосударственных польско-советских отношениях" не польскую сторону, а наоборот, советскую. То же самое касается людей, его окружающих, членов правящей партии, самого правительства, сейма, всего без исключения государственного аппарата и всех других учреждений, навязанных стране. Государственность так называемой Народной Речи Посполитой становится не противостоящей советской государственности, а противостоящей польскому народу. Это госу-

дарственность, которая не защищает интересы польского народа в отношениях с Советским государством, а напротив, навязывает польскому народу интересы международного коммунизма, представленные советским государством.

*Константин Павлович и Константин Рокоссовский.* — Характерной иллюстрацией перестановки ситуации в сравнении с ситуацией под русским владычеством, а одновременно и иллюстрацией того упорства, с каким "польреализм" старается не замечать фактического положения и поддерживает дезинформацию, может служить сравнение роли русского великого князя Константина Павловича с ролью советского маршала Константина Рокоссовского.

Как известно, Венский Конгресс 1815 года создал Польское Королевство ("конгрессовое") под скипетром русского императора Александра I, но с собственным правительством и сеймом. Наместником Королевства был назначен генерал Юзеф Зайончек. Однако командование армией отдано было не в польские руки, а русскому, брату императора, великому князю Константину Павловичу, который вскоре стал первым человеком в Варшаве. Когда в 1949 году главным вождем в Народной Польше был назначен советский маршал Константин Рокоссовский, который вошел одновременно в президиум Польской коммунистической партии, сторонники "польреалистической" политической интерпретации разглядели в этом историческую аналогию, приписывая Рокоссовскому роль великого князя Константина. Ввиду того, что происходило это во время "холодной войны" и антисоветской пропаганды по радио, которая велась с разрешения западных держав, то все польские секторы американских, британских, французских и т. д. радиостанций взяли на мушку особу Рокоссовского. Особенно использовали сходство имени — Константин. На эту тему посыпалась колкости и шутки. Имени придавалось русское звучание, вплоть до уменьшительного "Костя", а фамилию произносили "Ра-ка-ссов-ский". Все это должно было подчеркнуть "русскость" Рокоссовского, как решающий фактор при его назначении.

В действительности Рокоссовский подлинный поляк. Однако не его национальность и не то, что был он советским маршалом, стало решающим фактором при его на-

значении "польским маршалом", а то, что не нашлось в то время среди польского генералитета кандидата с равным ему партийным стажем. Словом, Москва не руководится критерием — русский или поляк, а тем — надежный ли это или ненадежный коммунист.

Зато в упорном сравнении Константина Рокоссовского с великим князем Константином недвусмысленно проступает тенденция, которая должна показать, что Народная Польша "скатывается" до уровня "Конгрессовой" Польши, и проводится аналогия с ситуацией под русским владычеством. В действительности же здесь нет никакой аналогии. Рокоссовский не имел влияния на ход событий в Варшаве, так как не он давал распоряжения партии, а партия ему. Он не имел, как, впрочем, каждый кадровый военный при коммунистическом строе, большего влияния в Москве, чем польский партийный сановник. Он не сыграл никакой решающей роли, и, как показал дальнейший ход событий, его отзовение нисколько не повлияло на перемену положения. Аналогия не могла иметь места потому, что степень зависимости Польши под коммунистической властью "количественно" во много раз больше, чем под русской, а в "качественном" отношении необходимо учесть вышеуказанную "перестановку ситуации". Об этом свидетельствует сравнение "польской сущности" под русским владычеством с "польской формой" теперешнего коммунистического владычества.

*Политическая суть наизнанку.* — В период русского владычества даже крайне компромиссное направление осталось до конца, в противовес "русской стороне", вышеупомянутой "польской стороной". Соглашательский лагерь, начиная с политического направления графа Александра Велёпольского в половине XIX века и включая позднейшие формы группировок, представляющих его до Первой мировой войны, несмотря на всякого рода компромиссы, отстаивал польские, а не русские интересы. Граница между этими противоположными интересами определялась вполне ясно. В период, когда русское правительство проводило русификацию, защита польских интересов сводилась к получению действительных льгот и полномочий, дающих возможность проводить польскую национальную деятельность,

как то: школы с лекционным польским языком, книги, газеты и театры на польском языке, польские общества, высшие курсы на польском языке и т. д. Это представляло собой квинтэссенцию тогдашних польских интересов, это была защита "польской сущности" перед угрозой русификации. Все это являлось предметом "концессий", получаемых от "русской стороны".

Под коммунистическим владычеством "польская сущность" в действительности преобразилась в "польскую форму", так как настоящей "сущностью" стал "социализм" (коммунизм). Таким образом, тип прежних концессий потерял всякий смысл, ибо суть этих концессий преобразилась в их противоположность и стала не уступкой на благо польского народа, а наоборот, орудием воздействия враждебной власти на народ. Школы, университеты, книги, газеты, театры и кино, радио, общества, организации, кружки, общественная деятельность, даже точные науки, даже музыка и живопись — все это, прямо или косвенно, в большей или меньшей степени, служит коммунистам эффективным инструментом для так называемой "перековки" свободного народа, свободного общества в коммунистический коллектив. Инструмент тем именно эффективный, что он употребляется на языке данного народа. Отсюда возникло с виду парадоксальное явление: не русификация, как раньше, а наоборот, полонизация стала инструментом порабощения польского народа. Парадокс исчезает, если принять во внимание, что дело тут касается, конечно, "полонизации" только по форме, а сущность ее заключается в большевизации, советизации и коммунизации.

Что же касается концессий в "органической" сущности, т. е. очищенной от насильственной коммунистической инфильтрации, то, в противовес русскому владычеству, получение таковых невозможно ни в виде школ, ни курсов, ни газет, ни организаций, которые являлись бы оппозицией или в ином виде противостояли бы господствующей власти.

Правда, эмигрантский "польреализм", для отвлечения внимания от подлинного состояния вещей и для поддержания своего тезиса о тождественности Советского Союза и России, много раз пытался популяризировать дезинформацию о якобы проводимой в стране русификации, но

попытки эти надо причислить к категории такой же легенды, как сопоставление "двух Константинов". Более или менее по образцу: чествование Пушкина в Варшаве — "русификация", но чествование Мицкевича в Москве — не "полонизация". Так же гастроли варшавских театров не только в Москве, но и в Литве, в Белоруссии, на Украине и т. д. — не есть проявление "полонизации". Впрочем надо признать, что в последнее время версию о мнимой русификации, совершенно лишенную солидных основ, почти изъяли из оборота "польреалистической" дезинформации.

*Сравнение — "человек".* — Царская Россия была государством сословным. Не столько государством социальной несправедливости — ибо по сегодняшним временам в ней легче было бы найти справедливость, чем в иных позднейших демократиях, — сколько большого социального неравенства. В процессе проводимой, подчас драконовыми мерами, русификации опиралась она не на народ, а на сословия. Что же касается повседневной жизни в Польше, то настоящим "господином" на своей земле оставался по-прежнему польский шляхтич, а не русский чиновник или полицейский, который этому помещику низко кланялся. Просматривая дореволюционный ежегодник офицерских назначений, самое большое количество польских дворянских фамилий мы находим в Пажеском корпусе, в кавалергардских, кирасирских и других гвардейских полках. Процент этот резко уменьшается в простой армейской пехоте, уступая место фамилиям почти исключительно русским. Эта небольшая иллюстрация, на полях, доказывает только, насколько ошибочно проводить аналогию между тогдашним понятием "национального преследования" и преследованиями XX века. Ибо сегодняшнее понятие "преследования" отождествляется с понятием человеческой судьбы. Иной был подход и к так называемым "политическим преступлениям". Профессор Владислав Студницкий, большой враг России, душой и сердцем ненавидящий все русское, но человек принципиально честный и гнушающийся лжи, как-то рассказывал мне о своей ссылке в Сибири, в районе Минусинска. Слушая в эмиграции его рассказы об условиях в этой ссылке, я не мог отделаться от мысли, что охотно заменил бы свою судьбу сегодняшнего эмигранта на судьбу

тогдашнего политического ссыльного... На судьбу профессора Студницкого в ссылке влияло не только его дворянское происхождение, но и отношение к якобы "привилегированному" преступлению. Ибо политическое преступление принадлежало к "почетной" категории и, в противоположность сегодняшним коммунистическим нормам, считалось отнюдь не чем-то "худшим", а "лучшим" по сравнению с другим родом преступлений.

Думаю, что подоплеку этого иного отношения следует искать в другом подходе к личности, к человеку, как к объекту, в основном охраняемому законами божескими, человеческими и государственными. Сегодня ни один из этих законов не охраняет человека, подданного коммунистического строя, от норм партийного "права".

Известный до революции в России адвокат Груzenберг, русский еврей, издал в эмиграции свои воспоминания. По содержанию видно, что автор пытает ярой ненавистью к царскому режиму и ко всему, что было тогда. Среди прочего он описывает нашумевший процесс еврея Бейлиса, обвиненного в ритуальном убийстве в Киеве. С гневом и возмущением Груzenберг приводит приемы, которыми полицейские власти старались повлиять на крестьян, выбранных в состав присяжных, чтобы добиться осуждения Бейлиса. И вот, после этих, как он утверждает, многочисленных усилий, чашу провосудия в пользу обвиненного перевесил крестьянин, судья-присяжный, который неожиданно встал, перекрестился на икону и сказал: "Не возьму греха на душу и не буду голосовать за осуждение невинного". С глубоким отвращением цитируя ход этого процесса, адвокат Груzenберг не проводит сравнений. Если бы он это сделал, сам наверное удивился бы, до какой степени вся тогдашняя процедура полицейского давления показалась бы наивно анахронической. А огромная затрата энергии полицейского аппарата, израсходованная даром из-за того, что крестьянин перекрестился на икону, свидетельствует о том, что принято было считаться с человеком. Сегодня же подход к массам в Советском Союзе происходит по нажатию кнопки, а с отдельным человеком вообще не считаются. Стоит только двинуть пальцем, как не только все судьи коммунисти-

ческого блока, но и все миллионы населяющих его людей вынесут любой приговор или примут любое решение, какое потребует от них партийная власть.

Поскольку политическая жизнь в Польше под русским владычеством подвергалась ограничениям со стороны властей, постольку, как правило, не было вмешательства властей в личную жизнь человека. В своих воспоминаниях Федор Степун справедливо замечает:

”Какая в этом отношении громадная разница между царизмом и большевизмом... Очевидно государственный деспотизм не так страшен своими политическими запретами, как своими культурно-педагогическими заданиями, своими замыслами о новом человеке и о новом человечестве. При всем своем деспотизме, царская Россия духовно никого не воспитывала и в духовно-культурной сфере никому ничего не приказывала. Эта роль была ей и не под силу. Отдельные анекдоты не в счет”. (“Бывшее и несбыточное”, том 1, Изд. им. Чехова, Нью-Йорк 1956, стр. 276)

Не следует забывать, что демократия это еще не свобода. Демократия это только равенство. И только либерализм — свобода. Соединение равенства и свободы — вот тот идеал, которого мы все жаждем добиться. Царская Россия не была государством демократическим, но под конец своего существования была государством либеральным. Коммунистический же строй считает либерализм своим злейшим врагом.

*Не под владычеством государства, а под владычеством партии.* — Мы видим, что после 1945 года теперешние властители Польши, польские коммунисты, являются самыми усердными глашатаями не польских, а советских политических интересов. Возникает вопрос: кто они в их отношении к Польше? Чиновники Советского государства? Если бы это было так, то Польша была бы, несомненно, подчинена внутреннему аппарату Советского государства. Все же не только официально, но даже практически Народная Польша не включена во внутренне-государственную советскую аппаратуру. Тут мы имеем дело с совершенно новой структурой, вытекающей из специфической структуры Советского

Союза, совсем особой, непохожей на структуру остального мира. Соответственно этой структуре, теперешние правители Польши причисляются не ко внутренне-государственным инстанциям Советского Союза, а ко внутренне-партийному центру. Таким образом, Польша не подчиняется Советскому государству, а подчиняется непосредственно коммунистической партии, которая правит этим государством.

Интересы партии стоят выше интересов государства, будь то Советский Союз, Народная Польша или другие члены коммунистического блока. Таким образом, Польша как страна, по отношению к России как стране, находится не в отношении зависимости, а как бы в состоянии "товарищества" в общем подчинении одной партии. Их объединяет общность несчастья, которое свалилось на обе страны и на народы, живущие в них.

Польшу не присоединили к Советскому Союзу в качестве 17-ой союзной республики, что отвечало бы, возможно, интересам советского государства, но не совпадало бы с интересами мировой политики партии. В интересах "мировой социалистической системы" лежит удержание фикции суверенитета Польши, как и других "народных" республик. Фикции полной и, как видим, весьма эффективной.

Теперешнее положение Польши, подчиненной не советскому государству, а центру мирового коммунизма, не обозначает, конечно, что Народная Польша по этой причине располагает теми или иными "количественными" ценностями в сопоставлении, например, с Украинской Союзной Советской Республикой или с другими включенными в Советский Союз республиками. Суть дела не в этой плоскости. Обозначает это только то, что Польшу, согласно планам международного коммунизма, "дислоцировали" в иную плоскость, и она играет в этих планах иную, чем союзные республики, предназначенную ей роль — роль "качественную". Одновременно это обозначает, что Польша находится в большей неволе, чем когда бы то ни было на протяжении всей своей истории. А именно, она находится под воздействием сильнейшего гнета, который не только лишает ее независимости, но парализует сущность ее органической жизни, угрожая тем самым преобразить весь народ в особый, по коммунистическим планам, "социалистический народ".

Дойдет ли до этого — не знаем. А пока что нас интересует вопрос: как дошло до того, что многие поляки умудряются считать заключение Польши в величайшую тюрьму мысли и духа преемственностью польской государственности, и только уже в самом худшем случае сопоставляют с неволей под "русским" владычеством, которая была "количественно" меньшей, а "качественно" совсем иной?.. Чтобы ответить на этот вопрос, не достаточно понять полностью окружающую нас атмосферу, схему которой мы пытались начертать в предыдущей главе. Надо обратиться к первоисточникам этого ошибочного диагноза, который стал началом сегодняшней дезинформации. Иными словами, надо вернуться к историческим элементам, которые способствовали теперешнему преображению восточной Европы и стали одновременно угрозой современному миру.

## МЕЖДУ БОЛЬШЕВИЗМОМ И НАЦИОНАЛИЗМОМ

В жизни нет ничего постоянного и нет ничего непостоянного. История может повторяться или не повторяться. Создается впечатление, что те, кто упорно настаивают на том, что "история никогда не повторяется", делают это из-за лени с ней ознакомиться. В истории коммунизма и по сегодняшний день главные элементы повторяются, как на хорошо сложенной фотопленке. Был ли это просто случай или Ленин гениально предвидел роль, которая выпадет на долю национализма в деле укоренения большевизма?

Большевистский переворот Ленин основал на двух декретах: на "Декрете о мире" и на "Декрете о земле", объявленных на следующий день после начала революции, т. е. 8 ноября 1917 года. Через восемь дней, 16 ноября, он добавил знаменитую "Декларацию прав народов России", которая оповещает:

”...право всех народов бывшей империи на самоопределение и независимость, включая право отделения и создания независимого государства”.

На вид этот акт мог привести к полному рассеянию революционных сил, а тем самым к уничтожению большевистской революции, которая, ввиду ничтожной горсточки ее сторонников, могла иметь шансы на успех исключительно при мощной централизации власти. Так, знание ли националистического умонастроения или просто человеческой психики подсказало Ленину, что этим образом прежде всего и в первую очередь он сумеет рассеять... солидарность всех антибольшевистских сил. В действительности ”Декларация” представляла собой пустые слова, так как решение, что есть ”истинное выражение народной воли”, было отдано не в руки народа, а в руки большевистских ячеек. Тем не менее правильность тактики Ленина вполне подтвердилась. Конечно, фальсификация обнаружилась очень скоро; кроме того, абсолютное большинство националистически настроенных вождей считало, что при известной доле компромисса и сотрудничества с большевиками скорее можно надеяться на получение независимости, чем в сотрудничестве с контрреволюцией.

*С другими народами против большевиков? Или с большевиками против других народов?* — Поставленные перед этим вопросом отдельные национально настроенные народы выбирали, как правило, вторую альтернативу. Ни один из заинтересованных народов, включая русский, не принял во внимание вненациональной, чисто человеческой стороны вопроса и не распознал в большевизме-коммунизме настоящей его сущности, нового смысла, представляющего громадную, общую опасность. Ведущие представители народов, стремящихся к независимости и к освобождению из-под господства русской империи, усмотрели в большевизме ослабление этой империи, т. е. ”меньшее зло”, ”большее” видя в победе контрреволюции. Ведущие же деятели русской контрреволюции считали, во многих случаях, стремление к независимости или ”сепаратизм” отдельных народов за большую для России опасность, чем угроза большевизма.

Таким образом все это привело к историческому развитию событий, вспомнить о которых весьма уместно. Эти исторические события очень поучительны своим сходством с современными взглядами. Взглядами, которые как будто с того времени не подверглись изменению. Иногда, прислушиваясь к сегодняшним концепциям, хотелось бы воскликнуть: "Но ведь это уже когда-то было!" Поэтому, думаю, что люди, желающие объективно оценить то, что есть сегодня, должны прежде всего ознакомиться именно с тем, что было.

Финляндия вышла из антибольшевистского фронта в минуту, когда судьба большевистской революции висела на волоске. 10-го октября 1919 года части так называемой "Северной армии" под командованием ген. Юденича прорывают линию 7-ой большевистской армии около Ямбурга. 21. 10 занимают позиции на Пулковских возвышенностях, т. е. на последнем южном подступе к Петербургу. В Петербурге вспыхивают антибольшевистские беспорядки. Ленин восклицает: "Никогда еще Советская Республика не стояла перед лицом такой смертельной опасности!" Официальная советская "Краткая история гражданской войны" (Москва 1962) пишет об этом периоде:

"В самый острый момент борьбы малые буржуазные государства сочли за благо отказать Юденичу в помощи. Первая о своем отказе заявила Финляндия... Попытка использовать в борьбе против Советской России малые буржуазные государства оказалась также несостоятельной... Финляндия в открытую войну так и не вступила..." (стр. 346)

В действительности же Финляндия заняла позицию "вооруженного нейтралитета". Только раз, по личной инициативе Маннергейма, в мае 1919 года, финский партизанский отряд под командованием Эльвенгрейна ударили в направлении Карелии. Этот эпизод не сыграл никакой роли.

Эстония поначалу вообще не имела армии для защиты против большевиков и потому, при помощи Англии, выплачивала даже жалованье частям "Северной армии" Юденича, которые прикрывали ее от большевиков. Но уже 28 июля

1919 года английский ген. Марч вручает ген. Юденичу ультиматум, требуя признания независимости Эстонии (решение должно было быть принято в течение... 40 минут), угрожая, в противном случае, приостановить всякую помощь в дальнейшей борьбе с большевиками, которая (борьба) начала как раз успешно развиваться. (Ах, насколько нам знакомы эти жесты!) Такое признание независимости было сделано, правда, только 18 августа, но уже непосредственно эстонцам, которые, между тем, старались начать переговоры с большевиками. Наступление контрреволюции было им не на руку и они не только отказали в поддержке, но сразу же после поражения Юденича приступили к разоружению русских белых частей. Мир Эстонии с большевиками был подписан 2 февраля 1920 года, в то время, когда еще на остальных фронтах шла борьба с большевистской революцией. Это был первый мир и первое "существование" между Советским Союзом и капиталистическим государством. В будущем советский посол в Лондоне Майский назовет это "...окном, вторично в истории прорубленным в Европу".

Литва заняла с самого начала позицию более доброжелательную по отношению к большевикам, чем к Польше, принимая во внимание спор из-за Вильно. В декабре 1918 года польское правительство предложило литовскому правительству заключить соглашение, чтобы совместно дать отпор большевистскому нашествию. Литовское правительство обусловило такое соглашение признанием Вильно столицей Литвы. Польское правительство отказалось. Тем временем советские войска уже подходили к Вильно. В городе польский комитет импровизировал на скорую руку "самооборону" Вильно и обратился к литовскому правительству с предложением общими усилиями дать отпор нападению. Литовское правительство не только отбросило это предложение, но заявило торжественный протест против организации антибольшевистской польской самообороны и оставило город 1 января 1919 года, направясь в Ковно под защиту там еще стоявших немецких войск. Слабая польская "самооборона" была разбита и красная армия заняла территорию по линии Шавли-Можейки-Ковно-Олита-Гродно-Пружаны-Кобринь. Когда в феврале 1919 года Польша начала

освобождать эту территорию от большевиков, литовское правительство, в соучастии с Белорусской Народной Республикой, несмотря на то, что сами они не располагали достаточными силами для вытеснения большевиков с оккупированных территорий, заявили официальный протест против польского наступления, которое 19 апреля дошло до Вильно, а 8 августа — до Минска.

Спор из-за территориальных границ и национальных претензий совершенно заслонил сознание общей угрозы со стороны большевизма. Во время великого отступления польской армии летом 1920 года Литва подписывает 12 июня мирный договор с Советским Союзом, содержащий тайную клаузулу относительно права на проход большевистских войск к границам Польши через территорию Литвы. Все это происходит несмотря на то, что одновременно существует официальное коммунистическое правительство большевистской Литовско-Белорусской Республики, притязывающее на те же самые территории! Но Литва придерживается политики, которую считает "реальной", и видит в лице Польши большую угрозу, чем коммунизм. Хотя минимальное понимание сущности большевизма должно было бы явно показать полную иллюзорность этого рода политики. Только польская победа под Варшавой спасла Литву от включения ее в Советский Союз уже в 1920 году.

После нарушения Пилсудским польско-литовского договора от 7 октября 1920 года, заключенного в Сувалках, и после занятия Вильно польским генералом Желиговским Литва становится по отношению к Польше верным партнером Советского Союза. Отрывается она также и от поддерживаемого некоторое время Западом антибольшевистского "Cordon-Sanitaire", ибо главное звено этой цепи представляет собой Польша. Это положение продлилось до самой Второй мировой войны, когда, вместе с падением Польши, Литва и другие балтийские государства были захвачены Советским Союзом.

Белоруссия заняла еще более недвусмысленную позицию, отдавая предпочтение большевистской стороне против русского и, главное, польского национального устремления. Решающим фактором был общественный радикализм, которым отличалось белорусское национальное движение. В

начале революции лозунги, выброшенные белорусской "Громадой", почти не отличались от большевистских социальных лозунгов. Своими главными врагами "Громада" считала польскую реакцию и русскую контрреволюцию. Уже 28 декабря 1917 года в Минске был создан "Общебелорусский Конгресс", который, ссылаясь на ленинскую "Декларацию", требовал независимости. И действительно, 9 марта 1918 года была провозглашена независимость "Белорусской Народной Республики" (БНР). Факт этот, однако, прошел в стране незамеченным как из-за отсутствия распорядительной силы, так и из-за безразличного отношения белорусских народных масс. После отступления немцев большевики без всякого сопротивления заняли Минск 7 декабря 1918 года. "Рада" БНР бежала в Ковно.

Когда же 30 декабря 1918 года так называемый "VI Конгресс Коммунистической партии Северо-Западного Края" был переименован в "I Конгресс Коммунистической партии Белоруссии" и провозгласил "Белорусскую Социалистическую Республику", в границах, охватывающих территорию от Смоленщины до Августова (торжественная прокламация была провозглашена 1 января 1919 года), значительное число деятелей белорусского национального движения перешло уже открыто на сторону большевиков и даже вступило в партию. Белорусский историк Менский объясняет это следующим образом:

"В течение долгого времени они принадлежали к национальным организациям, стремящимся к преобразованию Белоруссии в национальное государство. В данном случае решающим фактором была для них национальная сторона... Белорусские коммунисты тоже отдавали первенство национальному вопросу. Таким, однако, образом, чтобы национальное освобождение совпадало с коммунистической идеологией". ("Die Gründung der weissruthenischen SSR", Sowjetstudien No 1, München, 1956)

Так что здесь мы имеем дело не только с первым зародышем классического 'национал-коммунизма', но и с аргументацией, которая по сегодняшний день может служить примером обоснования "координации коммунизма с нацио-

нальными интересами" или "трактовки национального вопроса выше вопроса идеологического".

Ленин применил аналогичную тактику и в отношении к белорусской эмиграции. В июне 1920 года, при посредничестве латышского правительства, он наладил тайные контакты с белорусской "Радой" в Ковно и доверительно пригласил ее представителей в Москву. Приглашение было принято. Делегаты "Рады" поехали на тайные совещания, на которых разговоры вращались вокруг создания "независимой" Белоруссии под протекторатом коммунистической Москвы. С этой минуты в белорусских кругах взял перевес так называемый "реальный подход к национальным делам", увенчанный вскоре величайшим достижением ленинской тактики под видом первого национального НЭПа.

*Украина.* — Оставим в стороне время гетмана Скоропадского, всецело еще связанное с немецкой оккупацией. Сразу после краха Германии в ноябре 1918 года Скоропадский подписывает 14 ноября 1918 года "Грамоту" о Федерации Украины с Россией, пытаясь таким образом найти поддержку среди русских антибольшевистских сил в борьбе с большевиками. Через два дня, 16 ноября, украинские оппозиционные левые партии свергли власть Скоропадского. 19 ноября 1918 года создается так называемая Директория, во главе которой становится Винниченко вместе с Петлюрой. Но в это же время на Украину входят большевистские войска, якобы по призыву "Советской Социалистической Украинской Республики". Директория бежит на Волынь в Ровно. Создается хаотическое положение. Украину представляют одновременно три правительства: Директория, марионеточное советское правительство и временное правительство ЗУНР (Западно-Украинской Народной Республики). Последнее больше всего занято борьбой за Львов и Галицию против Польши.

В таком положении Директория ставит вопрос ребром. С кем идти? На кого опереться? На Западные державы, которые в спешном порядке помогают антибольшевистской России и отчасти Польше, или же на большевиков, против России и Польши? Председатель Директории Винниченко высказываетя скорее за большевиков. Его рассуждения не лишены опять же этих "национально-коммунистических",

или, если угодно, "национально-реальных" аргументов, которые были выдвинуты белорусскими деятелями. Винниченко объясняет: государства Антанты поддерживают контрреволюционную Россию и реакционную Польшу. В итоге Россия и Польша поделят между собой Украину, как это бывало уже в прошлом. Пусть уж лучше будет Украина даже большевистская, чем под властью Польши или России. Национальные интересы важнее идеологических.

Большинство в Директории высказывается против "всякой интервенции", что практически обозначает компромисс с большевиками. Только Петлюра высказываеться за союз с Польшей против большевиков. Наступает раскол, в результате которого Петлюра провозглашает себя "верховным атаманом Украины".

Хотя тем временем ЗУНР заключает 6 ноября 1919 года временное соглашение с Деникиным в Зютковичах, отдавая в его подчинение свою "Украинскую Галицийскую Армию" (УГА), но уже 12 января 1920 года она переходит полностью на сторону большевиков, переименовав себя из УГА в КУГА (Красная Украинская Галицийская Армия).

В это время председатель Директории Винниченко присоединяется к большевикам. Он провозглашает Польшу главным врагом и становится заместителем председателя украинского Совнаркома (председателем тогда был известный К. Раковский, старый большевик, впоследствии советский посол в Париже до 1928 года).

На антибольшевистской стороне остается один Петлюра. 22 апреля 1920 года он подписывает с Пилсудским так называемый "Варшавский пакт", обусловливающий общие действия против большевиков и определение будущих границ между Польшей и Украиной. Но ожидаемой спонтанной поддержки украинского населения не произошло. Петлюра начал, правда, формирование двух дивизий, которые должны были сражаться в составе 3 и 6 польских армий, но они не сыграли большой роли. Пилсудский не сдержал обещаний "Варшавского пакта", в котором обе стороны торжественно обязывались не заключать отдельного мира, и после неудачного Киевского похода заключил мир с большевиками в Риге. После этого началось разоружение и интернирование украинских частей в Польше, как в свое время армии Юде-

нича в Эстонии. Протест Петлюры от имени "Украинской народной республики" остался гласом вопиющего в пустыне.

Пилсудский. — Конечно, ни одна из заинтересованных сторон не представляет хода событий в таком свете, как это было сделано в вышеизложенном сокращении. Каждая из сторон проявляет склонность сваливать вину на другую сторону. Молодые нации, входящие когда-то в состав польско-литовского государства, направляют главные упреки в адрес Польши, а в особенности в адрес ее тогдашнего вождя Пилсудского. В этом многое несправедливого, но есть и доля правды. Пилсудский вошел в историю как политический "романтик". Легенда эта укоренилась не только в Польше, но и на Западе. В действительности же все выглядело иначе.

Пилсудский был не слишком большим, а скорее слишком мелким "романтиком". Его сторонники и апологеты признают, что никто точно не знал его планов, так как характеру Пилсудского не свойственно было делиться даже с ближайшим его окружением. Признанный гением, он не находил нужным считаться с окружением, может быть, потому, что всю жизнь привык действовать в атмосфере заговора, конспирации. Воздвигнутый на пьедестал посланца судьбы, он несомненно сам глубоко верил в свою миссию. Поэтому в отношениях с людьми позволял себе колкости, резкости и пренебрежение, раздражая и отталкивая от себя тех, кого следовало бы объединять. Это касается прежде всего молодых националистов, охваченных еще манией сословно-общественного комплекса, и тем самым непомерно чувствительных к любому проявлению презрения. Пилсудский слишком верил в то, что всего можно добиться при помощи "*faits accomplis*" — "с револьвером в руках", как он об этом писал 4 апреля 1919 года в письме к Васильевскому. Этот его преувеличенный "реализм" показывал в то же время глубокое незнание человеческой психологии. В этом кроется его совершенное непонимание большевистского феномена, основанного именно на психологии масс.

Литовский вопрос Пилсудский хотел разрешить при помощи тайных действий "POW" (польская военная организация), чем способствовал отравлению атмосферы поль-

ско-литовских отношений. В течение одного только 1920 года он нарушил два договора: с литовцами "Сувальский" и с украинцами "Варшавский". Совсем излишним было нарушение Сувальского договора. Объясняется это исключительным пристрастием к закостенелым конспирационным формам. Кончилось тем, что Пилсудского, который в противовес "эндекам" (национал-демократам) протягивал якобы братскую руку литовцам, белорусам и украинцам и стремился к существованию на основах федерации, возненавидели, и стал он для всех символом "плохой Польши" больше, чем самые заядлые польские националисты.

Не эти, однако, эпизоды в политике Пилсудского перетянули чашу весов судеб восточной Европы. Объективно оценивая события, можно предположить, что если бы даже политика Пилсудского по "внутренней" линии в отношении литовцев, белорусов и украинцев была иной, она в малой степени повлияла бы на "внешнюю" политику этих народов и на их отношение к большевизму. Ибо фанатизм в области национальных интересов, соединение национального радикализма с общественным, навязывали, в общем, подход к большевизму как к "меньшему злу", которое можно даже использовать в борьбе с соседними национально-сознательными народами. И вот именно на этом участке Пилсудский не только не отличался особой концепцией, но, напротив, был ведущим выразителем этих популярных взглядов.

Из его ошибочного диагноза возникло наивное убеждение, что довольно только выступить с национальными лозунгами, как Украина и бывшее Великое Литовское Княжество объединятся "против России". Между тем не только лидеры литовских националистов предпочитали русских полякам ("отпольщить" Литву!), но и белорусские и украинские лидеры, играя на радикальных настроениях общества, соперничали с большевиками в разжигании ненависти к "польским панам". Большевики тоже играли на чувствах национальной независимости и при этом гораздо эффективнее, чем Пилсудский.

Крестьянские антибольшевистские восстания и беспорядки в то время носили определенно антиреволюционный характер. Они вытекали из простой, чисто человеческой не-

нависти к навязываемой системе. Однако не создался идеологический синтез, так как национальные вожди втискивали эти крестьянские волнения в искусственно созданные рамки национального движения, каковыми они в действительности не были. С другой стороны, большевики, используя те же лозунги, отнимали у них козыри из рук. Закостенелые формы борьбы с прежней Российской империей не находили и не могли найти применения в борьбе с большевиками. Они были анахронизмом.

*"Единая и неделимая"*. — Русская национальная политика не была исключением в неверном диагнозе, касающемся сути большевизма. Русская контрреволюция не сумела противопоставить большевизму что-либо другое, выходящее за пределы интересов чисто государственных. Лозунг *"единой и неделимой"* России до такой степени заслонил распознание действительности, что вожди *"белого движения"* скорее готовы были отказаться от помощи антибольшевистских *"сепаратистов"*, чем в какой-то мере принять во внимание их притязания. *"За помощь в борьбе с большевиками, — писал Деникин, — ни пяди земли русской!"*

Министр Сазонов, в конце 1918 года, вручил представителям западных государств в Екатеринодаре меморандум, в котором среди прочего говорил:

*"Эфемерные государственные образования..., приобретшие мнимую независимость... не могут принимать участия в процессе освобождения и объединения России, пока они не откажутся от своих притязаний на отдельное существование... Необходимо осторожно относиться к притязаниям отложившихся областей, вроде Украины, Дона, Литвы, Прибалтийских губ., Кавказских республик..."* (Генерал А. Деникин, *"Очерки русской смуты"*, т. 4, Берлин 1925, стр. 236)

Русские признали только безоговорочную независимость Польши *"в ее этнографических границах"*. Но уже в отношении Финляндии ставили принципиальные условия. В мае 1919 года, после того, как Великобритания и Соединенные Штаты признали независимость Финляндии, Деникин писал:

”Россия относится к этому благосклонно... Но решение, предпринятое без ее согласия, для русских неприемлемо”.

Генерал Юденич стремился к безоговорочному признанию Финляндии с целью получения помощи в борьбе с большевиками. Вот реакция министра Маклакова: ”Мы не можем тормозить ген. Юденича в этих намерениях, но не можем и поддерживать”. Заявление ”верховного правителя России”, адмирала Колчака, направленное правительствам Антанты 4 июня 1919 года, заключало в себе такие пункты:

” . . . . .

3. ...Русское правительство считает себя вправе подтвердить независимость Польши... Но окончательная санкция определения границ между Польшей и Россией... должна быть отложена до Учредительного Собрания.

Мы готовы также ныне же признать настоящее правительство Финляндии, но окончательное решение Финляндского вопроса должно принадлежать Учредительному Собранию.

4. ...Мы готовы теперь же подготовить решение вопросов по отношению к национальностям Эстонии, Латвии, Литвы, Кавказских и Закавказских стран. Мы имеем полное основание предполагать, что дело скоро уладится, как только правительство обеспечит разным народностям автономии” (С. П. Мельгунов, ”Трагедия Адмирала Колчака”. Белград 1930. Часть III, стр. 325).

Когда Братиану предложил Деникину в августе 1919 года помочь Румынии в борьбе против большевиков в обмен на Бессарабию, то, в связи с этим, Деникин с гордостью вспоминает: ”этого векселя я не подписал”. Таким же образом он сразу отбросил предложение полковника Стрижевского, которое тот выдвинул через генерала Геруя в Бухаресте от имени, впрочем, очень сомнительных украинских сил, чтобы совместно вести борьбу с большевиками без политических предрешений. Деникин ответил, что борется ”за единую и неделимую Россию; в ее границах Украина

может рассчитывать единственно на автономию. Если же она хочет оторваться от России, то тем самым становится таким же ее врагом, как и большевики". Таким образом, в отличие от других национальностей бывшей империи, все русские партии, за исключением крайне левых, считали большевиков за "банду убийц и бандитов", отказывались идти с ними на какой-либо компромисс и категорически отбросили проект переговоров с большевиками, выдвинутый Вильсоном и Ллойд Джорджем 12 января 1919 года. Не помогли убеждения лорда Курзона, что: "Разговаривать с разбойниками еще не значит признавать разбой". Помимо угрозы потери западной помощи, подобно другим народам, русские поставили вопросы национального характера выше вопроса общей борьбы против "большевистской заразы". Судорожно придерживались программы: возврат к абсолютному "status quo... за исключением земель, которые должны отойти к Польше".

Уже в эмиграции Деникин пишет в своих воспоминаниях:

"Если бы мы даже признали притязания на независимость всех этих народов, то побудило ли бы их такое признание на жертвы в борьбе за освобождение России? (Назовем это конкретнее: уничтожение центра всеобщей угрозы). Дальнейшая история говорит нам другое".

И действительно, скептицизм Деникина более, чем обоснован, и он мог бы сослаться на него тем более, если бы дожил до нынешнего дня.

Теория об "эволюции коммунизма" 43 года тому назад! — В настоящей короткой справке мы обходим стороной тогдашнюю позицию государств Антанты, которые ныне именуются "западными державами". Аналогия эта была бы слишком стереотипной. Политика Ллойд Джорджа и политика нынешней Великобритании, политика позднейшего Рузвельта и нынешнего Кеннеди, политика тогдашнего и позднейшего Бевина ("Руки прочь от России!"), вынуживание тогда в антикоммунизме "реакции", как теперь "фашизма" — банальные повторения.

Нельзя, однако, воздержаться от приведения примера, который может заинтересовать "польреалистов". Ведь они в настоящее время поддерживают американскую помощь коммунистическому правительству Гомулки под вывеской "помощи польскому народу". А это ведь уже было! В сопровождении почти тождественных политических спекуляций...

В конце 1919 года, т. е. еще в период борьбы с большевизмом, Ллойд Джордж неожиданно снимает блокаду против Советской России, решает завязать торговые отношения с коммунистами и предоставить им экономическую помощь под предлогом установления контакта с "русским народом" и "помощи русскому народу". Это было несомненно ударом для антибольшевистских сил в их тяжелой борьбе за свободу. Об этих решениях сообщает из Лондона министр Маклаков в письме Деникину:

"Самое же важное, что многие русские считают 'преступлением' не поддержать решение Ллойд Джорджа. Они утверждают, что покуда освобождение России казалось близким, блокаду можно было продолжать. Поскольку, однако, освобождение не было достигнуто, дальнейшее продолжение блокады было бы 'преступлением против русского народа'... Что же касается западных политических кругов, то они считают, что навязывание отношений с большевиками, хотя бы вследствие их контакта с заграницей, может повлиять на перемену сущности большевизма и на его преображение..."

Из этого видим, что даже современная теория об "эволюции коммунизма" и о влиянии, которое может иметь на эту эволюцию экономическая помощь Запада, завязывание контактов и "культурный обмен" — считающийся ныне последним криком политической моды — по существу стара, как сам большевизм, и напоминает концепции полувековой давности.

\* \* \*

Причин окончательной победы большевизма было, конечно, много. В мире ничего не происходит по одной только причине, но из-за совокупности многих причин. Мы познакомили читателя с ролью, какую в этой цепи причин и следствий сыграли аргументы, которые рассматривались под углом исключительно национальным. Ниже мы попытаемся представить наиболее важный эпизод этой цепи. Этот эпизод внес решающий вклад в спасение международного коммунизма в наиболее для него критический момент. Несмотря на давность лет, он повлиял косвенно на формирование умозрения и взглядов нынешнего "польреализма".

## МИКАШЕВИЧИ

Ход событий, речь о которых будет ниже, в общем мало известен большинству польских читателей, так как по традиции они освещались исключительно с польской точки зрения, т. е. под углом "польских соображений государственного порядка" и "польских национальных интересов". В действительности дело обстояло иначе.

*Колчак.* — Вождем всех антибольшевистских сил России был признан адмирал Колчак, располагающий к концу 1918 и началу 1919 годов самой большой военной силой, сосредоточенной в Западной Сибири. Весной 1919 года он начал большое наступление в общем направлении Волги. Он предполагал, форсировав Волгу, идти дальше на Москву. В это время вспыхивают антибольшевистские восстания в Гомеле, Симбирске и Самаре. 14 марта Колчак занимает Уфу. Советские источники признают:

"Положение войск осложнялось кулацкими мятежами в тылу. Мятежники нарушили связь с армией, портили пути" ("Краткая история гражданской войны". Москва 1962, стр. 226).

Большевики напрягают все силы, чтобы задержать наступление Колчака и отбросить его назад за Урал. 29 мая 1919 года Ленин телеграфирует "Революционному Совету Восточного Фронта":

"Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной".

Тем временем нарастает волна антибольшевистских восстаний. Растет количество заговоров и тайных контрреволюционных организаций. Вспыхивают забастовки, покушения и бунты. Дезертирство из Красной армии увеличивается; некоторые отряды целиком переходят на сторону белых. 31 мая Ленин и Дзержинский подписывают прокламацию, призывающую население к "бдительности", к доносам и т. д. Террор доходит до небывалых размеров. В ночь на 14-е июня ЧeKa провела массовые облавы в Петрограде; найдено было якобы большое количество оружия и боеприпасов. Начинаются массовые расстрелы людей, подозреваемых в содействии контрреволюции. Несмотря на эту атмосферу страха и террора, антибольшевистская организация, так называемый "Национальный центр", под командованием поручика Нехлюдова, с оружием в руках, занимает главный форт на подступах к Петрограду — Красную Горку. На сторону восставших переходит значительная часть советского гарнизона и вскоре этому примеру следуют форты Старая Лошадь и Обручев. В 7-ой советской армии вспыхивают антибольшевистские беспорядки. Кронштадт находится под обстрелом взбунтовавшихся фортов. Восставшие ждали с минуты на минуту вмешательства британского флота, помощи со стороны Финляндии, Эстонии и генерала Юденича. Однако помочь ни откуда не пришла, а Юденич, сам находясь в затруднительном положении, опоздал. Большевики подавили восстание и успели все силы бросить против Юденича.

*В тисках доктрины.* — Пилсудский, посвятивший всю свою жизнь борьбе с царской Россией и отличавшийся упрямством в своей односторонней политике, не мог подвергнуть пересмотру старую доктрину. Феномена большевистской революции он не понимал. В революции видел

ослабление России, а в победе контрреволюции над большевизмом — ее потенциальное укрепление. Потому делал ставку на "слабую" Россию и тем самым менее опасную для Польши. Известную роль тут играли также моменты эмоционального характера. Одна только мысль о поддержке бывших царских генералов против революционеров должна была вызвать в нем чувство отвращения — ведь к таким революционерам он сам всю жизнь принадлежал. Связан он был также крепкими узами с ППС ("Polska Partia Socjalistyczna" — польская социалистическая партия), т. е. с направлением польских социалистов, совпадающим в известной степени с лево-радикальным направлением соседних наций.

В половине мая 1919 года в Варшаву приезжает стайной миссией от Ленина виднейший в то время польский коммунист, Юлиан Мархлевский. Его хорошо принимают в кругах ППС и в окружении, близком к Пилсудскому. Ведутся переговоры с тогдашним министром внутренних дел Юзефом Беком, Тадеушем Голувкой и т. д. Сегодня не приходится сомневаться в том, что уже тогда принято было окончательное решение, какой из "двух России" надо желать победы. Пилсудский делает ставку на "Россию красную", на большевиков. В минуту, когда Ленин начинает решающее контрнаступление против Колчака, на страницах органа ППС "Robotnik" появляется длинная серия знаменательных статей. Об этих и о позднейших статьях пишет теперь польский коммунист Юзеф Серадзский:

"Дело это буквально не сходило со столбцов главного органа ППС, что свидетельствует о целой публицистической кампании, вдохновителем которой был Юлиан Мархлевский... Без сомнения здесь видны нити связей варшавских разговоров Мархлевского с людьми, с которыми он встречался... Так или иначе, но призрак контрреволюционной России для воскресшей Польши, равно как и логика аргументации, способствовали тому, что Пилсудский 'позволял ему (Мархлевскому) продолжать дело', а через некоторое время польские власти назначили офицера, который должен был сопровождать Мархлевского, отправляющегося на переговоры с Лениным" ("Przegląd Kulturalny", Варшава, 1. 1958).

В это время польские войска стоят на линии Березины. Военные действия почти прекратились. Брошюра, изданная 2-ым Польским Корпусом в Риме в 1945 году под заглавием "Польша и капиталистическая интервенция в отношении СССР", хвалит это решение Пилсудского. На странице 16 читаем:

"Польские войска останавливаются, несмотря на как нельзя более благоприятное положение для продолжения наступления. Главным поводом для этой задержки было глубокое убеждение тогдашнего польского правительства и польской общественной мысли в том, что дальнейшее польское наступление могло бы в большей степени способствовать победе русской контрреволюции... Польша, как свидетельствуют документы, сделала не мало, чтобы облегчить революционным элементам подавление реакционной русской контрреволюции и обеспечить победу политическим элементам, которые считала прогрессивными".

В мае и в июне 1919 года большевикам удалось, правда, отразить наступление Колчака и отбросить его войска на восток от Волги, но уже через несколько недель нарастает с юга новая, на этот раз смертельная, опасность для большевизма. Существование нынешнего международного коммунистического центра повисло тогда, можно сказать, на волоске. Довольно было бы разрезать этот волосок и центр этот канул бы в вечность...

"Самый критический момент социалистической революции!" — Так именно Ленин назвал тогдашнее положение ("Сочинения", т. 29, стр. 402).

В июне 1919 года Деникин занимает Харьков, Царицын (Сталинград-Волгоград) и Екатеринослав. На Дону казаки берутся за оружие. В тылах советской армии почти повсюду вспыхивают крестьянские восстания. На Украине действуют банды Махно, Григорьева и других. 4 июля 1919 года начинается большое наступление Деникина в главном направлении на Курск-Орел-Тулу-Москву. 9 июля Ленин провозглашает свое известное возвзвание:

”Все на борьбу с Деникиным”.

”Все силы рабочих и крестьян, все силы Советской республики должны быть напряжены, чтобы отразить нападение Деникина”.

29 июля Деникин занимает Полтаву; в августе очищает от большевиков Николаев, Херсон, Одессу; 10 августа конный корпус генерала Мамонтова прорывает фронт и занимает Тамбов; 31 августа Деникин занимает Киев. В Саранске, в советском конном корпусе Миронова вспыхивает антибольшевистский мятеж. 12 сентября Деникин приказывает идти на Москву и берет Курск; 6 октября Воронеж; 13-го — Орел. В то же время Юденич возобновляет наступление на Петроград. Ленин пишет:

”Никогда еще не был враг так близко от Москвы. Никогда так близко враг не подходил к Петрограду. Два крупнейших экономических и политических центра оказались перед лицом смертельной опасности” (“Сочинения”, том 30, стр. 30).

В Петрограде, Пензе, Саратове и в самой Москве возникают многочисленные антибольшевистские заговоры. 25 сентября, во время заседания Московского партийного комитета были брошены бомбы — 12 видных членов партии были убиты. Ленин и Дзержинский отвечают на это кровавым террором, затмившим все предыдущие. До октября 1919 года Деникин освободил от большевиков 18 губерний и округов, площадью в 810 000 квадратных верст и с населением около 42 миллионов.

Начиная уже с 25 октября, большевики забирают с польского фронта сначала ”Латышскую дивизию”, потом бригаду Павлова и новосформированную кавалерию ”красного казачества” и бросают их на наиболее критические отрезки фронта. По приказу Пилсудского польские войска стоят под ружьем.

Вместо ”Мозыря” — ”Микашевичи”. — В создавшемся стратегическом положении Деникин предложил Пилсудскому нанести удар в общем направлении на Мозырь с выходом на правый берег Днепра. Не будем детально обсуж-

дать намеченную операцию. Достаточно взглянуть на карту тогдашних фронтов, чтобы убедиться, что это был бы смертельный удар в правый фланг главных советских сил. Таким образом вся 12-ая советская армия, удерживающая фронт против Польши, от Белоруссии до Волыни, оказалась бы в безвыходном положении и была бы уничтожена. Одновременно освободились бы польские войска на южном отрезке фронта, что обеспечило бы безопасность левого фланга армии Деникина. Окончательный разгром большевиков был бы неминуем.

Пилсудский вполне отдавал себе в этом отчет, когда писал:

”Удар по большевикам в направлении на Мозырь несомненно мог бы стать решающим моментом... Польша располагала достаточными силами на полесском фронте, чтобы осуществить такой удар” (Kutrzeba. ”Wyprawa Kijowska”).

Почему же, однако, это не было сделано? Вот объяснение самого Пилсудского:

”Сотрудничество с Деникиным в его борьбе против большевиков не отвечает польским государственным интересам... Основой политики лидера польского государства является факт, что он не хочет допустить победы реакции в России. И потому он будет делать все возможное, чтобы до этого не допустить”.

Вместо уничтожения главных большевистских сил произошло нечто совсем обратное: польские войска не трогаются с места, а большевики оттягивают с польского фронта 43 тысячи солдат и всю 12 армию, которая просто поворачивает назад и всей тяжестью обрушивается на левый фланг русских антибольшевистских войск. А дошло до этого следующим образом.

Пилсудский при посредничестве Мархлевского поддерживал постоянный контакт с Лениным. Все происходило в абсолютной секретности, что, впрочем, вполне согласовывалось с конспиративными привычками Пилсудского. В первой половине июля 1919 г. Мархлевский опять приез-

жает в Польшу. Уполномоченный Пилсудского, граф Коссаковский, встречается с Мархлевским в Беловеже. Точные подробности этих переговоров неизвестны. По всей вероятности тогда была достигнута принципиальная договоренность, что Польша не поддержит русские антибольшевистские силы. С этим Мархлевский возвращается в Москву. Уже в начале октября 1919 года он опять приезжает в Польшу. На этот раз в роли официального, хотя и тайного, посланника советского правительства. Народный Комиссариат Иностранных Дел РСФСР предоставил ему полномочия за № 11/853, подписанные наркомом Чичериным. Сторону Пилсудского представляет капитан Игнатий Бернер (Ignacy Boerner), будущий атташе в Москве (1924—1925), а затем министр почт и телеграфов в Варшаве. Какую-то роль играет также журналист, поручик М. Бирнбаум. Местом тайных переговоров назначили Микашевичи, маленький городишко в Полесье. Об этих переговорах позже писал сам Мархлевский ("Rosja Proletarjacka a Polska Burżuazyjna", Москва 1921):

"За время переговоров в Микашевичах положение Советской России значительно поправилось... Юденич разгромлен. Деникин тоже. Колчак отброшен далеко на Восток..."

Действительно, благодаря нейтралитету Пилсудского большевикам удалось сосредоточить все имеющиеся в их распоряжении силы для наступления против Деникина. Уже в конце октября они берут назад Орел, в ноябре занимают Курск и Чернигов, в декабре вытесняют белых из Харькова и Киева. В это время Мархлевский, получив указания от Пилсудского, едет в Москву и 21 ноября 1919 года возвращается в Микашевичи с ответом Ленина, "уточняющим советское отношение по всем вопросам, затронутым в заявлениях Пилсудского".

Пилсудский не был бы прирожденным заговорщиком, если бы одновременно не послал польскую миссию к Деникину. Она прибыла в Таганрог 13 сентября 1919 года в составе генералов Карницкого, Иваницкого и майора Пржездзецкого (Przeździecki). Цель миссии была далеко неясна.

Возможно, она хотела прощупать настоящие намерения и политическое лицо Деникина. Скорее же ее настоящей целью было намерение усыпить возможные подозрения, а также отвлечь внимание тех кругов западных держав, которые поддерживали Деникина. Во всяком случае Карницкий явно затягивал переговоры, а на вопрос: почему Пилсудский стоит на месте? — давал уклончивый ответ. Тем временем положение русских антибольшевистских сил катастрофически ухудшалось.

26 ноября 1919 года Деникин высыпает Пилсудскому личное письмо с просьбой помочь во имя общего дела перед лицом большевистской угрозы. Это совпадает как раз с датой, когда капитан Бёрнер докладывает Пилсудскому о результатах переговоров в Микашевичах и об ответе Ленина. На запросы иностранных миссий Пилсудский отвечает, что ему "не с кем говорить, так как Колчак и Деникин реакционеры и империалисты". Между тем большевики побеждают на всех фронтах гражданской войны. Насколько точно соблюдалась конспирация и как велика была дезориентация руководства русской антибольшевистской так называемой "Добровольческой армии", доказывает докладная записка генерала Врангеля от 25 декабря 1919 года, в которой он предлагает перестать опираться на казаков, которые под влиянием националистической ("сепаратистской") пропаганды все чаще отказывались воевать вне границ собственной территории, а всецело опереться на Польшу... На повторную просьбу о помощи Пилсудский отвечает в январе 1920 года, что, может быть, сможет предоставить таковую весной... Звучит это как издевательство, ибо, тем временем, начинается агония всех антибольшевистских "сил юга России". Остатки армии отходят в Крым.

*Самый критический момент Польши.* — Пилсудский сделал выбор. Катастрофические результаты этого выбора известны. Большевики, разгромив белые армии, ринулись всеми силами на Польшу и через полгода уже не существование большевизма, а судьба Польши, в свою очередь, повисла на волоске. Тот же Юлиан Мархлевский, который совсем недавно играл роль посредника в тайных соглашениях между Пилсудским и Лениным, теперь, по приказу Ленина, становится во главе первого польского коммунистического

правительства ("Временный Революционный Комитет"), в который, кроме него, вошли: Феликс Дзержинский, Феликс Кон, Эдуард Прухняк. Правительство это ждет в Белостоке взятия Варшавы, чтобы превратить Польшу в то, во что она превратится через 25 лет, в 1945 году.

Ни Пилсудский, ни Деникин, ни другие национальные вожди тех дней, а в наши дни их эпигоны, представляющие так называемых "реальных политиков", не понимали и не различали неравноценности между большевизмом и Россией или любым другим государством мира. Неравноценность эта, например, исключает выбор между "Белой Россией" и "Красной Россией". Ибо сущность, будь то борьбы или договора, в данном случае находится на другом уровне. Сутью отношения к большевизму не может быть вопрос той или иной территории, той или иной границы. Ленин вовсе не стремился к "включению" Польши в советское государство, но хотел завладеть Польшей для перехода через нее советских войск с целью захвата других стран для большевистской революции. Непосредственной целью похода 1920 года была не Варшава, а Берлин. Вспомним знаменитое изречение Ленина:

"Берлин это ключ к Европе. Кто владеет Берлином, тот владеет Европой. Кто владеет Европой, тот владеет миром".

Уже 20 июня 1920 года в Москве обсуждались планы организации "Советской Польши", "Советской Германии", "Советской Венгрии" и "Советской Финляндии". Тухачевский, начиная большое наступление, объявляет 2 июня 1920 года свой знаменитый приказ подчиненным ему двадцати ударным дивизиям:

"На Западе решится судьба Мировой Революции! Через труп Польши нас ведет дорога к всемирному пожару! Вперед, на Минск-Вильно-Варшаву!"

Приказ Реввоенсовета фронта за № Л. 1847 от 20 июля 1920 года гласит:

”Бойцы Красной Армии, помните, что западный фронт — это фронт мировой революции!”

19 августа 1920 года ЦК большевистской партии огласил возвзвание, подписанное Лениным, Крестинским, Троцким, Сталиным и Бухарином:

”В связи со всемирным историческим значением польского фронта, ЦК считает себя уполномоченным призвать всех коммунистов мира к героическому усилию!”

Польша очутилась на краю пропасти. Пилсудский, который еще совсем недавно обвинял Деникина и Колчака в ”империализме и реакционности”, приобретая в какой-то степени симпатии ”левых” в Западной Европе, теперь сам стал мишенью для нападок со стороны ”прогрессивных” деятелей. Секретарь британской лейбористской партии Гендерсон 6 августа 1920 года настойчиво предупреждал против какой-либо поддержки Польши; 10 августа глава британского Транспортного юниона Эрнест Бевин протестовал против высылки в Польшу оружия и боеприпасов; Германия и Чехословакия, захваченные левыми партиями, отказали в транзите военного снаряжения; портовые рабочие в Гданьске отказались разгружать боеприпасы; чешское правительство в Праге не разрешило проход тридцатитысячной венгерской кавалерии, идущей на помощь Польше и т. д. и т. д.

Известно, что только ”чудом” удалось удержать большевистский напор и разбить красных под Варшавой. Однако не в ”чуде” заключался зародыш будущей драмы. Как на страницах ”Известий” издевался по этому поводу Карл Радек: ”Не следует полагаться на чудеса, ибо все чудеса имеют ту особенность, что по заказу не повторяются...” Несчастье заключалось в том, что из этого знаменательного опыта не были сделаны соответствующие выводы. Победа под Варшавой спасла Польшу и Европу, отсрочив на двадцать лет коммунистическое наводнение. Лорд д’Абернон, конечно, был прав, считая варшавскую битву ”Восемнадцатой решающей битвой в мировой истории”. Разделял ли это мнение

сам Пилсудский, стоявший тогда во главе победоносной польской армии? Кажется, что нет.

“Тайна” Рижского трактата. — Лорд д’Абернон (Lord d’Abenon) так определяет цели советской политики в 1920 году:

”Их единственной верой была вера в уничтожение существующего порядка, единственной их политикой было желание разрушения всего, что отвечает нашим понятиям... Трудно оценить относительное значение событий десятого и семнадцатого столетий в сопоставлении с битвой под Варшавой в наше время, но можно с полной уверенностью предположить... что если бы советские армии преодолели сопротивление поляков и взяли Варшаву, то без всяких сомнений большевизм овладел бы всей Европой” (“Eighteenth Decisive Battle of the World”).

Пилсудский думал иначе. Между Пилсудским и Лениным существовала огромная разница в понимании целей войны.

Пилсудский, вопреки очевидным фактам, прилагал усилия придать войне с большевиками национальный, двусторонний характер, свести ее к противоречиям государственных интересов и защитить интересы польские и только польские. В этой войне он не видел никакой идеологической подкладки, борьбы против “большевистской заразы”. Ленин же подходил к ней с точки зрения диалектики. Для него это не была война национально-государственная, а война революционная. Отношение к Польше было делом менее существенным и второстепенным. Это был не международный конфликт, а интегральная борьба против капиталистической системы всего мира, — борьба не двусторонняя, а глобальная. Тождественные интерпретации находим в высказываниях всех большевистских лидеров, не только у Ленина, но и у Троцкого, Зиновьева, Сталина, Каменева и т. д. Дело для них было не в Польше, а в разжигании революции во всей Европе. Тухачевский в своей книге “Поход за Вислу” подчеркивает, что советско-польская война считалась лишь средством для осуществления революции во всей за-

падной Европе. Л. Дегтярев в своей работе "Политработка в Красной армии" (Москва, 1930) пишет:

"Особенно важное влияние на международное революционное движение оказал наш поход на Варшаву в 1920 году. Он вызвал политический кризис в Европе и содействовал развитию революционного движения. Вследствие успехов Красной армии в Англии появились 'комитеты акции', в Италии рабочие начали захватывать фабрики и промышленные предприятия, забурлила вся Германия. Пожалуй, не было страны, в которой рабочие и крестьяне не следили бы с волнением и с надеждой за военными успехами Красной армии. И наоборот: разгром Красной армии под Варшавой повлек за собой поражение рабочего класса в целом ряде государств".

Мархлевский (которого с объективной точностью можем назвать чуть было не ставшим предшественником Берута и Гомулки) в своей работе под заглавием "Война и мир" (1921) вполне логично, с большевистской точки зрения, пишет:

"Когда война ведется между двумя государствами того же самого общественно-политического строя, например, между капиталистическими государствами, армия, вступающая на территорию противника, организует в административных целях "оккупационную власть"... Дело обстоит иначе, когда война ведется между двумя государствами с разными политическими системами. В таких случаях армии, занимающие земли противника... в силу необходимости уничтожают существующий общественный строй оккупированной страны. Красная армия пролетарского государства, вступая в буржуазную Польшу, уничтожала буржуазную систему и выметала капиталистический мусор, уничтожала права собственности, вводила советскую систему..."

Такому критерию глобального переворота Пилсудский пытался противопоставить самобытность польских интересов, подчеркивая их несовместимость с международными

интересами антибольшевистской интервенции. В данном случае бросается в глаза аналогия с "польреализмом" наших дней. Не в меньшей мере можно найти аналогию в оптимизме, умаляющем феномен большевистской опасности. В интервью с лондонским "Times" (14 февраля 1920 года) Пилсудский заявляет:

"Не думаю, чтобы большевистская пропаганда представляла собой опасность для тех, кто знает большевиков".

А должен был бы скорее всего сказать: "Опасность большевистской пропаганды оценить в полной мере могут лишь те, кто знает большевиков..."

В таких-то обстоятельствах и в такой атмосфере, после выигранной Варшавской битвы, заключается в Риге мирный договор с большевиками. Трактат этот является противоположностью "федеративной идеи Пилсудского". Все удивлены. Как же так? Пилсудский, глава государства, делавший до сих пор все, что хотел, не считаясь с большинством своих оппонентов, решал судьбы войны и Польши, вдруг капитулировал в пользу тех самых оппонентов, именно в момент, когда его авторитет вождя-победителя достиг зенита?!.. Вопрос этот и поныне остается загадкой, не дающей покоя его сторонникам и апологетам. Попытки свалить вину на "интриги оппозиции" и "незрелость общества" ничего не объясняют, потому что "незрелость" и "интриги" были уже и до этого.

Дело в том, что большевистские армии не только были разбиты под Варшавой, но при дальнейшем отступлении бросились бежать врассыпную. Дорога для победоносной польской армии была открыта. И вот опять имеем дело с таинственной задержкой на попутни. Сам Пилсудский высказался только один раз по этому поводу в докладе в Вильно (24 апреля 1923 года):

"Большевистская армия была тогда полностью разбита по всей линии фронта. На моем пути не было никаких преград к беспрепятственному продвижению вперед. Удержала меня от этого слабая моральная сила народа".

Эта, скорее туманная, ссылка на неконкретное препятствие с натяжкой объясняет ту поспешность, с какой Пилсудский уже 12 октября 1920 года заключает с этими, полностью разбитыми, большевиками "временный мир", задерживая дальнейшее наступление своих войск. В этом "временном мире", подписанном в Риге (формально он был заключен только 18 марта 1921 года), лежит ключ к этой загадке. Ибо разгром большевиков польской армией осенью 1920 года восстановил в значительной мере ситуацию осени 1919 года.

Подобно тому, как генерал Деникин осенью 1919 года, теперь генерал Врангель, принявший на себя в апреле 1920 года верховное командование над оставшейся горсточкой Белой армии в Крыму, переходит в наступление. Располагая сравнительно слабыми силами, он хочет использовать поражение большевиков в Польше. Кроме того, его маленькая армия была обновлена и хорошо снабжена, главным образом, французским оборудованием. Пользуясь моментом общей дезорганизации на большевистской стороне, армия генерала Врангеля вышла из Крыма и начала быстро продвигаться вперед. Вскоре прибыл в Варшаву представитель генерала Врангеля, генерал Махров, и пытался, при энергичной поддержке Франции, согласовать действия против большевиков для их окончательного уничтожения. В интервью, опубликованном 14 октября 1920 года в "Воле России", генерал Врангель заявляет:

"Польша должна войти с нами в соглашение и задержать на своем фронте наибольшее количество войск; если такие условия будут выполнены, то к следующей весне 1921 года наступит окончательный упадок большевизма".

Министр иностранных дел крымского правительства Петр Струве в интервью, которое он дал парижскому "Martin", говорит:

"Главная проблема это польский вопрос... от него зависит будущее. Если поляки прекратят войну и подпишут мир с Москвой, то вся Красная армия сосредо-

точится против нас и раздавит нас своим количеством..."

Маклаков, представитель Врангеля в Париже, прилагал со своей стороны все усилия, чтобы французское правительство помешало переговорам в Риге. Русский политик и публицист П. Милюков в своей истории русской революции "Россия на переломе" (Париж, 1927) пишет:

"Попытка Врангеля через Струве и Париж задержать польские войска на фронте и направить их на Киев не имела никакого успеха. Поляки вообще не хотели воевать и, в особенности, не хотели помочь Врангелю" (т. 2, стр. 226).

Подробности того, как Пилсудский отказался помочь Врангелю в его борьбе против большевиков, мы находим в книге Г. Раковского "Конец белых" (Прага, 1921), у А. Валентинова в работе "Крымская эпопея" ("Архив русской революции", т. 5) и у других. Что же касается Пилсудского, то ни аргументы, ни собственный опыт не смогли заставить его отказаться от доктрины, что "большевики представляют собой меньшее зло". В упомянутой уже раньше брошюре, изданной 2-ым корпусом в Риме, читаем:

"Подобно тому, как раньше в отношении к Деникину, так же и в отношении к Врангелю в 1920 году, польское правительство и польское командование избегают даже намека на какое бы то ни было сотрудничество. Правительственная пресса, равно как и прессы, представляющая правительственное мнение, поддерживая польские военные усилия, не скрывают одновременно, что русская революция душит вконец такую ненавистную для поляков русскую белогвардейскую реакцию".

Выглядит так, что "тайна Рижского трактата", вернее, временного трактата, подписанного уже в октябре 1920 года, крылась в опасениях Пилсудского, что "белогвардейская реакция" победит большевиков в последнюю минуту. Он задержал свои войска, чтобы во второй раз облегчить

большевикам разгром белых, даже ценой потери части Белоруссии и Украины. Антибольшевистские силы в России были действительно окончательно удушены.

\* \* \*

Мы так подробно остановились на событиях большой давности, потому что они являются не только началом того, что происходит сегодня, но одновременно и зарождением "двусторонней" политики подхода к Советскому Союзу как к мировой проблеме.

Генерал Деникин, торжественно заявлявший в свое время: "Ни пяди земли русской за помощь" (против большевиков), — писал потом, уже в эмиграции, в тридцатых годах, в связи с политикой Пилсудского, которая привела Польшу на край катастрофы в 1920 году, пророческие слова: "Не есть ли эта катастрофа приговор Немезиды истории за действия вождей ни в чем неповинных народов или только гром перед бурей?" Теперь мы уже знаем, что был это только предостерегающий гром; в 1945 году пришла та "буря", которую уже никакое второе "чудо" не смогло предотвратить. И вся Польша очутилась в коммунистическом рабстве, как 25 лет тому назад вся Россия.

Польская историография стала на точку зрения, что тогдашние решения Пилсудского были единственными правильными и возможными, так как Колчак, Деникин и другие вожди антибольшевистской России готовы были признать Польшу только в ее "этнографических" границах. Святая правда. Но эта же историография не принимает во внимание, что Ленин и все большевистские вожди не признавали по существу даже "этнографической" Польши... Это отнюдь не обозначает, что они были "лучшей" или "худшей", "более слабой" или "более сильной Россией", а просто потому, что согласно доктрине, согласно принципу мировой революции, могли признать лишь ту Польшу, которую представлял "Революционный Комитет" Мархлевского-Дзержинского в Белостоке, а ныне представляет Гомулка в Варшаве, то есть коммунистическую Польшу. В таком контексте вопрос государственных границ рассматривается коммунистами как второстепенный, за исключением тех слу-

чаев, когда он им важен по тактическим соображениям. Пилсудский, поддерживая большевиков против "белой России" потому, что последняя не хотела признать польские притязания на востоке, сводил свою политику до некоторой степени к "защите восточных границ". Ныне притязания на эти границы многим кажутся анахронизмом, а современные "польреалисты" поддерживают в свою очередь коммунистов против Германии в надежде защитить "западные границы".

Пилсудский безусловно повлиял решающим образом на укоренение той польской политической мысли, которая, несмотря на то, что восточный сосед перевоплотился из национальной России в "центр международной социалистической системы", считает, что Польша по-прежнему лежит "между Германией и Россией". В данном случае, хотя по совершенно противоположным причинам, Пилсудского поддерживает его самый большой оппонент, Роман Дмовский. Политика "эндеков", прилагая усилия перенести центр внимания с востока на запад, на Германию, которую считала главным противником, не могла стоять на точке зрения, что одновременно на востоке, т. е. в тылах этого фронта, возник более существенный противник, угрожающий не только Польше, но и всей Европе, больше того, всему миру. Отсюда вытекает тезис о неизменности "той самой России". В тенденциозной форме, но не очень расходящейся с фактическим содержанием, польский коммунистический журналист Мечислав Ф. Раковский пишет, что в течение двадцати лет независимости

"...вся пропагандная машина была наставлена на осуществление программы воспитания, опиравшейся на тезу: между царской Россией и Советской Россией нет никакой разницы" ("Polityka", 21 октября 1961).

Мы уже видели, как (и по каким причинам) этот взгляд, в общих чертах, совпадал с точкой зрения всех наций Восточной Европы (с поправкой, что, в сущности, Советская Россия лучше царской России). Это, конечно, не могло не повлиять на формирующуюся точку зрения Западной Европы по отношению к новосозданному Советскому Союзу.

## "ГОМУЛКИЗМ" ДВАДЦАТЫХ ГОДОВ

Название этой главы, конечно, тенденциозно. Правильно было бы ее назвать "Ленинский национальный НЭП", так как о нем именно будет речь. Тенденция заключается в том, чтобы обратить внимание на тождественность коммунистической тактики, о которой многие либо забыли, либо, не зная истории, даже не слышали. Она раздувает модные ныне иллюзии о так называемой "эволюции коммунизма", которая якобы находит свое выражение в переходе в "национал-коммунизм".

В действительности "национал-коммунизм" — старое ленинское изобретение, которое на заре революции служило исходной основой большевистской тактики. Его результатом было возникновение так называемого тогда "попутничества" "реалистически мыслящих", национально настроенных не коммунистических кругов.

*Национал-коммунизм — по газетному объявлению.* — Классическим примером создания "гомулкизма" первых лет революции может служить советская Белоруссия. Надеюсь, что мои белорусские друзья не поставят мне в укор приведение этих подробностей. Ибо нет ничего оскорбительного в утверждении, что национальное белорусское движение тех дней было только в зачаточной стадии. Каждое движение имеет свое начало. Число сознательных белорусов было вне всяких пропорций в отношении этнографически обширных земель, соединенных с 30 декабря 1922 года в Белорусскую Советскую Социалистическую Республику (БССР). Таким образом, белорусский эксперимент Ленина можно считать образцом в этой области; так, как и эксперимент "национального НЭПа" в целом стал образцом для будущих Народных республик, а тем самым и для Польской Народной Республики. Впрочем это подтверждает и официальное советское толкование.

”Опыт проведения в жизнь новой экономической политики в СССР имеет международное значение... В странах народной демократии, в соответствии с особенностями их исторического развития и конкретными условиями, находят применение коренные принципы, лежавшие в основе проводившейся в СССР новой экономической политики” (“Политический словарь”, Москва, 1958, стр. 388).

В Белоруссии советское правительство приступило, как и в других советских республиках, не к русификации, а, наоборот, к ”отрусификации”. Однако ощущалась нехватка интеллигенции, владеющей белорусским языком. В связи с этим, в феврале 1921 года Центральный Исполнительный Комитет в Минске принял решение, призывающее всех умеющих писать по-белорусски вернуться на территорию Белоруссии. Воззвание это публикуется в советских газетах:

”...не важно, если даже владеете плохо своим языком! Здесь, среди земляков, вы его вспомните и овладеете им заново.”

В марте 1923 года XII союзный съезд осудил русификационную политику царской России и принял решение проведения в жизнь ”белорусификации”. В июле 1924 года пленум ЦК партии БССР решает в принудительном порядке ввести белорусский язык во все учреждения, партийные, государственные и общественные организации и институты. Работники, которые не научатся в определенный срок белорусскому языку, будут уволены со службы. Для этой цели были созданы принудительные курсы белорусского языка. В октябре 1925 года ответственные работники по белорусификации страны получили строгий выговор и приказ удвоить усилия. В октябре 1926 года пленум ЦК решает: ”Вся коммунистическая партия большевиков Белоруссии должна говорить по-белорусски”. В 1927 году уже существует много тысяч начальных школ, 4 белорусских университета, 4 рабфака, 30 специальных школ, 30 профессиональных школ, 15 ремесленных школ — все с лекционным белорусским языком. Одновременно создается ряд научных ин-

ститутов, академий художеств, музеев, театров, библиотек и т. д. во главе с "Институтом Белорусской Культуры" (ИНБЕЛКУЛЬТ). Массовым тиражом издаются газеты, журналы, книги и другие печатные белорусские публикации.

Надо признать головокружительный темп этого эксперимента, в особенности, принимая во внимание факт, что начато было буквально с ноля. Аналогичным путем проходит процесс украинизации Украины. Энциклопедия Украинознания (Нью-Йорк — Мюнхен, 1949) пишет:

"Украинская литература, искусство, театр и т. д. дошли в те годы (1922—1933) до небывалого до сих пор расцвета".

С коммунистической стороны это были лишь тактические приемы, рассчитанные на самое эффективное распространение коммунистических идей среди народных масс. Согласно классическому тезису: "Национальная форма, социалистическая суть".

*Рождение первого "попутничества".* — Несмотря на то, что тактика тех времен, как, впрочем, и теперь, была в сущности вполне ясной, а порой до наивности явной, Ленин не ошибся относительно результатов, достигнутых ею в "сборище, ослепленном жаждой осуществления внедряемых лозунгов". Так зародилось первое крупное движение "попутничества", которое с годами достигнет вершины в "гомуликзме", хотя его первоначальное название выйдет из обихода.

Уже тогда ведущие, национально настроенные "реалисты" выбросили лозунг, что все то, что происходит, происходит не по планам коммунистической тактики, а под "давлением народных масс"... В классическом примере с Белоруссией не могло быть речи ни о каком "давлении снизу, давлении масс", хотя бы потому, что национального сознания масс в Белоруссии почти не существовало. Однако тезис о решающем тогда "влиянии общества" будет оставаться в силе для белорусских националистов и по нынешний день, подобно тому, как "польреалистов" обязывает тезис о "Польском октябре". Аргументация тоже аналогична:

”Нужно использовать возможность, чтобы легальным образом прививать национальную культуру и развивать собственную государственность” (“Белорусский историк”, У. Глыбинный).

Большинство белорусских и значительная часть украинских национальных деятелей высказалась за сотрудничество с коммунистами. Многие эмигранты решили возвратиться на ”родину”, чтобы взяться за органическую работу на благо народа. Из украинцев, среди прочих, вернулись такие выдающиеся деятели, как проф. М. Грушевский, А. Никовский, М. Чечель, П. Христюк, М. Шруг и др., равно, как и большое число офицеров украинской национальной армии.

Белорусский националист, доктор С. Трампович, приняв решение сотрудничать с коммунистами, обратился к своим соотечественникам с призывом:

”Белорусская интеллигенция должна взять инициативу в свои руки и доказать, что хочет нести ответственность за работу и будущие судьбы народа”.

Белорусский корифей истории и литературный критик Всеволод Игнатовский призывает использовать все возможности на благо белорусского движения: ”С минуты, когда страной правит коммунистическая партия, надо эту коммунистическую партию использовать”. Затем сам вступил в партию, утверждая, что только таким образом можно реально работать на пользу белорусского дела. Тактика того времени, которую мы назвали белорусским ”гомулизмом”, не осталась без влияния и на белорусское католическое духовенство. Ксендз Адам Станкевич, в то время посол польского сейма, в 1926 году бросает обвинение с трибуны сейма в Варшаве в адрес польской администрации, представляя положительную картину условий под властью Советского Союза:

”Остается фактом, что там... жизнь белорусского народа плывет быстрым течением, что в БССР появились тысячи школ!”

Белорусский деятель Жилунович, в 1925 году, по поручению коммунистического правительства едет из Минска в Прагу и Берлин, чтобы завязать секретные контакты с тогдашним эмигрантским правительством "Национальной Белорусской Республики". Ему удается уговорить двух очередных премьеров этого правительства, Цвикевича и Ластовского, вернуться на родину. Странное совпадение — тридцатью годами позже, таким же образом двое польских премьеров эмиграционного правительства попадаются на ту же удочку. Вследствие этого наступил временный распад и даже официальная "ликвидация эмиграционного правительства". В принятом постановлении говорится, что "национальный НЭП осуществил надежды на перевоплощение БССР в истинно национальное государство". 15 октября 1925 года был подписан протокол о ликвидации, в котором говорится:

"Считая, что функционирующее в Минске, столице Советской Белорусси, народное правительство действительно старается разбудить культурные и государственные стремления белорусского народа и что Советская Белоруссия является сегодня единственной реальной силой, способной освободить Западную Белоруссию из-под польского ига... мы решили ликвидировать правительство Национальной Белорусской Республики и признать Минск единственным легальным центром национального и государственного возрождения Белоруссии".

В этом постановлении мы находим два знаменательных момента: во-первых, признание БССР белорусским государством, несмотря на кое-какие оговорки ("старается разбудить"), и во-вторых, общность с коммунистами по отношению к общему антипольскому фронту. Я назвал эти моменты "знаменательными", так как трудно не обратить внимания на бросающуюся в глаза аналогию в позиции нынешних "польреалистов": признание Народной Польши (с оговорками) за польское государство, а также общий с коммунистами антинемецкий фронт.

(Cр. Juliusz Mieroszewski:

”... отбрасываем принцип первенства какой-либо идеологии над национальными интересами. Мы с коммунистами всюду, где они служат бесспорно польским интересам...” ”Kultura”, Париж, № 12/170, декабрь 1961, стр. 6).

Также см. сравнения в дальнейших главах настоящей работы.

*Национально-коммунистический антипольский фронт.* — По опыту гражданской войны коммунисты знают, что ничто так не привлекает и не связывает между собой народы, как разжигание ненависти к другой нации. С другой стороны, унификация под эгидой коммунизма способствует нивелировке национальных разногласий. Потому, умело устранив национальные антипатии в границах СССР, коммунисты сумели целесообразно направить динамику этих антипатий на желательные для них внешние рельсы. И в Белорусской и в Украинской республиках настойчиво и систематически раздувается ненависть к Польше под лозунгом ”воссоединения” Западной Белоруссии и Украины. Так например, созданная уже в декабре 1923 года ”Коммунистическая партия Западной Белоруссии” (КПЗБ) соединяется в 1924 году с ”Белорусской Революционной Организацией” и вскоре объединяет в белорусской ”Громаде” элементы как коммунистические, так и националистические, антипольские. ”Громадой” управляют непосредственно из Минска, а финансовая поддержка идет из Москвы через Стокгольм.

Об аналогичной антипольской деятельности на Украине пишут, например, Витвицкий и Баран в статье ”Украинские земли под Польшей” (”Энциклопедия украинознания”):

”Просоветское настроение среди украинских группировок имело свою основу как в неразумной политике Польши, так и в Советской политике 1924—29 годов... ибо политика эта пробуждала надежды, что украинская культура приобрела при советской власти возможность развиваться не только по форме, но и по содержанию... К этому убеждению пришли даже те круги, которые до сих пор не имели ничего общего с коммунистическим мировоззрением”.

В плоскости этого "общего интереса" дошло до все более близких контактов между коммунистами и рядом выдающихся украинских националистов. Определенно просоветскую позицию заняли такие националисты, как Крушельницкий, Бобинский, М. Лозинский, С. Рудницкий, М. Чайковский, Ф. Самора, М. Гаврилов, Коссаки и многие другие. Крайне антипольское и просоветское направление занял СЕЛРОВ, руководящий во Львове двумя органами прессы: "Волей народа" и "Новым словом". В 1927 году, после распада УНДО, создается "Украинская Рабочая Партия", издающая еженедельник "Рада". Во Львове, на деньги, получаемые из советского Киева: "Нови шляхи" А. Крушельницкого и "Викна" В. Бобинского. Параллельно развивает усиленную деятельность Коммунистическая Партия Западной Украины, издающая среди прочего даже легальный орган "Новая культура". Это только кое-какие примеры.

Польская политика по отношению к так называемым "национальным меньшинствам" была, несомненно, роковой, особенно по отношению к украинцам и белорусам, проживающим на густо населенных, исторических территориях. Однако будь эта политика иной, сумела ли бы она изменить антипольские настроения этих наций, — настроения, которые со временем приняли характер программирующей ненависти? Ведь и по нынешний день осуждается любая попытка соглашения не меньше, чем поляки осуждают "коллaborацию" с немцами. Очевидно не сумела бы. По той простой причине, что эксперимент "гомулкизма" тех дней, т. е. национального НЭПа, удался коммунистам блестяще, поскольку большинство белорусско-украинских деятелей признало, либо было склонно признать, БССР и УССР за свои "государства". Коммунистическая партия одержала верх, совершенно победив Польшу в решении белорусско-украинской проблемы.

## ПОЧЕМУ ОБЯЗАТЕЛЬНО "РОССИЯ"?

Чтобы не допустить тезиса — общая сверхнациональная угроза.

Разгром "нацдемчины". — Ленинский национальный НЭП закончился в начале тридцатых годов разгромом так называемой "нацдемчины" ("буржуазно-националистический уклон от линии партии"). В это время коммунисты пришли к заключению, что тактика национал-коммунизма достигла желаемых результатов, сделала свое, и потому надо с ней покончить и перейти к следующему этапу. Одновременно Сталин приступил к насильтвенной колективизации. Национал-коммунисты же пытались сохранить, наивно веря в успех, частные крестьянские хозяйства ("хуторное хозяйство"). Ясно, что в начавшейся в большом масштабе "чистке" всякой внутренней оппозиции и уклонов от партийной линии, и "нацдемы" не составили исключения. Жертвами стали, в первую очередь, всякого рода чрезмерные (с точки зрения коммунистической системы) "вольности" и национальные привилегии ("национал-коммунистические").

Следует отметить, что в то время не было и не могло быть даже речи о какой-либо "русификации" и внутренним врагом №1 продолжал считаться "великодержавный русский шовинизм". В предыдущий период всякого рода "русскость" не только не имела привилегий, но скорее наоборот: на практике она имела их меньше, чем остальные "национальные формы". Теперь наступила отмена всяких привилегий и унификация в одну общую для всех норму. Это был типичный процесс углубления коммунизма, результатом которого, особенно из-за "раскулачивания деревни", был террор, нарушения порядка в городах и нищета деревни вплоть до голода, даже людоедства. Словом, очередное, страшное своей безнадежностью бедствие, которое обрушивается на человеческую жизнь под коммуни-

стической властью и терзает всех, без различия возраста, пола, расы и национальности.

Тем временем многих национал-коммунистов и ненужных уже попутчиков арестовали, сослали, расстреляли. Значительное большинство, в том числе и ведущие национальные поэты, примкнуло к новому курсу и начало прославлять Сталина. Те же, которым удалось бежать за границу, и те, кто уже с начала революции находился в эмиграции и теперь разочаровался в Советском Союзе, неожиданно выдвинули "русский тезис". То есть вину за ликвидацию НЭПа свалили не на партию, не на коммунизм, а на "русский шовинизм", который якобы воцарился на партийных верхах и вернул их к традиционной политике "вечной России", преследующей другие народы. С этого момента "русский тезис" отождествляет Советский Союз со старой Россией и этот знак уравнения становится по нынешний день лозунгом вождей народов, закабаленных коммунистами. Лозунг этот гласит, что мировой коммунизм это только побочный продукт, только оружие в руках русского империализма. Почему это произошло?

По некоторым причинам. Если бы, среди прочего, украинские и белорусские националисты раскрыли суть советской тактики, это было бы равносильно признанию в собственных заблуждениях и в собственной наивности. Такое признание стало бы большой компрометацией "попутничества", горячими поклонниками которого они были в недалеком еще прошлом. Сваливая же всю вину на "Россию", представляли вещи так, что, мол, коммунизм в своей сущности не является злом; что потому они были правы, когда хотели с ним сотрудничать; и что могли бы с ним сотрудничать и дальше, если бы им не овладел "русский империализм". Но главная причина выдвижения этого тезиса была в чем-то совсем другом, в чем как тогда, так и сегодня не все отдают себе отчет.

Тезис "русский" равняется тезису "антипольский". — Звучит это, правда, парадоксально, но никакого парадокса в этом нет. Здесь все дело не столько в пробуждении антируссского antagonизма, сколько в признании тезиса, что Советский Союз может оказаться врагом иерархически более опасным. Заняв такую позицию, т. е. признав Советский

Союз центром мировой угрозы, или, как принято было тогда говорить, "заразой", Польша автоматически становилась меньшим врагом и даже могла бы считаться союзником перед лицом общего врага. А именно этого белорусский и украинский национализм, подстрекаемый антипольской пропагандой, пытался избежать любой ценой. Зато низведение уровня международного коммунизма до уровня национальной России создавало равные по качеству ценности: Россия и Польша — враги в одной плоскости. На практике, впрочем, поддерживалось мнение, особенно среди некоторых украинских группировок, что Польша есть враг гораздо больший — враг, с которым невозможны никакие компромиссы.

Именно в то время, когда в Советском Союзе был на исходе роковой национальный НЭП, в Вене был созван конгресс украинского ОУН, а 29 июля 1930 года прозвучал призыв к вооруженным антипольским выступлениям, которые, как известно, привели к печальной памяти "пацификации Галиции".

Тезис "русский" является тезисом "антинемецкий". — Как было отмечено во вступлении, мы пользуемся в данной работе сравнительным методом. Сравнивая антирусскую позицию белорусских и украинских националистов начала тридцатых годов с антирусской позицией нынешних "польреалистов", мы заметим историческую аналогию.

В Германии, в особенности в сферах, ищущих сближения с поляками, существует распространенное мнение, что те поляки, которые по национальным побуждениям настроены антирусски, скорее могут стать на пронемецкие позиции. Взгляд этот берет свое начало в устарелой оценке, базирующейся, главным образом, на опыте Первой мировой войны (Владислав Студницкий). Ныне "антирусский" тезис, утверждающий, что Советский Союз является в основном "той самой Россией", а международный коммунизм это ничто иное, как орудие старого русского империализма, проповедуют, прежде всего, самые ярые противники Германии. По тем же причинам, по каким крайние антипольские белорусско-украинские сферы ставили на равную плоскость "Россия — Польша", польские антинемецкие сферы ставят на равную плоскость "Россия — Германия" и

отбрасывают ту точку зрения, что Советский Союз по качественному весу может представлять собой превосходящего противника. Упрочение того тезиса, что коммунизм угрожает человечеству, а не нации, автоматически ставило бы Германию в ряды иерархически меньшего противника или даже делало бы ее потенциальным союзником в борьбе с общей угрозой. Такой подход опрокидывал бы концепцию "польреалистов", считающих немцев противником "№1", а признание границы по Одеру-Нысе более важным, чем обретение независимости.

Трудно сказать, многие ли отдают себе отчет в роли, какую играет сведение Советского Союза ("России") к одному знаменателю с Германией — в роли усыпления внимания по отношению к международной коммунистической опасности.

## ПЕРВАЯ КРУПНАЯ ПРОВОКАЦИЯ.

### О МНИМОЙ "ЭВОЛЮЦИИ КОММУНИЗМА"

*Тайна аферы "Треста" ГПУ.* — Мы указали выше на исторические факты, приносившие пользу коммунизму. Конечно не все складывалось так односторонне. В первом десятилетии после большевистской революции, несмотря на всякие "попутничества", несмотря на прокоммунистические настроения европейских "прогрессивных" элементов, на Западе существовали еще мощные силы, которые с искренним отвращением относились к большевизму. (В самой Польше слово "большевик" среди простых людей долгое время считалось бранным!) Многие государства отказывались признать советское правительство. Из Балтийских государств, Польши и Румынии пытались создать "cordon sanitaire" против "большевистской заразы".

Понятно, что все советские усилия, параллельно с революционным минированием Европы и Америки, были од-

новременно направлены на изменение такого отрицательного подхода. Мы указывали, что ставка некоторых западных кругов на постепенное смягчение и их надежды на эволюцию коммунизма датируются началом гражданской войны. Надежды эти пускали ростки не только в уме Ллойд Джорджа. Даже сепаратизм донских и кубанских казаков, усталых от войны и отказывающихся воевать вне границ своих округов, чуть ли не через два года после революции пользовался уже оптимистическим аргументом: "Э, батенька, большевики уже не те, что раньше... Устали, поумнели..." Оптимизм является, как известно, мощным фактором в жизни отдельного человека и в жизни людских скопищ. Большевики решили использовать эту человеческую тягу к оптимизму. Для этой цели они смонтировали одну из крупнейших провокаций, известную под названием "Трест".

Я не сумею изложить лучше этого дела, чем самый его большой знаток Ришард Врага, и потому даю слово этому прекрасному публицисту и эксперту. Ниже следует выдержка из его статьи в лондонской газете "*Wiadomości*" от 10 сентября 1961 года.

"Афера 'Треста' является до сих пор одной из наиболее интересных в истории провокаций. Смысл ее заключается в том, что уже в 1922 году ГПУ путем подставной собственной организации начало захват самых боевых русских организаций, а также всех активных западных разведок. Основная идея провокации была в том, чтобы внушить Западу, что большевизм превращается постепенно в... капитализм, а Советский Союз становится 'нормальным государством', что всякая интервенция извне повлечет за собой только возрождение воинствующего большевизма, в то время как 'мирное сосуществование' способствует укреплению сил национального возрождения. (Подчеркнуто Ю. М.) Кульмиационный период, можно сказать без преувеличения, мирового влияния 'Треста' (он охватил своим вдохновением и Соединенные Штаты) приходится на 1925—1926 годы, когда советская провокация блеснула небывалым козырем: в Россию 'конспиративно' привезли одного из самых непримири-

мых русских реакционеров, Шульгина, который, прия-  
дя в восторг от возрождения России, опубликовал по  
возвращению нашумевшую книгу "Три столицы".  
Под диктант ГПУ он в ней верно изложил все те тези-  
сы, которые как нельзя лучше служили орудием для  
*разоружения не только эмиграции, но и Запада.*

"Трест" имел десятки ответвлений, включая строго  
научные, а также и такие, как евразийское, масон-  
ское, аристократическое, литературное и т. д. Эта про-  
вокация отнюдь не чисто московский продукт. В по-  
строении "Треста" со стороны ГПУ русские не играли  
большой роли. "Трест" был делом рук поляков, евре-  
ев, латышей и разных авантюристов, кондотьеров и  
фанатиков, которыми тогда кишмя кишили такие уч-  
реждения, как Наркомдел, Внешторг, бюро Комин-  
терна, а прежде всего ГПУ. На успех аферы повлияло  
множество обстоятельств: особенности НЭПа; не-  
опытность европейских разведок в делах, связанных  
с коммунизмом; противоречия и конфликты в Евро-  
пе послеверсальского периода; а прежде всего тот  
факт, что главной основой всей политики Запада по  
отношению к большевизму уже тогда стало всевласт-  
ное *'Wishful thinking'*.

Когда сегодня, много лет спустя, читаешь статьи  
или книги русских эмигрантов, хочется привлечь к  
ответственности за плахиат нынешних польских — лон-  
донских, парижских или мюнхенских — публицистов  
и журналистов. Вся разница только в том, что те (ру-  
сские) делали ставку на 'государственные', 'антико-  
минтерновские' стремления Сталина и на 'антистали-  
низм' Троцкого, а эти (поляки) делают ставку на  
'патриотизм' и 'антирусскость' Гомулки и 'антистали-  
низм' ревизионистов.

В 1927 году ГПУ, по многим причинам, прекрати-  
ло весьма плодотворную для себя игру... То, что сами  
создатели "Треста" раскрыли его тайну, совсем еще не  
предрешило его дальнейшего функционирования. Идея "Треста" слишком глубоко коренилась не только  
в настроениях эмигрантов... она была слишком глубо-  
ко связана с капитуляционным флистерством 'мир-  
ного сосуществования'. Даже правда о "Тресте", рас-  
крытая ГПУ, не была в состоянии его ликвидировать.  
"Трест" немедленно возродился в многообразном виде

среди разных эмиграций, пробрался из всяких шпионских каморок в министерские кабинеты и в газетные издательства. После Второй мировой войны 'Тресты' стали чем-то неизбежным в международной жизни, и ныне никто не в состоянии сказать, где и когда их организуют коммунисты, а где они создаются по 'частной инициативе'..."

Врага пишет также и о других советских провокациях, среди них и о легенде мнимого заговора Тухачевского, созданной, в действительности, общим усилием ГПУ и Гестапо, и "...подхваченной позже той частью русской эмиграции, которая, по разным причинам, одурачивает Запад призраками... дворцовых переворотов. Нечего, однако, спешить с насмешками над русскими. Эти глупые, но вредные легенды находятся точно на том же уровне, что и наша, польская, болтовня о том, как Гомулка угрожал револьвером Хрущеву, о концентрации 'польских войск' под начальством 'хорошего поляка' генерала Комара против 'некошего москаля' Рокоссовского, о внушении иностранцам, что в 'Польше нет коммунистов', а только одни 'агенты' и тому подобная чепуха о 'польской октябрьской революции' ".

Вот и все из Враги.

Другой эксперт по советским делам, Ч. Маламут, пишет в газете "Наше общее дело" (Мюнхен, сентябрь 1961, № 18) :

"Как тогда, так и сегодня основой всех интриг советской разведки от 'Треста' до 'Комитета возвращения на родину и развития культурных связей с соотечественниками' остается привлекательная, но ложная доктрина 'эволюции коммунизма'. Многое изменилось за последнее время в Советском Союзе (иногда к лучшему, иногда к худшему), но суть диктатуры осталась той, какой была: полицейским, тоталитарным режимом. И этот режим не может стать иным, потому что его корни покоятся в основе заговора, направленного против всего человечества".

*Ленинская теория о "глухонемых слепцах". — Русский художник И. Анненков, сын известного революционера*

(“Народная воля”), в 1921 году писал портрет Ленина. После смерти Ленина Анненкова пригласили в “Институт ленинизма” в Москве для ознакомления с материалами проектов иллюстраций для книг, посвященных Ленину. В институте Анненков снял копии с некоторых заметок Ленина, прежде нигде не опубликованных. Он обнародовал их в “Новом журнале” (книга №65, август 1961, Нью-Йорк). Вот наиболее важные выдержки из сокровенных мыслей и наблюдений Ленина:

“В результате моих непосредственных наблюдений в годы моей эмиграции, я должен признаться, что так называемые *культурные слои* Западной Европы и Америки *не способны* разобраться в современном положении вещей, ни в реальном соотношении сил; эти слои следует считать за *глухонемых* и действовать по отношению к ним, исходя из этого положения...

а) Провозгласить, для успокоения глухонемых, отделение (фиктивное!) нашего правительства и правительственные учреждений (Совет Народных Комиссаров и пр.) от партии и Политбюро и, в особенности, от Коминтерна, объявив эти последние органы как независимые политические группировки, терпимые на территории Советских Социалистических Республик. *Глухонемые поверят.*

б) Выразить пожелание немедленного восстановления дипломатических сношений с капиталистическими странами на основе полного *неемешательства* в их внутренние дела. *Глухонемые снова поверят...*

Говорить правду — это мелкобуржуазный предрассудок. Ложь, напротив, часто оправдывается целью. Капиталисты всего мира и их правительства, в погоне за завоеванием советского рынка, *закроют глаза* на указанную выше действительность и превратятся таким образом в *глухонемых слепцов*. Они откроют кредиты, которые послужат нам для поддержки коммунистической партии в их странах и, снабжая нас недостающими у нас материалами и техникой, восстановят нашу военную промышленность, необходимую для наших будущих победоносных атак

против *наших поставщиков*. Иначе говоря, они будут трудиться по подготовке их собственного самоубийства” (стр. 146—147).

Несмотря на довольно меткие предсказания, Ленин, кажется, недооценил степени “глухонемоты” своих капиталистических противников. Ибо дальнейшая практика показывает, что “глухонемые” могут зачастую оставаться ими, даже в тех случаях, когда большевики перестают врать и, то ли из-за преувеличенной уверенности в себе, то ли просто по собственной глупости, открывают карты, не скрывая своих целей.

Вот таким-то образом и началась великая эволюция, но не коммунизма, а эволюция отношения свободного мира к коммунизму.

## РАПАЛЛО

*От белого Петербурга к красной Москве.* — В результате ”эволюции отношения к большевизму” одно западное государство за другим начинают постепенно навязывать дипломатические отношения с Советским Союзом и признавать большевиков за законных представителей ”России”, вплоть до кульмиационного пункта, достигнутого союзом и дружеской политикой Рузвельта.

Германия предприняла первый шаг в этом направлении. Не проходит и двух лет после неудавшегося советского марша ”через труп Польши” на Берлин, как 17 апреля 1922 года подписывается в Рапалло исторический трактат, собственно говоря, союз, между Германией и Советским Союзом, довольно недвусмысленно направленный своим острием против Польши. Произошло это, конечно, не под влиянием или при соучастии дезинформационной службы ”Треста”, так как он был тогда еще в зачаточной стадии.

Трактат в Рапалло положил начало советско-немецко-

му сотрудничеству как в политической, в военной, так и в хозяйственной областях. Между прочим, Германия поставляет Советскому Союзу машины для создаваемой в срочном порядке тяжелой промышленности, запланированной, главным образом, для военных целей. Типичным предшественником многих оптимистических теорий нынешних государственных деятелей был граф Брокдорфф-Ранцау (как известно, один из экспедиторов Ленина в "запломбированном вагоне"), считавший, что путем контактов и сближения с Советским Союзом можно "настроить его более миролюбиво", а коммерческие отношения помогут не допустить того, чтобы советская "сжатая атмосфера искала выхода наружу". Четырьмя годами позже, 24 апреля 1926 года, был подписан так называемый "Берлинский договор", который недвусмысленно зажимает обруч вокруг Польши. Штреземанн открыто обсуждает с Чicherиным возможность обюодного пересмотра границ за счет Польши. В то время "Рейхсвер" интенсивно помогает перестройке Красной армии и тем самым в значительной мере укрепляет вооруженный потенциал международного коммунизма. После смерти Штреземанна, немецкая помощь в укреплении советских военных сил достигает вершины в 1929—1930 годах при действии Куртиуса и Тревирануса. Генерал фон Зеект пишет: "Россия и Германия в границах 1914 года — вот что должно быть базой для соглашения между ними".

Как известно, концепция Рапалло была задумана немецкими политиками и генералами не только с целью устранения стесняющих послеверсальских оков, но и как попытка выхода из гибельного положения, создавшегося после проигранной войны. Одновременно это могло казаться своего рода возвратом к концепции Бисмарка. В действительности это не был возврат к концепции Бисмарка, а полная ее противоположность. Между стремлением Бисмарка к сближению с "белым" Петербургом и стремлением Штреземанна к сближению с "красной" Москвой лежала пропасть. С польской точки зрения, ни прежнее соглашение Германии с Россией, ни новое соглашение Германии с Советским Союзом, не могло, конечно, отвечать интересам Польши. Но с немецкой точки зрения, политика Бисмарка, стремящаяся предохранить восточный фланг Германии путем сближения с

Россией (скажем честно: за счет Польши), безусловно отвечала ее интересам. Россия до 1914 года не имела никаких территориальных притязаний к Германии, а уж тем более не мечтала о занятии Берлина. Зато поддержка, оказанная центру международного коммунизма договором в Раппalo, не только не обеспечивала безопасности Германии с востока, но наоборот, увеличивала опасность с той стороны для всей Германии, если не для всей Европы. Стоит подчеркнуть, что все это было организовано немецкими руками. Территория Польши времен Бисмарка могла представлять собой перешеек между Германией и Россией. Территория Польши времен Штреземанна могла представлять собой только эффективный барьер, заслоняющий Германию. И вот именно политика "Раппalo" стремится к уничтожению этого барьера, который лишь два года назад остановил красное наводнение, разбивая под Варшавой большевистские армии, идущие на Берлин! Тут вполне оправдан был бы вопрос: неужели в руки немецких политиков не попал 92-й номер московской "Правды" от 30 апреля 1920 года, в котором была напечатана речь Ленина: "Польша затеяла с нами войну, чтобы укрепить барьер, который отделяет нас от пролетариата Германии!" Неужели немецкие генералы и политики не знали изречения Ленина, что Берлин это "ключ"...? Неужели они не знали вышецитированных приказов Тухачевского, призывов ЦК партии двухлетней давности? Конечно, должны были знать. Политическое "wishful thinking" заслонило объективное знание.

Штреземанн и немецкие генералы не могли не заметить этого контраста с политикой Бисмарка, так как он всяко- му был очевиден. Ошибка попросту заключалась в отрицании существования контраста. Научно, но не в соответствии с действительностью, Советский Союз заполнялся старым биологическим содержанием, которым заполнялась Россия времен Бисмарка. Действительно, если подменить суть международного коммунизма сутью "Россия", контраст исчезает. Итак, это было повторение ошибки Пилсудского, но только в ином контексте. Как о "Микашевичах" можно было бы с большой долей правды сказать, что они спасли большевиков от гибели, так о "Раппало", — что оно великолепно укрепило их позицию во всем мире.

"Раппало" не символ сотрудничества с Москвой, каким принято его обычно считать. "Раппало" это символ сотрудничества с коммунистической Москвой. Когда мы теперь слышим о планах немецких политиков наладить контакты с коммунистической Варшавой, трудно не заметить, что в основе этих проектов лежит или такая же дезинформация или сознательная неискренность. Говоря о контактах с Польшей, они в действительности не учитывают того, что имеют дело с "Народной Польшей". То есть дело тут в повторении инициативы категории того же "Раппало". Между центром в Москве и его агентурой в Варшаве нет основной разницы ни в сути, ни в политическом или идеологическом содержании.

Казалось бы, кто-кто, а уж немцы не должны были бы создавать никаких иллюзий в этих делах, особенно, если учесть их опыт с Восточным Берлином, с Германской Демократической Республикой (ГДР), которую не без основания считают просто советской "зоной", и которая представляет собой эквивалент коммунистической Польши. И опять-таки, кто-кто, а уж поляки, потерявшие из-за коммунизма свободу и независимость, не должны были бы иметь на этот счет никаких иллюзий. Поэтому казалось бы логичным, что люди доброй воли, представляющие оба эти народа, должны были бы прилагать все усилия, чтобы не допустить политической инициативы такого рода. Однако мы являемся свидетелями обратной ситуации: именно тех, кто эту инициативу особенно поддерживает, принимают за выразителей особенно доброй воли; а иногда они ими являются в действительности... И весь парадокс в том, что их именуют представителями "реальной политики". Смешение понятий в этой области так велико, что "реальными политиками" считают себя и такие немцы, которые не прочь были бы возобновить "Рапалло" с коммунистической Москвой и использовать этот маневр против коммунистической Варшавы...

Несомненно, что одной из отличительных черт современного мира является огромное расхождение, которое происходит между "реальной политикой" и реальной действительностью.

**...МЕЖДУ ЦЕННОСТЬЮ ЖИЗНИ  
И КОММУНИСТИЧЕСКОЙ СКУКОЙ**

## ВТОРАЯ ФАЗА НАЦИОНАЛЬНОГО КОММУНИЗМА

*Перед новой мировой войной.* — Существует мнение, что, якобы, мировой политикой руководили люди хорошие или плохие, умные или глупые, но, во всяком случае, люди более высокого уровня, чем средний обыватель, завсегдатай кафе. Избитый этот взгляд сильно преувеличен. Например, граф Ян Шембек, заместитель министра иностранных дел Польши, приводит свой разговор с послом Соединенных Штатов в Варшаве, Джорджем Биддлем, имевший место 6 января 1939 года, т. е. за несколько месяцев до начала Второй мировой войны:

”Биддл не считает, что немцы решатся в ближайшее время напасть на Советский Союз. С военной точки зрения, для этого они еще недостаточно подготовлены. Прежде всего, у них мало кавалерии, а особенно чувствуется нехватка маленьких лошадей, необходимых для войны в восточной России. Компетентные немецкие военные пытались заполнить этот важный пробел и закупили лошадей в Англии, но лошади оказались непригодными для употребления” (Szembek, ”Journal”, стр. 104).

А вот что утверждает в разговоре от 6 сентября 1944 года эмиссар Рузвельта Патрик Гурли, посланный в Чунцин для примирения Чан-Кай-Шека с Мао Цзэ-Дуном:

”По-моему, маршал Сталин ныне глубоко убежден, что коммунизм может удастся исключительно в России, и не пробует навязать его остальному миру. Ныне Россия уже не поддерживает коммунизма и не управляет его деятельностью среди других народов. Знаю, что коммунистические партии существуют также в других странах, но они уже не пользуются поддержкой России”.

А вернувшись в ноябре 1945 года в Соединенные Штаты, тот же Гурли заявляет в Национальном пресс-клубе в Вашингтоне:

”Единственная разница между китайскими коммунистами и республиканцами из Оклахомы состоит в том, что последние не вооружены...” (L. M. Chassin, ”L'Ascension de Mao Tsetoung”, Paris, 1953).

Цитированный выше граф Шембек, старый дипломат австрийской школы, скажет в разговоре с генеральным комиссаром Лиги Наций Буркгартом 4 марта 1937 года:

”Теперешний гитлеровский строй в Германии более выгоден для Польши в сравнении со старыми тенденциями прусских консерваторов...” (J. C. Burckhardt, ”Meine Danziger Mission“, стр. 72).

Однако не следует ничего обобщать, включая невежество профессиональных политиков. Не касаясь точного анализа происшествий и политических оценок перед Первой мировой войной, можно, во всяком случае, позволить себе утверждать, что, вращаясь в круговороте неисчислимого множества дел, политики меньше всего внимания уделяли делу, наиболее важному для будущности всего мира.

Что касается Польши, то примером непонимания окружающей действительности может послужить факт ограничений в отношении православного населения и уничтожение (сжигание!) христианских православных храмов, как раз вдоль восточной границы, в то время как за этой границей, по советской стороне, преследовалась всякая вера в Бога. Этот, хотя, конечно, и не самый важный эпизод 1938 года символизирует, однако, совершенную утрату чувства положения Польши, учитывая время и место. Зато решение министра Бека, который, несмотря на очевидную опасность со стороны Германии и на давление со стороны западных держав, категорически отказывался от советской ”помощи”, т. е. от прохода советских войск через территорию Польши, можно считать последним проблеском понимания создавшегося положения. В данном случае Бек совершен-

но правильно оценил, что такая "помощь" зачеркнула бы существование Польши во всех отношениях. Даже в случае выигранной войны с Германией, Польша была бы включена в блок международного коммунизма, что, впрочем, и случилось через шесть лет.

Что касается Германии, то верхом отсутствия ориентации можно было бы признать неожиданный возврат Гитлера к политике "Раппала": нападение на Польшу и уничтожение с помощью Советского Союза "*cordon sanitaire*", в котором Польша была центральным звеном в восточной Европе. Но следует обратить внимание, что решения Гитлера были только подобием государственной политики. В действительности же это была цепь непредвиденных личных выходок. В этом отношении коммунисты, хотя и не ради установления объективной правды, а для своих целей, пользуются более точной терминологией: "гитлеровская политика", "гитлеровское нашествие", "гитлеровские методы" и т. д. Гитлер попросту смел с письменного стола им же сколоченный "антикоминтерновский пакт" и произнес речь: "...Германия раз только вела войну с Россией и никогда уже больше этого делать не будет..." В этой неожиданной трансформации понятия "Коминтерн" в понятие "Россия" можно доискаться некой связи с политикой Штрэземанна. Но уже совсем карикатурный лозунг "еврейский большевизм", под коим наступил очередной поворот в 1941 году, свидетельствует о полной произвольности эмоциональных замыслов Гитлера.

*Восточная граница Польши — граница двух миров.* — Если, говоря о Гитлере и его методах, я употребляю такие определения, как "безумие", "преступление" и т. д., то делаю это отнюдь не с ругательной целью и не для того, чтобы отдать дань соответствующей моде, которая не разрешает писателю пропускать такие эпитеты. Бог с ней, с модой. Достаточно долго живу на свете, чтобы знать переменчивость моды. Называя политику и действия Гитлера безумием и преступлением, я глубоко убежден в объективной точности этих определений. Конечно, во время каждой войны совершаются безумия и преступления. И всегда совершались. И будут совершаться. Для этого и есть война. Однако чаще всего эти преступления, нанося удар одной из воюющих сто-

рон, идут на пользу другой стороне. Тогда победившая сторона оспаривает их преступность. Иначе говоря — преступление из бесспорного становится спорным. Безумие и преступления Гитлера — бесспорны. Хотя бы потому, что уже с самого начала были очевидны бессмысленность и вред, которые они приносили даже стороне, их совершившей. И именно в этом, а не в количественном смысле, они были "хуже" большевистских преступлений. Большевики совершили больше преступлений, но преступления эти становятся "спорными", т. к. они отвечают их собственным интересам. Преступления Гитлера не отвечали ничьим интересам. Наоборот, они стали непосредственной причиной поражения Германии.

Тот факт, что несмотря на гитлеровские преступные методы, по меньшей мере половина населения восточной Европы желала поражения Советскому Союзу, может служить убедительным примером того, до какой степени люди не-навидели коммунистический строй. Тут, однако, происходил характерный раздел: литовцы, балтийцы, белорусы и украинцы по эту сторону границы, намеченной Рижским трактатом, высказываясь, по крайней мере внешне, за немцев, руководились национальными антирусскими и антипольскими побуждениями. Все те, кто выступил против Советского Союза или симпатизировал немцам по советской стороне этой границы, делали это из чисто антикоммунистических побуждений, не принимая во внимание национальную принадлежность, т. е. из побуждений чисто человеческих. Часто простые люди, не искушенные в социально-политических определениях, на вопрос: почему они не-навидят коммунистов? — давали весьма характерный ответ: "Эх, жить скучно...". Такое определение охватывало скучу не только в дословном значении, но и скучу нужды, скучу страха, скучу отсутствия перспектив, скучу однобразия, безнадежность жизни, не стоящей того, чтобы жить.

Конечно, и по эту, и по ту сторону было много исключений из этого правила. По мере того, как гитлеровские методы становились невыносимыми, и росло разочарование, наступала перемена настроений не в пользу немцев.

*Сталинский НЭП.* — Ленин, как известно, прибег к своему НЭПу и связанному с ним национальному коммунизму

для спасения большевизма ввиду серьезных внутренних затруднений. Сталин перенял этот образец, когда, в результате немецких побед и настроений населения, Советский Союз оказался почти на краю пропасти. Правда, перевесу положения в пользу коммунизма способствовал и сам Гитлер, который, вместо того, чтобы вбить клин между партией и населением, своими методами успешно нивелировал внутренние противоречия. В свою очередь и коммунисты предприняли в этом направлении серьезные тактические ходы.

Официальный роспуск Коминтерна и молодежной международной организации "ИККИМ" произошел только в мае 1943 года, что значительно укрепило союз западных демократий с Советским Союзом. Новая волна оптимизма, провозглашающего фундаментальные перемены и "внутреннюю эволюцию" в Советском Союзе, залила весь мир. Начальник польского штаба в эмиграции, генерал Копаньский, приводит в своих "Военных воспоминаниях" разговор с лордом Сельборном, имевший место в Лондоне:

"Помню, как я во время ужина с лордом Сельборном в декабре 1943 года должен был выслушивать его мнение об эволюции в России, ведущей к настоящей демократизации, о возврате к прежнему патриотизму (примеры: ордена Суворова и Кутузова), к религии и т. п." (St. Kopanński, *"Wspomnienia wojenne"*, London, 1961).

На Западе рассуждения такого рода стали всеобщими. Тем более, что Сталин, "*de facto*", еще до роспуска Коминтерна, извлек из ленинского архива рецепт национального коммунизма. Существует довольно упрощенная интерпретация, что Сталин призвал к русскому патриотизму и таким образом спас положение. В действительности же был применен классический "национальный НЭП", с той только разницей, что на этот раз он касался и русского народа. Принимая во внимание количественный перевес, эффект соответствующих лозунгов был в процентном отношении значителен и мог создавать впечатление односторонней ставки на "русский патриотизм". Эта легенда удержалась на Западе и поныне, несмотря на несколько причинам:

1. Пропаганда западных держав использовала этот случай, чтобы придать своему советскому союзнику "патриотический русско-национальный" характер.

2. Антирусско настроенные нации восточной Европы воспользовались этим для подтверждения своего "русского" тезиса.

3. Русская антикоммунистическая эмиграция на Западе использовала это на свой манер, чтобы подчеркнуть хрупкость коммунистической оболочки, под которой "бьется сердце русского народа". В минуту призыва к национально-патриотическим чувствам — этот народ способен на геройские подвиги.

4. И наконец, распространению легенды больше всего способствовал "Wunschtraum" всех тех, кто хотел бы видеть возврат Советского Союза к прежней России.

В действительности, сталинский национальный НЭП охватил все народы Советского Союза, за исключением, конечно, тех, которые подлежали ликвидации за "коллаборационизм" с немцами (татары, ингуши, калмыки и т. д.). В спешном порядке реабилитировали русских, белорусских и украинских национальных героев, которые после разгрома "нацдемчины" были признаны исторически реакционными. Относилось это не только к Суворову, Кутузову и т. д., но и, например, к Ф. Скорине, книгопечатнику XVI века, которого возвели в звание "великого белорусского гуманиста". Вождь восстания 1863 года в Литве, Константин Калиновский, был снова объявлен "белорусским национальным героем" и т. п. Советское правительство обращается к белорусским и украинским писателям — многих из них скоро освобождают из концентрационных лагерей и тюрем — и поручает им опять заняться творческой деятельностью. Общественные заказы предписывают делать главный упор на актуальную, патриотическую и, по возможности, антинемецкую тему, обходя, в данном случае, социалистический фактор. Его даже советуют временно совсем изъять из обихода. Опять попали в милость такие белорусские поэты, как писательница К. Байла, Максим Танк, Антон Бялевич, А. Кулашов и многие другие. То же относится и к украинцам. У. Глыбинский пишет:

”Этот определенный поворот к историческому патриотизму, пробудил большие надежды на новую, национальную политику партии. Часть интеллигенции начала искренне верить, что после войны начнется новая эра развития национальной культуры”.

И вот, история начинается ”de capo”. Особенно в отношении Польши были применены образцы 1920 года. По образцу тогдашнего ”Революционного Комитета” Мархлевского-Дзержинского теперь создается 8 мая 1943 года ”Союз польских патриотов”, который годом позже, 22 июля 1944 года, превращается в ”Польский комитет национального освобождения”, а 1 января 1945 года в ”Польское временное правительство”. Создается ”Дивизия им. Костюшко” по образцу польских формаций 1920 года. Советское правительство посыпает Владислава Гомулку в Варшаву, чтобы организовать там ”Польскую Рабочую Партию” (”PPR”), которая, как сам Гомулка признается в своей юбилейной речи 20 января 1962 года, ”всегда считалась одним из филиалов международного коммунистического движения”. Конечно, чем она себя считала, не имеет никакого значения. Значение имеют директивы Сталина, который поручает Гомулке как можно скорее отстроить разгромленную в чистке польскую коммунистическую партию под временной вывеской ”PPR”.

Во всей этой работе нет ничего нового. Нет почти ни одной оригинальной детали. Все старо, испробовано, снабжено всем необходимым, и ясно каждому, кто хочет думать, а не строить иллюзии.

Но вот оказывается, что большинство национальных лидеров и профессиональных политиков проявляет определенную склонность предаваться иллюзиям. В этом именно случае Stalin не ошибся в своих расчетах, равно как и в свое время Ленин, когда говорил о тактических методах по отношению к ”глухонемым”.

## СОЮЗ ИЛИ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ С СОВЕТСКИМ ЗАХВАТЧИКОМ?

Великие западные державы могли быть во время Второй мировой войны союзником Советского Союза и "de jure", и "de facto". Польша, из-за своей слабости и географического положения, могла быть союзником только "de jure". А "de facto" такой союз ставил ее в положение "'коллaborанта' с советскими захватчиком".

Хорошо воспитанные люди обычно избегают щекотливых, обижающих других сравнений. Когда, однако, в исследованиях применяется сравнительный метод, то невозможно избежать и щекотливых сравнений. Несомненно, генерал Сикорский, многие политики и польские генералы поступали и хотели поступать с наилучшими намерениями и согласно своим убеждениям. Но вся их деятельность представляла собой видимость польских интересов только пока она прикрывалась иллюзиями, что Советский Союз является, хотя бы приблизительно равнокачественным государством ("Россия"). Поэтому происходил огромный вклад энергии правительства и польской пропаганды для сознательного или несознательного утверждения, и даже до создания фикции, что все обстоит так, как в действительности не обстояло. Видно, это удалось, так как западным державам, в руках которых находилось польское эмиграционное правительство, было важно поддержать фикцию в целях военной пропаганды. Но западные державы могли себе это позволить, так как были достаточно сильны и достаточно отделены от непосредственной коммунистической угрозы. Польша была бессильна, граничила непосредственно с Советским Союзом и практически была отдана на милость или немилость последнего.

Создалась необычная обстановка: единственной защитой Польши от большевистского наводнения была "de facto" немецкая армия на Востоке. Однако ни о каком соглашении

или даже о признании этого факта не могло быть и речи, так как мешала этому с одной стороны безумная политика Гитлера, а с другой стороны слепая политика Польши. Конечно, были светлые умы, понимавшие, что в создавшемся положении главная надежда должна была основываться на том, что немцы задержат советский напор до тех пор, пока западные державы не достигнут абсолютного перевеса на западе.

”Что будет? Что будет, если обманут всякие немецкие контрнаступления и советская армия, быть может, уже даже в этом году начнет наводнить Польшу?.. Известие, которое подействовало, как целительный бальзам... немцы взяли обратно Харьков!..” (Tadeusz Katelbach, ”Rok złych wrób”).

Это частные записи из дневника 1943 года. Но, во-первых, людей, отдающих себе во всем этом отчет, было немногого, а во-вторых, высказывание вслух таких взглядов было тогда совершенно недопустимо, так как их сочли бы за ересь, такую же опасную, как та, за которую, в свое время, Св. Инквизиция сжигала на костре. Спасение Польши исчерпывалось благими намерениями. В далеком Лондоне придавалась некая торжественность несуществующим фактам. Однако в Польше, под немецкой оккупацией, все следовало рассматривать с точки зрения действительного положения вещей.

*На деле не было никаких ”двух врагов”. — Подлинные происшествия этого периода в Польше восстановить почти невозможно. Ибо принадлежат они истории, может быть, наименее фальсифицированной в вопросах конформизма, то ли для удовлетворения коммунистов, то ли ”польреалистов”. Конечно, так просто, как это кажется, быть не могло. Наоборот, под давлением атмосферы всевозможных страстей, это были процессы многосторонние, можно было бы сказать, необычайно яркие, если бы чрезвычайно угрюмый фон не исключал такого определения. К сожалению, всех подробностей мы никогда не узнаем. Атмосфера подпольной цензуры проникла так глубоко, что достигла небывалой до сих пор самодисциплины. Что ж, разве свидетели того времени не помнят популярного перешептывания:*

”...но ведь об этом нельзя говорить...”, ”...но об этом не полагается говорить вслух...”, ”...но это большая тайна...” и т. д. Впрочем, это понятно. Все происходило в атмосфере террора и контртеррора. В условиях конспирации, глубокого подполья, зачастую под влиянием не поддающегося контролю чрезмерного личного самолюбия. В таких ненормальных обстоятельствах не только невероятно трудно, но практически невозможно распутать клубок и найти его, покрытые тайной, нити.

Несмотря на обязывающую, безапелляционную солидарность с антинемецкой коалицией, подпольные власти, представляющие официально польские интересы на родине, чувствовали себя вынужденными занять какую-то точку зрения по отношению к коммунистической угрозе. Таким образом создалась ”теория двух врагов” и велась якобы двойная игра, которую коммунистическая пропаганда ставит на вид и по сей день. Теория эта, однако, никогда не применялась, так как подпольные власти прилагали основательные усилия, чтобы народ случайно не счел этих ”двух врагов” равными друг другу. Поскольку антинемецкие настроения обязывали всех, постольку антикоммунизм разрешался исключительно в форме концессии, допущенной подпольными властями в рамках и изложении, заранее предписанных сверху. Всякие же индивидуальные или спонтанные проявления антикоммунизма, как правило, считались нарушением национальной дисциплины, склончивством или даже впрямь сотрудничеством с немцами.

Краткая схема всего этого выглядела так: национальный долг обязывал каждого быть антинемцем; антикоммунистом мог быть только тот, кто предварительно получил на это разрешение подпольных властей. Такая, своего рода анекдотическая, сокращенная формула опровергала фактически теорию ”двух врагов” и, зачастую, придавала антикоммунистической акции карикатурные формы. Так, например, после раскрытия и установления советской вины за катыньские преступления, считалась обязательной странная формула, что ”немцы подбросили часть трупов убитых ими польских офицеров”. Каждое выступление в польской прессе против Советского Союза обязательно сопровождалось длинным изощренным антинемецким вступлением. За

одно отрицательное слово в адрес Сталина требовалось определенное число отрицательных слов в адрес Гитлера и т. д. Конечно, все вышесказанное представлено здесь в схематичном сокращении. Но такой шаблон национальной цензуры сильно обременял подпольную публицистику и я берусь без колебания утверждать, что в большой мере ее оглушил, тем более, если учесть не всегда высокий уровень политической и интеллектуальной подготовки подпольных "цензоров". Все это вместе взятое препятствовало осуществлению, в принципе правильной, теории "двух врагов". Впрочем, теории этой противоречила официальная версия о советской "измене" во время варшавского восстания, включая арест 16 руководителей восстания и т. д. Как известно, определение "измена" неприменимо по отношению к врагу. Изменить может только кто-то близкий, приятель, союзник, а не враг. Известно, наконец, что после прекращения дипломатических отношений между польским правительством в эмиграции и Москвой принято было по отношению к Советскому Союзу выражение "союзник наших союзников", что тоже трудно было бы подтянуть под определение "врага".

*Кто несет вину за дезинформацию?* — Когда пишу об "АК" ("Армия Краёвая", польская подпольная армия под немецкой оккупацией), стараюсь не употреблять избитых фраз для смягчения плохого впечатления, которое может вызвать написанное мною. В нашу литературу вошли условные тактические "реверансы", принятые с целью снижения популярности. Я не ищу такой популярности. Обычно принято у нас писать об "АК" с прибавкой прилагательного "героическая". В этом, конечно, есть огромное преувеличение. Что касается рядовых "АК", то были они солдатами, воюющими в подполье, исполняющими свой солдатский долг иногда в более трудных, иногда в более легких условиях, чем солдаты на передовых линиях фронтов во всем мире. Они не производили впечатления солдат лучших или худших, чем солдаты многих других национальностей, принимавших участие во Второй мировой войне. Как всегда и всюду на войне, геройство и трусость, благородство и подлость, великие подвиги и постыдные отступления идут рука об руку. Наша военная литература грешит односторонностью. Если, однако, применить сравнительный

метод и просмотреть военную литературу всех воевавших сторон, то нельзя будет не признать, что в количестве героических подвигов мы сильно отстали. Быть может, не в процентном отношении, но во всяком случае в абсолютных цифрах.

Однако чувствуется в иных случаях некая неловкость, когда командование "АК" "причесывает" факты и приводит подложную статистику. Правда, во время войны делали это и другие (особенно фантастически преувеличенные цифры подавали Япония и Советский Союз). Это все же не меняет факта, что польские данные, касающиеся потерь, своих и противника, количества взорванных мостов, покушений, количества солдат "АК" под оружием, а особенно количества жертв среди населения — часто бывали преувеличены в десять раз. Пока шла война, это можно было объяснить требованием пропаганды. Плохо, что по окончании войны, цифры эти были признаны подлинными. Однако не этого рода дезинформация сыграла роковую роль в судьбе Польши.

Вошло в обиход мнение, что ответственность за ошибки, совершенные во время войны, несет исключительно эмиграционное правительство в Лондоне, а не подпольные власти в Польше. Кажется, что было как раз наоборот. Политика польского правительства в эмиграции не могла иметь влияния на международные события. Но во всяком случае, в доступных границах, могла и должна была влиять на происшествия в Польше. Первым к этому условием должна была бы быть точная и правдивая информация. Тем временем, сведения, присыпаемые из Польши, отвечали, быть может, сокровенным желаниям, но не правде. Замалчивался угрожающий рост просоветских настроений. Полковник Ян Жепецкий, один из многих руководителей "АК", перешедший впоследствии на сторону коммунистов, цитирует слова, сказанные якобы первым командиром "АК" генералом Ровецким: "Будущая Польша должна быть красная, рабоче-крестьянская". Правда ли это — неизвестно. Правдой же является безусловно то, что Жепецкий писал в своей оценке положения:

”Наступила далеко идущая радикализация... общий поворот налево... Главнокомандующий в совершенно недостаточной степени осведомлен о положении на родине... Считаю необходимым обязательное и глубокое осведомление Главнокомандующего о положении в Польше... надо открыть ему глаза на нашу действительность” (J. Rzepecki, *”Wspomnienia i przyczynki historyczne”*, Warszawa, 1956).

Конечно, теперь Жепецким руководят другие побуждения для ”открытия глаз”, но факт остается фактом, что тогда у правительства в Лондоне глаза были закрыты. Тем временем, причины угрожающего положения имели совершенно естественную основу. До войны Польшу защищали против большевистской инфильтрации заграждения из колючей проволоки, пограничные войска, контрразведка, политическая полиция; для отпора большевистской инфильтрации был создан внушительный государственный аппарат. И несмотря на это, инфильтрация продолжалась и примеры ее имели место то в армии, то в администрации, то в общественных организациях и т. д. Поэтому легко можно себе представить размеры этой инфильтрации, когда вдруг перестала существовать граница, рухнули основы государства и настежь открылись ворота для советских агентов... Мало того, польское правительство заключает с Москвой пакт дружбы и прежний, самый опасный враг превращается в союзника. А западные державы — эта единственная надежда польского народа — передают по всем радиостанциям просоветские информации и пропаганду. Однако террор и методы поведения гитлеровских оккупантов влияли гораздо больше, чем что-либо другое, на усиление просоветских настроений в стране.

Те, кто тогда делали упор на лагеря, тюрьмы и убийства, т. е. исключительно на физическое уничтожение, переносят центр тяжести в неправильное направление. Гитлеровский террор был страшен, но по отношению к полякам он не выходил за пределы известных в истории мер военного террора. Потому что, применяя сравнительный метод, куда же надо было поместить в данном случае злодеяния против евреев — злодеяния, переступившие всякие грани? Всякий,

кто был в то время в Польше, хорошо помнит, что еврей, которому удалось получить документы, что он поляк-”ариец”, считал себя фактически спасенным. Итак, между судьбой поляков и судьбой евреев лежала пропасть. Потому, не физический террор в отношении поляков был кульминационным пунктом безумной политики Гитлера, так как он затрагивал только известный процент населения. Кульминационным пунктом было то, что все население, без исключения, на каждом шагу, подвергалось бессмысленным оскорблением собственного достоинства: в трамвае, на скамейке в парке, в поезде, в ресторане, на улице. И вот именно этот поработитель находился одновременно в войне с большевиками. Ненависть к захватчику невольно популяризирует всех и каждого, кто является его противником. Ненависть к немецкому оккупанту из-за перенесенных обид перешла почти в общенародную ”idee-fixe”. Таким образом, что касается антинемецкой пропаганды, то у польской пропаганды были развязаны руки. Пропаганда эта уже не требовала никакого усилия. За нее всю работу исполнял метод оккупации. На этом секторе каждый поляк был стопроцентно психически вооружен. На советском же секторе он разоружался все больше и больше. Логичным, казалось бы, было бы направить главное политическое усилие именно на советский сектор. Тем временем, подпольные власти, даже после того, как поражение немцев становится ясным и их отступление с польской территории и занятие ее советскими войсками — только вопросом времени, доливают все больше масла в огонь, взвинчивают антинемецкую агитацию до экстаза, несмотря на то, что чаша уже до краев переполнена. Результат в политике такой же, как и в физике: огромный потенциал антинемецкой пропаганды переливается через край; ввиду того, что в природе ничего не пропадает даром, то масса односторонне потраченной энергии, не имея больше возможности разжигать ненависть к немцам, укрепляет дружбу с Советским Союзом.

Тот факт, что просоветская ориентация под тяжестью этого давления дошла только до таких, а не до больших результатов — доказывает, быть может, степень здравого инстинкта у большинства польского народа. При этом не следует забывать, что население слушало больше Лондон, чем

Москву (Радио Лондон передает весной 1944 года: "Помните — всякая антисоветская акция идет исключительно из немецких источников!"), и что гомулковская "ППР" имела минимальное влияние.

Однако о действительном состоянии и действительных размерах этой косвенной коммунистической инфильтрации правительство в Лондоне должно было быть поставлено в известность. В известность же оно поставлено не было. Впрочем, как могли сведения о такого рода инфильтрации надлежащим образом достичь Лондона, если среди подпольных властей имели перевес люди, явно поддерживающие наиболее далеко идущий компромисс с Советским Союзом, а заместитель начальника штаба "АК", генерал Татар, сам при первом случае перешедший на сторону коммунистов, был начальником по внутренним делам польского Верховного Главнокомандующего!..

*Коллaborационизм с коммунистическим врагом.* — В двадцатую годовщину основания "ППР", 20 января 1962 года, Гомулка подверг ретроспективному анализу период оккупации и войны. Между прочим он упомянул, что уже "в начале 1943 года состоялись две встречи между представителями руководства 'ППР' и 'Делегатуры' (представительства)" с целью установления сотрудничества. Гомулка сетует, что до сотрудничества тогда не дошло, но из других источников известно, что впоследствии неофициальные контакты неоднократно имели место. А начиная с 1944 года, доходит уже до открытого коллаборанства с советскими властями и с Красной армией.

Мы употребляем здесь слово "коллаборационизм" не как упрек, а с целью точного установления фактического положения. Ибо сотрудничество с армией и руководством соседнего государства на своей собственной территории и есть коллаборационизм. Можно было бы сказать, что действия не только одобренные, но даже приказанные законным правительством не подпадают под понятие "коллаборационизма с врагом". Конечно, правильно, но только по отношению к тем, кто не считает врагом международный коммунизм. Потому что сам факт повиновения законным властям еще не предрешает вопроса. Во Франции именно законное правительство Петена было признано "коллаборантом

с врагом”, а непослушная ему первоначально горсточка людей под предводительством де Голля стала выразительницей народных чаяний. Повинование приказам законных властей, как обязывающая норма поведения, было поставлено под вопрос приговором Нюрнбергского Трибунала.

Послевоенная “польреалистическая” литература пытается изменить ситуацию, делая упор на репрессии, аресты и ликвидацию отрядов “АК” советскими властями после того, как эти отряды оказали поддержку Красной армии. Это должно было перенести центр тяжести на “советскую измену” и послужить политическим алиби. Такой род оценки кажется, однако, особенно неудачным. Во-первых, коммунисты никому не “изменяют” до тех пор, пока ликвидируют не-коммунистов. Они изменяли бы своей доктрине, если бы временную тактику в отношении не-коммунистов превращали в добросовестный и честный с ними компромисс. Во-вторых, сам факт коммунистических репрессий в отношении кого-либо не предопределяет его политической позиции. Жертвами репрессий стали также сотни тысяч самых верных членов партии. И в-третьих, коммунисты имеют привычку ликвидировать всех тех, кто им уже больше не нужен, но мог бы стать помехой в будущем. Репрессии против “АК” — классический пример ликвидации ненужных уже “попутчиков”. Слово “попутчик” происходит от русского выражения “по пути” — по дороге, конечно, к цели. В минуту, когда цель достигнута, такой “попутчик” уже не нужен и может уйти, как пресловутый мавр, сделавший свое дело. Вся история коммунистической партии в этом отношении не оставляет никаких иллюзий. А если кто-нибудь не хочет знать эту историю или настаивает на иллюзиях — тем лучше для коммунистов. Это им позволяет повторять без конца все тот же прием и, как мы видели, в случае необходимости, даже “реабилитировать” уже ликвидированных, чтобы начать опять все сначала. Таким же образом поступили и с “АК”. Заняли Польшу, добились своей цели и изменили бы своей доктрине, если бы теперь своей добычей захотели делиться со своими не-коммунистическими коллaborантами. Напротив, поступили консервативно, ликвидируя их, а когда в 1956 году подвернулась новая тактическая необходимость — поспешно их “реабилитировали”.

Потому орган печати молодых коммунистов вполне логично возмущился в 1957 году по поводу обвинения "АК" в "реакционности".

"Общеизвестно, что дивизия 'АК' в 1943—44 годах сражалась на территории Волыни, а на Подолье отряды майора 'Тамы' и капитана 'Тщацицкого'. И 27 дивизия 'Армии Краёвой', насчитывающая 6 500 солдат и офицеров, и подольские отряды тесно сотрудничали с отрядами советских партизан, а позже с Красной Армией. Об этом свидетельствует, среди прочего, бюллетень московского радио от 19 марта 1944 года, сообщающий о сотрудничестве отрядов 'АК' и частей Красной Армии в освобождении города Ровно. В начале апреля 1944 года отряды 27 дивизии вошли в тесный контакт с Красной Армией на территории острожского и здолбуновского повятов (уездов). Информационный бюллетень, орган Бюро информации и пропаганды КГ 'АК', писал 13 апреля 1944 года: 'Советские командиры подтверждают, что повсюду получали помочь, и отзываются с уважением о боевом духе солдат и командиров АК'. Одновременно другие военные группировки Волынской Дивизии взяли железнодорожную станцию Старые Кошары, расположенную на линии Ковель-Любомль. В бою за Старые Кошары принимал также участие советский отряд, командир которого обратился к командиру 'АК' с предложением сотрудничества. О других более ранних случаях сотрудничества отрядов 27 дивизии с советскими партизанами пишет в своих воспоминаниях бывший солдат этой дивизии, а теперь майор польской армии, Юзеф Червинский (см. Józef Czerwiński, "Za Wolność i Lud", No. 6, 1956). С советской армией и с советскими партизанами сотрудничал также лесной отряд майора Сатановского, и большинство солдат и офицеров 27 дивизии влились потом в Армию Польского войска... Приписывая польским партизанам реакционность, историю цинично фальсифицируют... Пришло время окончательно покончить с фальсификацией истории Второй мировой войны" ("Poprostu", № 23/437, 9. 6. 1957).

Признаю, что в данном случае вполне разделяю последнюю фразу в статье молодых коммунистов.

Но едва ли не наиболее интенсивное сотрудничество между "АК" и большевиками развилось в районе уже упомянутого Ковеля, а также в районе Люблина, где, согласно некоторым сообщениям, "АК" оказывала помощь большевикам при занятии 18 населенных пунктов, а согласно другим данным даже помогла пошатнуть немецкий фронт за Бугом, за что известное количество членов "АК" было награждено советскими орденами. Британский офицер Солли-Флад в своей статье, помещенной в "Blackwoods Magazine", описывая пребывание британской миссии при "АК" зимой 1944—45 годов, цитирует слова генерала Окулицкого, что "поляки, как могли, поддерживали русскую армию".... Полковник Леон Миткевич, заместитель начальника штаба при союзном командовании, в труде, опубликованном в первом номере "Исторических тетрадей" (Leon Mitkiewicz, "Zeszyty Historyczne", "Kultura", Paruż 1961), подчеркивает "лояльную и активную помощь, какую 'АК' давала и дает советским войскам...". Впрочем, все исторические источники подчеркивают этот факт.

С особыенным же благоговением упоминается единство "АК" с Красной армией при занятии Вильно и Львова. (Междуд прочим, военное значение этого соучастия сильно преувеличено). Тут имеются в виду города, на которые Советский Союз никогда не перестал предъявлять претензии и которые после "освобождения" вообще оказались вне границ даже Народной Польши. Наступление на Вильно началось 7 июля 1944 года; ему предшествовал договор в деревне Пратяты между "АК" и советским командованием.

"Даже советский командир признает в своих воспоминаниях, что потом 'АК' сразу же ударила на немецкий гарнизон в Жодзишках... Красная армия пользовалась их помощью в тяжелых боях за Вильно, но как только немцы были разбиты, советские дивизии окружили отряды 'АК', разоружили их и тех, кто не успел удрать, вывезли в лагеря" ("Ostatnie Wiadomości", Mannheim, 9. 7. 1961).

"7 июля 1944 года отряды 'АК' ударили на Вильно

и сыграли решающую роль во взятии города, за что получили самые высокие похвалы советской армии” (“Dziennik Polski”, London, 3. 9. 1949).

“Вильк-Кржижановский... располагал значительными силами ‘АК’, которые сотрудничали с советскими войсками и, между прочим, значительно помогли им при занятии Вильно” (Там же, 1. 6. 1957).

23 июля 1944 года начались бои за Львов. Отряды “АК” (5-й Д. П. и 14-й полк уланов) поддерживают советские танки и помогают в занятии города. Потом советские власти приказывают им включиться в армию Берлинга.\* В полемике на тему отношения к армии Берлинга находим следующее высказывание бывшего военного из “АК”:

”...если бы должны были считать бывших солдат армии Берлинга изменниками родины, то интересно, как надо было бы наказать тех из нас, кто всем сердцем помогал “изменникам”? ” (“Dziennik Polski”, 31. 7. 1961).

Такие цитаты можно было бы приводить страницами. Исключение из этой коллаборантской по отношению к Советскому Союзу позиции представляют собой независимые от “АК” так называемые “Национальные Вооруженные Силы” (“Narodowe Sily Zbrojne” — NSZ). Подпольное агентство печати “Wies” пишет об этом в апреле 1944 года:

”Призыв к запрету сотрудничества с советскими войсками идет вразрез с приказами Коменданта вооруженных сил в стране. Это определенное вредительство”.

В то же время подпольный орган “Żywią i bronią” пишет:

”Мы повторяем, что эти братоубийственные преступления против отрядов ‘ППР-овской Народной Армии’ останутся наиболее позорным пятном в истории борьбы народа за свободу... Никогда оружие

---

\*Берлинг — польский генерал, сформировавший польскую армию, подчиненную советскому командованию.

Крестьянских Батальонов и 'АК' не поворачивалось против солдат коммунистических боевых отрядов".

В этой последовательной политике ничего не меняет и варшавское восстание в августе 1944 года, которое советская пропаганда использует, как самый яркий пример антисоветского начинания. Варшавское восстание было задумано главным образом для того, чтобы опередить Красную армию в занятии столицы Польши. Защищать ее против большевиков не было намерения. Наоборот, их хотели приветствовать как союзников и, согласно инструкциям руководства "АК" от ноября 1943 года, планировалось "выйти из подполья и в роли хозяев встретить русскую армию". И вот только это одно намерение, ни в чем не нарушающее принципов сотрудничества, было достаточным для Советского Союза, чтобы признать его "преступным". Эту советскую позицию подтвердил Гомулка в вышеупомянутом выступлении, высмеяв руководство "АК" за то, что оно осмелилось претендовать на роль "хозяина"! Это значит, что хозяевами в Польше могут быть только коммунисты. Обязанностью "АК" было помочь коммунистам, а не самим лезть к власти. Трудно представить себе более открытые карты — тогда и теперь.

"Легионеры навыворот". — Ни один здравомыслящий человек не станет утверждать, что Польша возникла после Первой мировой войны благодаря Пилсудскому и его легионам. Возникла она, конечно, благодаря тому, что неожиданно все три государства-захватчика понесли одновременно поражение. Апологеты Пилсудского утверждают, что он, якобы, предвидел такую необычайную конъюнктуру. Предвидел или нет, но надо признать, что его политический лагерь и его Легионы оказались в конечном итоге в выигрыше и стали "*de facto*" основой возрождающейся государственности и кадрами вооруженных сил. Отсюда понятное по-человечески явление, что легионеры претендовали в Польше на первые места в государстве. С другой стороны, свобода критической мысли в Польше стояла еще на таком высоком уровне, что огромная часть общественного мнения определенно выступала против "легенды Пилсудского" и гегемонии его легионеров.

После Второй мировой войны никто из оставшихся на свободе поляков не осмелился выступить против "легенды АК", несмотря на то, что "АК" не только проиграла, но и оказалась в сотрудничестве с захватчиком, который и по сегодняшний день оккупирует Польшу.

Официально "АК" подчинялась VI отделу штаба Главнокомандующего в Лондоне и должна была исполнять получаемые от него инструкции. Подчинение это было, однако, чисто формальное, фактически же не правительство "стране", а "страна" правительству навязывала свою волю, особенно в самом важном вопросе, а именно в вопросе отношений с Советским Союзом. Это видно на примере с историей "Инструкции для страны" Главнокомандующего Сосновского от 27 октября 1943 года. Он приказывает, между прочим, что с минуты вступления Красной армии на территорию Польши, последняя "не будет сотрудничать с Советским Союзом", а "АК" должна остаться в подполье. В ответ приходит телеграмма от командующего "АК", генерала Коморовского, датированная 26 ноября 1943 года, в которой он уведомляет Сосновского, что издал иной приказ, "в этом пункте противоречащий инструкции правительства, а именно, что "...местный польский командующий 'АК' должен явиться к командующему советскими частями". Кроме того, он приказал то же самое представителям подпольных гражданских властей. Генерал Сосновский, один из немногих в то время людей, отдающих себе отчет в роковых последствиях сотрудничества с большевиками, фактически был бессилен повлиять на решения, принимаемые в Польше. В письмах к премьеру от 4 и 9 января 1944 года он высказывает свое отрицательное отношение к решениям на родине. Но в феврале правительство изменяет его "Инструкции", так как этого желает командование 'АК'. Президент выражает "доверие политическому разуму местных властей". В июле 1944 года правительство, возглавляемое Миколайчиком, окончательно передает местным польским властям право и обязанность принимать решения "без предварительной согласованности с правительством". Таким образом 26 июля 1944 года происходит полная передача всех полномочий. Правительство дезавуирует все протесты и попытки "контрраспоряжений", предпринимае-

мые генералом Сосновским, — особенно касающиеся сотрудничества с Советским Союзом. "АК" получает "cart blanche" не только в военных, но и в политических делах.

Таким образом "АК" сама несет ответственность за прошедшее. Мы представили деятельность "АК" в области военного коллаборанства с Советским Союзом. К этому следует прибавить недвусмысленную политическую позицию подпольных гражданских властей. Орган главной правительенной партии (Народников) в Лондоне констатирует:

"Подпольный Совет Национального Единства на родине, т. е. представительство всей демократической Польши, единогласно одобрил Ялтинские решения... Премьер Миколайчик, принимая Ялтинские постановления, прежде всего подчинился решениям страны, ее выраженным требованиям, сформулированным Советом Национального Единства" ("Jutro Polski", Londyn, No.19, 1947).

Когда в лондонском эмигрантском правительстве создалось кризисное положение по поводу пораженческой политики Миколайчика и назначения правительства Т. Арцишевского, Совет Национального Единства на родине принял решение, требующее возвращения Миколайчика и подтверждения заключенного им компромисса с Советским Союзом. Когда, наконец, на заседании Главной Комиссии Совета Национального Единства 3 мая 1945 года было отклонено предложение вотума недоверия Лондонскому правительству, Стефан Корбоньский, представитель самой многочисленной народной партии, самовольно провозгласил себя "последним Делегатом Правительства на Польшу" и признал от имени подполья коммунистическое правительство Берута.

Знаем, как это кончилось. Как обретение независимости не было заслугой легионов Пilsudskого, так и потеря независимости не была виной "АК" и подпольных властей. В обоих случаях решала высшая сила. "АК" имела, однако, решительное влияние на кристаллизацию настроений на родине и на направление национальной мысли. Это направление мысли исходило из прежней односторонней установки, которая не предусматривала никакой позиции по от-

ношению к большевикам, а концентрировалась на добывании в союзе с ними прежнего оккупанта, покидавшего территорию Польши. Только таким образом мог создаться этот идеологический "базис", на котором коммунисты построили свою доктрину об "освобождении Польши" — доктрину, которая, с некоторыми ограничениями, была принята большинством народа, хотя в действительности на Польшу свалилось величайшее бедствие, какое только могло свалиться. Немецкая оккупация была только внешней оккупацией, советская — и физической, и психической; та была временной в военное время, эта продолжается в мирное время; ту не признавал весь мир, эту признает весь мир; по отношению к той весь народ находился в состоянии войны, по отношению к этой — в большой мере благодаря "АК" — в состоянии капитуляции.

Политиков и генералов — сторонников концепции, которая, в итоге, терпит поражение даже не по их вине, отстраняют обыкновенно от дальнейшего влияния. Такие последствия испытал санационный лагерь ("Санация" — лагерь сторонников Пилсудского) после поражения 1939 года, хотя это поражение не было еще окончательным. А сегодня тех, кто поддерживал во время войны нынешних оккупантов, не только не отстранили от влияния на дальнейшее развитие польской независимой мысли, но больше того, они получили во многих случаях монополию на политические критерии и на вынесение решения, что было или есть правильно, не правильно, нравственно или безнравственно, что соответствует или не соответствует интересам народа.

Как мы уже упоминали, значительная часть руководства подполья и "АК" была подхвачена течением капитуляции и включилась в дальнейшее сотрудничество с коммунизмом. Это, однако, не помешало некоторым из лидеров снова занять потом в эмиграции руководящие, с точки зрения политической, и почти ведущие, с точки зрения национальной, места. Примером может служить вышеупомянутый "последний делегат Правительства на Польшу", Стефан Корбоньский. Вот что писала по этому поводу лондонская "Государственная мысль" в статье "Три разряда эмигрантов":

"Последний делегат Правительства на Польшу перестал признавать правительство и президента Речи Посполитой, а признал Берута. Когда... обратились к делегату правительства, чтобы он сдал правительственные деньги и средства связи с Лондоном в руки желающих продолжать сопротивление, господин Корбоньский отказал... Во всяком случае, последний делегат Правительства на Польшу передал все в руки 'Безпеки' (польская ГБ).

Господин Корбоньский лояльно сотрудничал с режимом. Был назначен послом, решал то, что надо было решать. Разрыв наступил не по его воле и не по его вине, а просто потому, что режим уже больше не нуждался в сотрудничестве г. Корбоньского и его политических друзей. Они сыграли свою роль и стали лишними...

Бывший последний делегат Правительства на Польшу, очутившись за границей, не заявил, что его решение 1945 года было ошибочным... И дальше не перестал признавать Ялту и Берута. За одно только обижался на Берута, а именно за то, что последний не выполняет ялтинских постановлений в польской внутренней политике и отстраняет г. Корбоньского и его соратников от сотрудничества с собой.

...В последнее время г. Корбоньский снискал себе большую популярность своей книгой "Именем Речи Посполитой". Название взято из первых слов приговоров, выносимых судами именем той Речи Посполитой, которой, переходя к Беруту, Корбоньский изменил. Теперь, в ореоле писательской славы, г. Корбоньский почувствовал себя призванным выносить приговоры людям в изгнании. Он опубликовал в прессе недостойную и подлую статью с нападками на Президента Речи Посполитой... О ценности человека свидетельствуют провозглашенные им слова и его действия, совершаемые с полной безнаказанностью. А ведь г. Корбоньский наставляет всех с безапелляционностью, что надо делать и как надо вести себя... Может быть, через несколько месяцев или лет дождемся, что бывший товарищ Святло начнет поучать нас и выносить приговоры людям воюющего изгнания..." (НАК /Henryk Kleinert/, "Trzy rodzaje uchodźców", "Myśl Państwowa", Londyn, nr. 1, 1954, стр. 8).

В настоящее время г. Корбоньский занимает высокое положение в какой-то международной организации, в которой представляет Польшу. Многие деятели бывшего подполья, попавшие в эмиграцию, согласно господствующей на Западе конъюнктуре для политиков, не заподозренных в "контрреволюционных" тенденциях, нашли облегченный доступ к политическим центрам западных держав. В этом играл роль аттестат в области антинемецкого сопротивления как мерил лояльности в прошлом по отношению к этим державам. Таким образом стало возможным обеспечить огромный перевес над остальной политической эмиграцией, как правило, лишенной средств.

Другим характерным моментом остается факт, что благовение, с каким "польреализм" относится к воюющему подполью, касается только антинемецкого подполья. Как только дело коснется людей, воюющих за свободу вне организации, без директив, без "мягких долларов" и "твёрдых кругов" (т. е. имеющих вес общественных или политических кругов), без сброшенных с воздуха оружия и боеприпасов, т. е. людей, воюющих в условиях наибольшей личной жертвенности, но воюющих против коммунистов, то тут прекращается художественная литература и пафос. О таких людях молчат или чаще всего их порицают. Так было с антикоммунистическим партизанским движением, отряды которого с 1945 года, после окончания войны, еще долго воевали в стране. Так было и в отношении организаций, которые во время войны не подчинялись директивам "АК". Однако знаменательно то, что эти же люди, которые когда-то освобождались от этого нравственного давления, сегодня уже склонны подчиниться общему настроению. Так, например, я читал несколько лет назад, кажется, в парижской "Культуре" об упреках со стороны "АК" в адрес Национальных Вооруженных Сил, облеченные в лозунг: "Когда вся Польша воевала против немцев, одни вы сотрудничали с ними!" А те, вместо того, чтобы ответить контр-лозунгом: "Когда вся Польша сотрудничала с большевиками, одни мы воевали против них!" — усиленно оправдываются, указывая, где и когда они убили какого-то немца. При этом, очевидность факта, что страна, отчество, Польша находится теперь не под игом немцев, а под игом большевиков, вдруг

перестает играть роль. Наступает эмоциональный возврат к критериям периода войны, ныне уже совсем объективно неважным, но субъективно важным тем, для кого они составляли все их политическое достояние и кто, извлекая из них пользу, вероятно, и в дальнейшем непрочь извлекать ее. В этом контексте можно еще и сегодня услышать по радио "Свободная Европа" (где польская секция находится в руках людей из бывшей "АК") такого рода болтовню, как, например: "Власов изменил и заплатил за это бесславной смертью..." (12 октября 1961 года, 18. 45 час.). Тут нужно понимать, что "изменил", конечно, "отечеству" (а не большевизму, против которого он воевал в действительности), и поэтому вполне справедливо, что был повешен большевиками.

Ввиду того, что ныне коммунистам важнее всего возрождение и эмоциональное возрождение "антифашистского фронта" времен войны, становится ясным, что Гомулка не без основания провел частичную "реабилитацию" "АК". Вероятно не только благодаря роли, какую она сыграла во время войны, но и благодаря влиянию, которым она пользуется после войны на родине и в эмиграции.

## КАК И ИЗ ЧЕГО ВОЗНИК "РАХ"

Основной концепцией создания этой диверсии было повторение коммунистами модели тех религиозных организаций, которые в свое время подорвали изнутри патриаршую русскую Церковь. Конечно, эта диверсия проводилась с учетом так называемых "объективных условий". Большевики, вступив в Польшу в 1945 году, нашли там "объективные условия", которые нередко причиняли им серьезные затруднения. Однако неожиданно они приобрели для осуществления своих планов союзника там, где менее всего этого ожидали. Вот как все это началось.

*"Возрождение лагеря консервативной мысли".* — В предыдущих главах мы говорили о положении, создавшемся в стране под немецкой оккупацией. Тогда существовал только один исходный пункт политической программы: стихийная борьба с немцами, не исключающая сотрудничества со вступающими большевиками. *"Вера"* в Англию и вынужденный оптимизм закрывали глаза на будущее. Александр Боженский, бывший редактор журналов *"Бунт молодых"* и *"Политика"*, противопоставлял этому состоянию инертности возрождение концепции польского консервативного лагеря. Боженский был теоретиком примиренческой политики по отношению к захватчику. Конечно, такая позиция возбудила ложное подозрение в *"коллаборационизме"* с немцами. Боженский был сторонником примиренчества, но не в отношении каждого захватчика. Как частное лицо, он не имел большого влияния. Вся сила его концепции исчерпывалась тем, что она существовала. Ибо никакой другой, в случае вступления Красной армии, вообще не было... Носился он с ней главным образом в Кракове, во время и после Варшавского восстания осенью 1944 года. А в особенности в своего рода политическом салоне графа Адама Роникера на улице Потоцкого 2. В то время в Краков съехались со всей страны бегущая от большевиков польская аристократия и представители прежней консервативной мысли. Согласно Боженскому *"возрождение"* этой мысли состояло фактически в возврате к примиренческим формам, которые существовали до первой мировой войны под русским, немецким и австро-венгерским владычеством и давали положительные результаты, особенно в австрийской части.

*"Россия" и ничего иного.* — Кто-нибудь, читая этот труд, посвященный потере польской *"независимой мысли"*, может вынести впечатление, что я слишком упрощаю описание событий и односторонне отказываю многим полякам в уме и способностях критического мышления. Но это только видимость, происходящая из-за слишком большого накопления материала в слишком тесных рамках. Конечно, и в консервативных кругах слышалось немало критических возражений в отношении концепции Боженского. Прежде всего: можем ли мы считать условия XIX века, а особенно внутреннюю *"субстанцию"* бывших монархий — русской,

немецкой и австро-венгерской — аналогией с международным большевизмом? Для ниспровержения этого наиболее существенного предварительного условия Бехенский стал глашатаем теории: "Россия". Большевизм, коммунизм, — он утверждал — это только внешний инструмент, несуществующая форма. Сущность осталась та же: Россия! Нужно именно наладить контакт с ее государственными, а не международными интересами и найти компромиссный "modus vivendi". Перемена курса с акцентом на "Россию" стала основой всей теории, так как неудобно было призывать в таком избранном обществе к соглашению с международным большевизмом! Итак, этот термин "Россия", считающийся сегодня подходящим для антисоветской националистической пропаганды, стал одновременно единственным аргументом для возможного соглашения. Не надо ничего упрощать. Сегодняшняя агентура "PAХ" возникла в действительности из политической, а не из агентурной концепции.

*Встреча в гостинице "Под розой".* — Оставляя за собой право публикации источников тогда, когда сочту это возможным, расскажу, что было дальше. Большевики вступили в Краков 18 января 1945 года. Значительная часть посетителей "политического салона" с улицы Потоцкого предпочла бежать на Запад. Сам Бехенский, со своим приближенным Домиником Городынским и еще несколькими лицами, спрятался, на всякий случай, в квартире графа NN, так как его подозревали в коллаборантстве с немцами. Но вот, неожиданно, он осмелился на рискованный шаг, который и решил все дело. До сих пор Бехенский, если не считать того, что он объединил полдюжины титулованных персон — единомышленников его концепции, не имел никакого значения и не сыграл никакой политической роли.

Через несколько дней после того, как коммунисты заняли Краков, в нем появился Ежи Борейша (Гольдман). Он был тогда сановником высокого ранга по "особым" делам, связанным, главным образом, с "внутренней эмиграцией". А позже, как известно, и с внешней. Покойный Борейша-Гольдман был человеком большого ума и полета мысли. На партийных верхах его очень ценили за смекалку, за способность схватывать на лету концепции, отличать важное от

неважного. Потому ему поручали особенно тонкие задания. Все, знавшие его в то время, указывают на необыкновенные черты его характера. Коммунистический писатель Войцех Журковский дает ему, в десятую годовщину смерти, следующую характеристику:

”Хороший психолог, он знал, что активная работа втягивает, что перемена мышления достигается быстрее в работе, чем в дискуссиях... Борейша был прирожденным человеком дела, организатором, политиком, не признающим ходульных классификаций. Он считал, что необходимо идти прямо к противнику, искать общей платформы, привлекать, хотя бы накоротко, наиболее выдающихся людей. Как он любил знакомства вне идеологических фронтов! Совершал экспедиции с целью сманить Станислава Цат-Мацкевича и Ваньковича, считавших тогда возвращение в красную Польшу изменой лондонским сторонникам независимости... Потом оба пришли к нам...” (“Życie Warszawy”, 20. 1. 1962).

Борейша остановился в гостинице ”Под розой” на улице Флорианской. Произошел следующий разговор (повторяю: оставляю за собой право указать источники) :

- Я Бохенский, Александр.
- Ааа... Любопытно. Кажется, вас ищут?
- Знаю об этом. Но хотел бы, чтобы вы посвятили мне час времени.
- К сожалению, через двадцать минут улетаю.
- Позвоните в аэропорт и отложите полет.
- Неужели разговор будет настолько интересен?
- Могу заверить, что да.

Через пятнадцать минут Борейша действительно позвонил в аэропорт и отложил свой полет. Бохенский раскрыл ему готовый план соглашения между крайне правыми, не-примиримой ”контрреволюцией”, католическим лагерем и новым коммунистическим режимом. Более менее в тех рамках, которые мы наблюдаем сегодня, т. е. в рамках, соответствующих тем, которые в представленной выше ат-

мосфере ленинского НЭПа назывались попутничеством, а согласно нынешней теории — "реальной политикой".

— Кого бы вы предложили поставить во главе такой группировки? — спросил Борейша.

— Болеслава Пясецкого, если он еще жив.

— Изволите шутить?

— Отнюдь нет, говорю это вполне серьезно.

И тут Бохенский представил хорошо известные аргументы о необходимости предотвратить активность правонастроенного подполья. Это первое условие успеха всей идеи. Конечно, это не предотвратит полностью антисоветскую партизанщину, но поможет удержать наиболее потенциальную силу, которую представляет собой националистическая молодежь, обожающая Пясецкого. Его казнь не принесет никакой пользы. Но возглавление им "право-католической оппозиции" — легальной, конструктивной, признающей новую власть как "польскую власть", принесет громадные выгоды.

Борейша на лету подхватил значительность доводов. В ситуации "тогдашнего этапа" первым постулатом новой власти была забота о том, чтобы народ не считал ее "оккупационной властью", а "польской властью", несмотря на эмоциональное к ней отношение. План Бохенского был самым классическим планом соглашения между национализмом и коммунизмом. В тот же вечер Борейша улетел с готовым планом в портфеле.

*Петля или "легальная оппозиция"?* — Бежавший на запад в 1954 году крупный чиновник "Беспеки" Иосиф Святло представляет иначе тогдашнюю историю с Пясецким. Согласно его показаниям, Пясецкого, арестованного оперативным отделом НКВД, должны были судить и повесить не только за антисоветскую партизанскую войну на восток от Буга, но и за контакты, якобы имевшие место, с Гестапо. Пясецкий, спасая свою жизнь, написал Жимерскому докладную записку, которая должна была попасть в руки Ивана Серова, главы НКВД. Серов якобы заинтересовался предложениями Пясецкого и т. д. Вся эта история сильно упрощена. Она отвечала народным чаяниям, а не правде. Такого ро-

да дела решались на высшем, политическом, а не на полицейском уровне.

Согласно имеющимся у меня сведениям, дело это, как результат разговора между Борейшей и Бохенским, рассматривалось ответственными партийными органами. Пясецкого, действительно арестованного НКВД, поставили перед выбором: или петля, или "легальная оппозиция". Он выбрал это последнее. Что же касается Бохенского, то он перестал скрываться и стал директором национализированных пивоваренных заводов "Окоцим", как говорили, с "министерским окладом" (до войны он был владельцем пивоваренного завода в Поникве). И в данном случае не надо упрощать вещей, будто это была какая-то "плата за услуги". Бохенский поступал не как агент, а как политик. Обеим сторонам было важно, чтобы он мог вести себя как "независимый политик", быть материально обеспеченным и концентрировать всю энергию на вербовке идейных сторонников.

*Политическая линия.* — Все началось совсем не с раскола Костела, а с политической акции, которая для коммунистов была, понятно, тактикой "на данном этапе". В 1945—47 годах она вполне отвечала более поздней тактике Гомулки 1956—58 годов и производила аналогичные эффекты. РАХ делал в то время то, что сегодня делает ZNAK\*: "существует единая Польша; общие интересы; признание фактического положения". Но прежде всего — отрицание тезы "советской оккупации" и признание "польской государственности", хотя и под руководством коммунистов.

Коммунисты больше всего опасались подпольной активности. В Варшаве надеялись, что II Корпус будет ее поддерживать и вести. С этой целью уже в 1945—46 году в Рим едут графы Городынский и Лубенский. Они проникают почти во все эмигрантские центры. Это все ведется опять по тому же образцу, как и поездки эмиссаров времен НЭПа, послыаемых тогда из Минска и Киева в белорусско-украинские центры. Польским эмиссарам тоже удалось проникнуть в руководящие центры и установить "общую платформу" в пунктах наиболее важных на этом развивающемся

---

\* Католическая организация

этапе. Несмотря на советское нападение на Польшу, польское Конституционное правительство не считало себя в состоянии войны с Советским Союзом, оправдываясь известным тогда лозунгом: "спасение биологического существования народа". Это было время, когда военные потери в людях подавались в астрономических цифрах, чем особенно отличался РАХ, как в Польше, так и в эмиграции. ("Dziś i Jutro" однажды подало число погибших в Варшавском восстании свыше 700 000!). Известно, что в результате этого эмиграция отбрасывала всякую мысль о подпольной борьбе на родине и считала ее даже "provokaciją". Также принят был тезис: не международный коммунизм, а "Россия". Таким образом делались попытки затушевать сравнение с НЭПом, с попутничеством, со сменой вех или национальным коммунизмом. Зарождение общей платформы строилось на "позитивизме", на "органической работе", даже на "Велепольшине",\* на "краковских станьчиках",\*\* и проч. и проч. Все это, конечно, создавало приятный оттенок и моральную поддержку на манер прошлого века. Этим объясняется большой процент бывших консерваторов и титулованных особ в рядах РАХа.

*Агентура.* — Отличительной чертой коммунистических этапов является то, что они кончаются и переходят в следующие. Первый "политический этап" прошел для коммунистов удачно. Они решили, что наступило время для следующего: уничтожение Костела с применением тех же классических методов, которые после 1927 года заставили сломиться московского митрополита Сергия. Конечно, задача коммунистов в Польше была труднее, так как католический Костел опирался на центр, находящийся вне досягаемости советских властей, чего не имела православная Церковь, потому что экзуменический патриарх в Константинополе не то, что Римский Папа — он только "Primus inter pares".

Теперешняя роль Пясецкого началась только с момента

\* Происходит от фамилии Александра Велепольского, сторонника примиренческой политики по отношению к России.

\*\* Станьчик — шут короля Сигизмунда I (1506–1548). Прозвище "краковские станьчики" было дано в 1869 году польским деятелям, ратовавшим за примирение с австро-венгерским правительством.

окончания "политической линии" и перехода на линию непосредственного коммунистического давления. Мелких политических деятелей устранили за ненадобностью. Концепция "консервативной мысли" превратилась в агентурную практику. Внутреннее содержание коммунистического интернационала не аналогично политике монархий в XIX веке, разделивших Польшу. Каждый компромисс, раньше или позже, должен вылиться в агентуру, просто потому, что международный коммунизм не заинтересован в настоящем двустороннем компромиссе. Коммунизм не знает компромисса, ибо, если бы он его знал, то он не был бы коммунизмом... Он знает только тактику компромисса.

Согласно показаниям Юзефа Святло, Пясецкий был подчинен 5-му отделу Службы Безопасности, а именно женщине-полковнику Луне-Быстригер. Тут опять большое упрощение. Такие упрощения отвлекают внимание от сути дела. Пясецкий возглавил широкую политическую, психологическую и религиозную диверсионную кампанию. Учение Ленина было источником инструкций. Практически решения принимались партией, а не правительством, т. е. на высшем партийном уровне, а не на уровне Службы Безопасности в Варшаве или МВД в Москве. Изображать Пясецкого агентом, получающим деньги и инструкции от полковника Луны, значило бы умалить врага и придать правде оптимистическую окраску. Это было преднамеренным анахронизмом, переносящим агентуру "мировой социалистической системы" в область какой-то царской "Охранки", в чем особенно изошляются всякие польские версии. Никакая "Охранка" не сумела бы привлечь на свою сторону столько католических прелатов, сколько... безбожная коммунистическая агентура. Именно в этом кроется эта огромная органическая разница и одновременно — трагический парадокс.

Пясецкий получил далеко идущие концессии: уже в 1947 году возникло Общество Заграничной Торговли "INCO", возникли PAX и Veritas, с основным начальным капиталом в 3 миллиона злотых. Подрывная акция велась в двух направлениях: заграницей, главным образом во Франции, для привлечения "прогрессивных" католических кругов, и внутри Польши для раскола единства Костела.

Что же касается заграницы, то коммунистические пла-

ны подорвать римскую Церковь были смелы. Их можно со-поставить с деятельностью агентуры московской патриархии в орбите восточной Церкви. С этого времени начинаются бесконечные поездки во Францию и в другие страны испробованной пары Городинского-Лубенского и других. Прекрасный знаток международного коммунизма, доминиканец, профессор И. О. Бохенский, считал самым опасным лицом в этом ансамбле писателя Яна Добрачинского, книги которого пользовались популярностью на западе и среди эмигрантов.

Внутри, в Польше, громадная агентура развивалась в мощные организации и, по большевистскому образцу, приобрела аналогичный характер с "Живой Церковью" тридцатых годов. Образовались разные "Комиссии священников", организация "Священников патриотов" (ныне "Священников caritas") и т. д.

В 1950 году агентура захватила "Caritas". Провокаторскую роль сыграл там известный и по сей день восхваляемый в органах ZNAKa писатель Павел Ясеница. Была создана могущественная "католическая" прессы. Насколько она была "католической" судить можно по двум примерам.

Прелат, ксендз Ясельский из "Комиссии священников" выступил с проектом нового "итога совести", в котором был такой пункт:

"Сколько раз я молчал о тяжких грехах других, хотя должен был бы донести о них начальству или властям?" ("Kuźnica Kapłańska", № 4, 1955).

Прелат, ксендз Котарский на втором съезде "Комиссии священников" 23 ноября 1954 года, получив известие о смерти советского министра Андрея Вышинского, прокурора сталинских процессов, совиновника смерти миллионов людей, начал свое выступление такими словами:

"Сегодня утром пришло прискорбное известие о кончине министра Вышинского. Почтим же Его память... Имя Его это символ борьбы за мир... Он был большим другом Польши. Все человечество будет помнить эту благородную личность и вечно славить

имя неутомимого защитника мира. Да почтим же Его память!" ("Kuźnica Kapłańska", No 20, 1954).

Так выглядело это "католическое прогрессивное движение", которое после многочисленных реорганизаций, изменений и, в окончательном итоге, унификации переходит, наконец, под неделимое руководство Болеслава Пясецкого. Одновременно растут концесии и фонды, предоставленные в его распоряжение. Вскоре его будут называть "самым богатым частным лицом от Владивостока до Берлина". Во всем советском блоке нет человека, обладающего большими концессиями, чем Пясецкий.

*Магнат провокации.* — Прошли те времена, когда Азефа, провокатора на службе царской полиции, считали "королем провокаторов". Это были времена индивидуальных агентов и индивидуальных политических заданий. Теперь пришли времена массовых агентур и массовых заданий, не полицейского, а партийного характера. Пясецкий возглавлял именно один из таких коллективов провокации. В 1957 году все организации, товарищества, предприятия, издательства РАХа достигли рекордной суммы, исчисляемой в полмиллиарда золотых годового оборота.

Гомулка ликвидировал только заграничную агентуру РАХа, которая скомпрометировала себя окончательно в католических кругах Западной Европы вследствии разоблачения ее деятельности Ватиканом. Гомулка заменил ее другим составом лиц, а именно людьми из группы ZNAK.

## ФАРИСЕЙСТВО ИЛИ АГЕНТУРА?

Ленин был не только создателем классической тактики борьбы с верой в Бога. Ленин страдал комплексом — он не навидел Бога. В письмах к Горькому он называл Бога "разлагающимся трупом, который смрадом разложения заражает воздух всего мира". Победу, которую большевизм одержал

жал над православной Церковью в России, превратив ее в агентуру на службе у безбожной партии, принято приписывать русской традиционной структуре и безропотному повиновению всяким тиранам. Однако один малоизвестный эпизод показывает, что православная Церковь в России была единственной христианской Церковью, которая, в границах большевистского владычества, объявила открытую войну коммунизму и выступила не только как "жертва преследований", но и как открытый его враг. 19 января 1918 года Патриарх Тихон предает большевиков анафеме:

"Властью, данной нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафемствуем вас, если вы только носите еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной".

С этого начался, в свое время известный, большевистский антирелигиозный террор, который как будто даже не укладывался в рамки эластичной тактики Ленина. Он был вызван фактом открытой войны. Католический Костел в Польше, после его захвата большевиками в 1945 году, не думал о борьбе с коммунистами. Как раз наоборот, с самого начала был вполне лоялен к новым властям, несмотря на то, что в эмиграции существовало законное конституционное правительство.

Когда сегодня читаем о том, как западные державы обманули польский народ и отказались признать законное польское правительство в Лондоне, то трудно, даже не разделяя политики этого правительства, побороть чувство глубокой подавленности и грусти перед лицом вопиющей несправедливости. Не будем здесь доискиваться, по каким соображениям государственного порядка католический Костел, будучи отделенным в Польше от государства, перестал признавать конституционное правительство этого государства, а признал "*de facto*" и, как видно из последующих документов и деклараций, также и "*de jure*" коммунистическое правительство. На внутренние отношения в стране это имело большее влияние, чем отказ от признания эмиграционного правительства западными державами.

Большевики воспользовались этой благоприятной для них ситуацией, применили классическую тактику по отношению к Костелу, испробованную уже на примере Церкви, но это не привело его к капитуляции. Однако коммунисты добились крупных уступок со стороны епископата, не только благодаря подрывной агентуре РАХа, но и в результате соглашательской политики лиц, сгруппированных вокруг "Еженедельника для всех".

Существует единственное искреннее отношение к Богу: глубокая вера в то, что Бог видит все деяния человека и проникает в его мысли. Человек, утрачивающий чувство этого вседесущего Знания, в личной или в общественной жизни, и прикрывающийся именем Бога для маскировки личных или политических целей, именуется фарисеем. Люди из РАХа, равно как и из ZNAK'a, прекрасно знают, что конечная цель коммунизма уничтожение на земле всякой веры в Бога. РАХ стал вскоре явной агентурой, работающей на пользу коммунизма, и потому его трудно обвинять в фарисействе. Иначе дело обстоит со ZNAK'ом.

*Группа ZNAK.* — Группа "Еженедельника для всех", которая составляет костяк сегодняшнего ZNAK'a, никогда не ознаменовывалась борьбой против коммунизма, как это часто высказывалось в эмиграции. Совсем наоборот — с самого начала она стремилась к "modus vivendi"; ее целью был компромисс с коммунистами. В принципе ZNAK, а не РАХ, отвечал сущности соглашения Борейши и Бохенского. Если лица из "Еженедельника для всех" не достигли своей цели во времена Берута, то произошло это не по их вине, а было результатом другой цели, к которой стремились коммунисты.

Вначале католики из "Еженедельника для всех" шли открыто вместе с РАХом. Только после того, когда Пясецкий и его товарищи переменили курс с "политического этапа" на этап явной агентуры, наступил раскол, так как группа "Еженедельника для всех" пыталась и дальше удержаться на "политическом этапе", который давал возможность оказывать влияние, с одной стороны, на массы верующих, а с другой стороны, на епископат. Настроение было (и продолжает быть) таково, что массы верующих готовы были в любую минуту поддержать Костел в его возможной борьбе

против коммунистов. Итак, самой большой заботой этой "политической" группы было устранение возможности этой борьбы и оказывание влияния на епископат, чтобы он неосторожным обострением ситуации не вызвал взрыва. А открытая диверсия РАХа затрудняла такой путь к "политическому" соглашению. В этом заключается разница взглядов, которую зачастую ошибочно оценивали на Западе и в эмиграции.

Когда Берут признал первый "политический этап" законченным и решил перейти к следующему, он считал, что попутчики и сторонники компромисса сыграли свою роль, и приступил к ликвидации группы "Еженедельника для всех".

*Договор от 14 апреля 1950 года.* — В этот день был подписан договор "между Костелом и государством", который можно считать крупной победой коммунистов. Этот договор захватил Ватикан врасплох и был принят там с удивлением. То, что произошло дальше со стороны коммунистов, не было, как принято считать, "вопреки договору", а наоборот, было логичным результатом этого договора. Коммунисты считают, что Костел стоит в преддверии капитуляции и увеличивают давление. Наступает период жестокого преследования. В 1952 году епископов принуждают принимать присягу; 9 февраля 1953 года издается декрет о праве государства назначать своих кандидатов на церковные должности, что уже является вторжением в "forum internum" церковной юрисдикции; 26 сентября 1953 года арестовывают примаса Вышинского. Двумя днями позже епископы Клепач и Хороманский подписывают от имени епископата заявление, которое никогда не было опубликовано в зарубежье. Это был унизительный акт, который, вместо протesta против ареста примаса и против преследований, содержал верноподданические заверения по отношению к коммунистической власти. Что касается исторической аналогии, то этот акт похож по содержанию и духу на капитуляционную декларацию митрополита Сергия в 1927 году.

Это был кульминационный пункт угнетения Костела в Польше, и коммунистам казалось, что они достигли полного его распада, действуя по образцу, который применяли к

московской патриаршей Церкви. Но тут они ошиблись. Ошибка в расчете заключалась в том, что в России в их руках был представитель самого высокого духовного сана, потому что, как мы уже упоминали, константинопольский патриарх является только "primus inter pares", а не главой восточной Церкви. Главой же западной Церкви является Римский Папа, и польский Костел подчиняется ему. Руки коммунистов оказались слишком короткими. Конечно, у них была могущественная организация РАХ, готовая по мановению руки создать "государственный Костел" к услугам партии, но было ясно, что весь католический народ не пойдет на разрыв с Ватиканом, а скорее уйдет в катакомбную Церковь. Это разрушило бы все расчеты. Начались бешеные нападки на благородную личность непоколебимого Папы Пия XII, которые все же не вывели коммунистов из тупика. Вскоре пришла оттепель, а затем и Гомулка в Польше.

*Не было никакого нового договора между Гомулкой и Костелом.* — По общему убеждению, после освобождения Вышинского, между ним и Гомулкой был заключен в декабре 1956 года какой-то новый договор. Ничего подобного не произошло. Договор от 14 апреля 1950 года был подтвержден целиком и полностью, даже не в пользу Костела: пункт "б" статьи 10, относительно молитвы в школах, был вычеркнут. Кроме того, были сделаны незначительные стилистические изменения в известном декрете о праве государства назначать своих кандидатов на церковные должности. Сам же декрет остался в прежней силе. Суть этого знаменитого "соглашения" заключалась в ином. А именно, в торжественном обещании Гомулки сдержать обязательства, возложенные на власть договором от 14. 4. 1950 года. Взамен он требовал поддержать на выборах единственный коммунистический список.

Епископат поддержал выборы. Это был первый случай в истории, когда римский Костел пошел на такое тесное сотрудничество с коммунистическим правительством. Со своей стороны Гомулка тоже сдержал свое обещание. Сделал это в духе указаний Ленина, который на VII съезде партии в 1919 году предостерегал против борьбы с религией, когда имеются для решения "более важные проблемы".

Казалось, пришло время для сторонников соглашательства и компромисса и кончились концессии для платной агентуры РАХа. Возникает "Клуб Прогрессивной Католической Интеллигенции" под руководством Е. Завейского, который заявляет:

"Мы отдаляем себе отчет, что Союз Польской Рабочей Партии (PZPR) это единственная сила, способная управлять судьбами народа. Выражаем ей доверие и желаем с ней сотрудничать..."

*Конкуренция.* — Вскоре при сейме создается клуб ZNAK во главе с членами "Государственного совета" Завейским, Станиславом Стомма и Стефаном Киселевским. Но их ждет разочарование. Гомулка, конечно, не так глуп, чтобы отказаться от своей "живой церкви". Он продолжает ее сохранять, чтобы, в случае необходимости, иметь возможность угрожать ею Костелу и тому же ZNAK'у. С этого момента начинается конкуренция между ZNAK'ом и РАХом на первенство доверия коммунистической партии. Конечно, такое соревнование как нельзя более на руку коммунистам. ZNAK своей политикой старается убедить коммунистов в таком, более или менее, духе: "Зачем вам поддерживать псевдокатоликов, скомпрометированных агентов, когда мы, подлинные католики и одновременно реальные политики, идем на любое политическое сотрудничество с вами". Как известно, "убедить" коммунистов невозможно; можно лишь быть пригодным или непригодным для их тактики на "данном этапе". Гомулке выгодно было на данном этапе удержать обе группировки. Пясецкий по-прежнему остается "самым богатым человеком" от Берлина до Владивостока, а ZNAK нацеливает наступательную операцию на европейский Запад.

*Представительство прокоммунистического фарисейства.* — Гомулка совершил своеобразную "эволюцию": заграничную агентуру заменил фарисейством. Вместо неспособных и немного комических личностей, вроде Городынского, на Западе появляются теперь серьезные люди с большой богословской эрудицией и с политическим опытом. О них вслух не говорят, что они агенты, но тихо их называют

людьми, "стоящими близко к примасу". А они иногда протестуют, а иногда делают вид, что не слышат этого шепота...

9 мая 1957 года Киселевский выступает на "Congrès pour la liberté de la culture" в Париже; 13 мая Стомма — в "Centre intellectuel des catholiques français"; 15 мая Завейский дает интервью "le Monde". Все это происходит на французской территории под покровительством того же Мориса Воссара, который прежде занимался гостями РАХа. Текст всех выступлений был копией известных тезисов эмиссаров РАХа: польские католики признают режим; Польша хочет оставаться в Социалистическом лагере; Костел должен включиться в крупные перемены, которые вводят социализм, а не костенеть в консерватизме и клерикализме.

"Жизнь Варшавы" дает такую политическую оценку этим выступлениям:

"Киселевский, Стомма, Завейский и другие из группы ZNAK устраниют заграницей чудовищные заблуждения в отношении социализма и способствуют созданию климата сосуществования" ("Życie Warszawy", 3. 2. 1959).

Как раз в то время, когда польская эмиграция и американцы польского происхождения стараются добыть кредиты и обеспечить поставки "польскому народу", когда коммунистическое правительство, алчущее твердой валюты, обкладывает подарочные посылки семьям в Польше драконовской пошлиной и сводит к минимуму поездки частных лиц за границу, мы знакомимся со списком делегаций заграничных представителей ZNAK'a:

"Ежи Завейский едет на конференцию Межпарламентского объединения в Лондоне и на международную конференцию католических парламентариев в Лурде. Станислав Стомма — в Италию, Францию и в страны Южной Америки. Мирон Колаковский — в Финляндию как член парламентской делегации. Павел Квочек — с делегацией в Бельгию. Ванда Пененжная — в ГДР и в Вену на конференцию женских организаций. Константин Лубенский — на конференцию Межпарламентского объединения в Лондоне и на заседание Со-

вета объединения в Ницце. Летом 1960 года 'Поезд Мира и Дружбы' направляется в Советский Союз, и среди остальных везет группу ZNAK в составе 10 человек. Наиболее подвижный Стефан Киселевский уже в 1957 году появляется во Франции и в Англии, в 1958 году — в Румынии, в 1960 году — в Дании, Франции, Италии, Швейцарии и Германии; в 1961 году он 'знакомится с достижениями' Советского Союза; в 1962 году опять едет во Францию и в Западную Германию".

Помимо вышеуказанных заграничных делегаций, в самой Польше устраиваются приемы и встречи католических групп со всего света. В роли хозяина выступает Клуб католической интелигенции из ZNAK'a. Отправляются торжественные богослужения, читаются рефераты и проводятся дискуссии такого характера, как например, о "разложении в Соединенных Штатах", о "разложении в Западной Европе", о "лучшем взаимопонимании и плодотворности сотрудничества" и т. д. А прежде всего, согласно последним советским постулатам иностранной политики, об угрозе мира со стороны немецкого ревизионизма.

Но вернемся к хронологическому изложению событий.

*Первый раунд.* — В 1958 году Гомулке показалось, что созрело уже время воспользоваться плодами компромисса с епископатом и, подобно Беруту, он переходит к следующему этапу на пути преследования Костела (известное вторжение в Ясногорский монастырь и т. д.). Агентура РАХа с места одобряет все распоряжения коммунистов. С внешней стороны ZNAK их не одобряет, но за кулисами делает лихорадочные усилия, чтобы повлиять на ...епископат "в духе уступок и компромиссов". 27 августа 1958 года Завейский дает очередное интервью газете "Le Monde", в котором заявляет, что "не может быть даже никакой речи о каком бы то ни было преследовании Костела в Польше". Выглядит так, что первый раунд состязания с РАХом проигран. Но вдруг все изменяется.

*Заслуга Стоммы.* — 9 октября 1958 года умирает большой враг коммунизма, великий Папа Пий XII. Москва, перед лицом новых тактических возможностей, приказывает прекратить гонения на религию. ZNAK сразу получает тай-

ные (соответствующее распоряжение выходит только двумя днями позже, 7 ноября 1958 года) концессии на печатание книг религиозного содержания. Одновременно Стомма, вооружившись дипломатическим паспортом, отбывает в Рим в свите, сопровождающей кардинала Вышинского.

Польское посольство в Ватикане было всегда сущком в глазу для коммунистов. Это, в свое время, вышло особенно ярко наружу на процессе епископа Карчмарека. Закрытие посольства было "sine qua non". Ни для кого не тайна, ...разве что для польской эмигрантской печати, что при вмешательстве кардинала Вышинского, при активных хлопотах Стоммы, было ликвидировано последнее представительство Польши в Ватикане. Одновременно ликвидировали и посольство свободной Литвы. Это был сверхплановый, мило принятый подарок Москве.

Опять начинается новая эра ZNAK'a благодаря доверию, которое он приобрел в кругах коммунистической партии. Вице-председателем становится Константин Лубенский, самый деятельный агент РАХа за границей времен Берута, награжденный коммунистической версией ордена "Возрождения Польши". На первый план выдвигаются, однако, Стомма и Киселевский. ZNAK получает на родине концессии, среди прочих прибыльную фирму "Libella" на основах промышленных предприятий РАХа. В эмигрантской прессе становятся популярными статьи членов ZNAK'a.

*Второй раунд.* — Во втором раунде соперничества с РАХом направление ZNAK'a не оставляет уже никакого сомнения, так как оно все менее и менее маскируется:

"Мы живем, когда линия правящей партии совпадает с интересами народа..." ("Tygodnik Powszechny", 4. 9. 1960).

"Политика Народной Польши поконится на крепком фундаменте; она выбрала союз, отвечающий интересам народа. Это союз с Советским Союзом" (Речь Стоммы в сейме. "Życie Warszawy", 22. 10. 1960).

"Католицизм должен побороть окостенелость, рутину, консерватизм..." ("Tygodnik Powszechny", 6. 2. 1961).

"Мировая американская система медленно разлагается... Только тесный союз с Советским Союзом мо-

жет дать нам силы... Самой важной проблемой нашего национального существования является осознание всеми этого факта и убеждение общества в правоте так понятых государственных интересов” (*Там же*, 4. 9. 1960).

Конечно, это только цитаты. На страницах “Журнала для всех” и “Знака” они украшены богатым красноречием, зачастую показывают высокий уровень эрудиции, философских размышлений, составлены с фарисейской утонченностью, тщательно дозированной и распределенной по плану на такие понятия, как, например, “реальная политика”, “государственные интересы”, “позитивизм” и т. д. Все они, однако, сводятся к одному основному заключению:

“Мы многократно утверждали..., что общее направление социально-политического развития Польши после Второй мировой войны считаем правильным. Осуществленные перемены в Народной Польше создали у нас, наконец, здоровую структуру...” (Из речи Стомма от имени ZNAK’а *“Życie Warszawy”*, 20. 5. 1961).

Если мы сравним эти высказывания с высказываниями группы Пясецкого 1945—47 годов, то увидим, что в них нет ничего нового. Все это мы читали в свое время в газетах РАХа, изложенное, может быть, в форме менее ханжеской и менее проникнутой духом мнимой заботы о благе католицизма:

“Правда — всегда Божия, всегда Христова, всегда католическая, наша. Хотя она носит признак иного мировоззрения. Открой широко двери и окна... Не бойся признать правоту, признать людей и радоваться им... даже, если они не верят в Бога” (Ксендз Мечислав Малинский, *“Tygodnik Powszechny”*, 21. 5. 1961).

Что и говорить! Искренние, красивые слова!  
На трибуну сейма выходит католический представитель ZNAK’а, Тадеуш Мазовецкий, и заявляет:

”17 лет развития народного образования принесли Польше громадные общественные достижения... Это небывалое развитие образования не дело случая, а вытекает из основ нашего социалистического строя...”

*Агентура № 2.* — Закон наклонной плоскости един для всех. Кто раз вступит на нее — катится дальше. Так и теперь, мы наблюдаем, как группа ZNAK скатывается с ”политического этапа” через ”этап фарисейства” на этап явной агентуры. Об этом свидетельствует и содействие всем требованиям заграничной политики коммунистического содружества и диверсионная акция как в католических, так и в эмигрантских кругах на Западе.

8 октября 1961 года ”Еженедельник для всех” выступил с обширной статьей под заглавием ”Предложения для эмиграции”. Предложения эти в точности совпадают с инструкциями бывшего ”Комитета Михайлова” в Восточном Берлине, теперь ”Комитета для связи с соотечественниками за рубежом”, предназначенного для диверсионной акции среди эмигрантов из Советского Союза: ”Поддерживайте интересы ’родины’ за рубежом...” Они отличаются лишь высшим уровнем, более совершенной, а потому и более эффективной, формой. В мартовском номере 1962 года парижская ”Культура” поместила ”Письмо в редакцию” Стефана Киселевского, содержащее по существу точно те же самые мысли, которые 40 лет назад распространялись ”Трестом” ГПУ: ”Нынешний коммунизм это фактически ’американизм’ для бедных...”, ”Польские коммунисты ничто иное, как только представители польской (государственной) восточной ориентации...”, они ведут ”конструктивную политику с Россией...”, ”открывают широкие возможности”, так как ”коммунизм становится pragmatическим и либеральным”, мы являемся ”свидетелями универсальной эволюции коммунизма”. ”Все думающие члены партии стремятся к преобразованию системы, демократизации и к либерализации, к ограничению ее тотальности...”; ”начинается органическая работа обновления...”. А отсюда и главный вывод: нужно только прекратить всякую антисоветскую и антикоммунистическую деятельность!

И наконец, в июньском номере ”Культуры” (1962) тот

же представитель эволюционного фарисейства, Стефан Киселевский, сообщает эмиграции радостную весть:

”Для меня символом практического подхода является премьер Хрущев. К счастью, этот человек не философ... У него попросту есть глаза и он пользуется ими. Эмпирик! Как это утешительно!”

Во всем этом, принятом довольно скептически эмиграцией, найдется, однако, одна деталь, которая уже непосредственно подействует на воображение ”польреалистов”:

”...в нашем углу жалкого полуострова, называемого Европой, у польского народа по-прежнему нет другого выбора, как только выбор между Россией и Германией”.

Наивно было бы думать, что Стефан Киселевский мог себе позволить поддерживать тезис, противоположный тезису ”социалистического лагеря”, если бы такого рода предложения не лежали в сфере тактических интересов его доверителя, т. е. коммунистической партии.

## ВТОРАЯ БОЛЬШАЯ ПРОВОКАЦИЯ

*Значение слов.* — Неверно, что подбор слов не имеет существенного значения. Иногда он имеет огромное значение. Когда в 1927 году говорилось, что московский Митрополит Сергий ”пошел на соглашение с большевиками”, то звучало это омерзительно. Когда же теперь говорится, что дошло до ”соглашения между Костелом и государством”, то это звучит внушительно и достойно. В обоих случаях суть остается та же самая. Человека, сказавшего: ”Я решился пойти на попутничество с международным коммунизмом” — перестанут считать политиком, но сказавшего: ”Я решил посвятить

себя органической работе у себя в стране", — будут считать реальным политиком. То же касается замены таких слов, как "коллаборационизм" словом "позитивизм", "советизация" — "структурными переменами" и т. д. Во всех этих случаях именование Народной Польши не провинцией коммунистического блока, а польским государством, является предварительным условием, оправдывающим всякий компромисс. Потому уже в 1945 году, с первых шагов по наклонной плоскости, в эмиграции перестали употреблять такие определения, как "польские коммунисты", "польские большевики" или "коллaborанты", "советские Квислинги" и т. п., а подобрали многозначащее и туманное определение: "режим". Слово это, употребляемое без прилагательного, подсказывало, что дело тут в "режиме", господствующем в... польском государстве.

*Гомулкизм.* — На фоне таких декораций Владислав Гомулка, старый большевистский агент, разыграл свою игру.

Арестованный в 1932 году польской полицией в Лодзи и приговоренный к 7 годам тюрьмы, уже через год, на основании польско-советского пакта об обмене заключенными, Гомулка проходит специальные курсы по диверсионной деятельности. Тремя годами позже, через Данию и Германию, его опять перебрасывают в Польшу для расширения подрывной работы. Вторично арестованный в 1936 году, он просидел в тюрьме до начала войны 1939 года. В силу негласного соглашения между гитлеровскими и советскими оккупантами, гитлеровцы выпускают Гомулку в советскую оккупационную зону. Он проживает в Галиции, где, следуя партийным инструкциям, воздерживается от какой бы то ни было антигитлеровской работы и продолжает вести пропаганду против "буржуазной Польши". В 1943 году, по приказу из Москвы, он отправляется в Варшаву для восстановления там польской коммунистической партии под вывеской Польской Рабочей Партии. Дальнейший ход событий известен. Уже во время оккупации, между Гомулкой и Берутом начались трения из-за разницы взглядов на тактику. Позже неприязнь между ними обострилась настолько, что привела даже, уже в Народной Польше, к временному аресту и заключению Гомулки. Случай, как известно, не являющийся исключением во внутренне-партийных отношениях.

Однако между ними никогда не было никаких разниц идеологического характера. Гомулка, будучи умнее Берута, был сторонником более эластичной тактики, обещающей большую эффективность. Берут же, выпускник Иностранного отдела НКВД, придерживался более тупой, окостенелой тактики.

Вся эмоциональная жизнь Гомулки прошла в борьбе за подчинение Польши Советскому Союзу, в борьбе с государственностью независимой Польши. Отсюда вытекает его неоспоримое большое знание поля деятельности и психологии противника. Его можно было бы смело назвать "польским Лениным". Умерший в 1948 году русский философ Бердяев утверждал, что главным стимулом деятельности Ленина была ненависть к политическому строю в России и стремление к его уничтожению. Этой главной цели Ленин подчинил все остальное. Гомулка тоже посвятил все одной цели — эффективной тактике.

*Гениальная мистификация.* — Гомулка всецело оперся на указания Ленина. В 1916 году Ленин в дискуссии с Розой Люксембург и Пятаковым высказал свои известные мысли о "разных путях к социализму" и об "однообразной серости" тех, кто хочет переменить все по единому образцу. На VII съезде партии, 19 марта 1919 года, Ленин сказал:

"Один из польских коммунистов, когда я сказал ему: вы сделаете это иначе, — ответил мне: 'Нет, мы сделаем то же самое, что и вы, только сделаем это лучше вас'."

Ленин был очень доволен этим ответом. То, что сделал Гомулка, в сущности, не могло сильно отличаться от того, что делал Берут. В каком-то смысле первый этап Берута был гораздо более "либеральный", чем "польский октябрь" Гомулки. Во время этого первого этапа "Голос народа" писал:

"Мы отбрасываем, как фантастические и просто провокационные, клеветнические измышления врача о том, будто партия стремилась к коллективизации хозяйства... Мы твердо придерживаемся частно-

го крестьянского хозяйства. Наша партия никогда не выдвигала лозунга коллективизации и в своей программе не предусматривает коллективизации. Нельзя отрицать факта, что реакции удается затуманить умы некоторых крестьян" ("Głos Ludu", 6. 5. 1945).

А тогдашнее "соглашение с Костелом" зашло так далеко, что Берут (старый агент ИНО НКВД) восседал в первом ряду на торжественных богослужениях в дни государственных праздников; принимал присягу: "Да поможет мне Бог..."; некоторые министры и милиция принимали участие в Крестном ходе на празднике "Божьего Тела" и т. д. Но Берут судорожно придерживался инструкции о разделении этапов, и его дальнейшая тактика была окостенелой и отличалась "односторонней серостью". Гомулка выбросил за борт ошибки Берута и решил сделать "то же самое, но лучше". Суть тактики Гомулки была в том, что он, опираясь на старые образцы НЭПа, применял их к фактическому положению. С рукой на пульсе и с ухом, приложенным к живому телу Польши, он безошибочноставил диагноз и намечал действия, ведущие к непосредственной цели. Таким образом он добился почти гениальной мистификации и такой степени солидарности широких слоев населения с партией, какой не добился, пожалуй, ни один из коммунистических вождей. Это позволило ему бескровно спасти коммунизм в Польше в критическом для него 1956 году и снискать себе заслуженную благодарность со стороны международного коммунизма. Вот что скажет об этом в 1960 году делегат итальянской партии Луиджи Лонго на 81 совещании коммунистических партий в Москве:

"...правильный был анализ политических причин венгерской контрреволюции и событий в Польше. Анализ был смело проведен представителями международного коммунистического движения, а в первую очередь дельными товарищами, ныне руководящими братской польской партией".

Но несмотря на все, труд Гомулки можно справедливо назвать великим, так как он взялся за выполнение огромно-

го задания, а именно за перевоплощение Польши из традиционного так называемого "преддверья христианства", направленного острием на восток, в исходный редут международного коммунизма, направленного острием на запад. Польская Народная Республика стала витриной "хорошего коммунизма" и одновременно мистификацией "эволюции", обманывающей западное мнение гораздо эффективней, чем это удалось сделать старой провокации "Треста" ГПУ.

*Хрущев назначает Гомулку.* — "Народная Польша" это не польское государство. Польская Народная Республика (ПНР) это не продолжение истории Польши, а продолжение большевистской революции 1917 года. ПНР это не продолжение польской государственности, а продолжение и неотъемлемая часть коммунистического блока. Гомулка пришел к власти, как до него должен был прийти Мархлевский, как потом пришел Берут — не вопреки намерениям коммунистического центра в Москве, а по его назначению.

16 февраля 1956 года в Москве открылся XX Съезд Партии, на котором Хрущев произнес свою знаменитую антисталинскую речь. 12 марта созывается заседание ЦК Партии в Варшаве, на которое приезжает Хрущев и назначает секретарем партии Охаба. Охаб вполне "человек Хрущева". Затем следуют хорошо известные события, которые сотрясают монолит коммунистической партии. В июне 1956 года в Познани вспыхивает антикоммунистическое восстание. Гомулка, благодаря вмешательству Хрущева уже выпущенный из тюрьмы как "антиберутовец" и "антисталинец", выдвигает концепцию: отменить первые распоряжения Циранкевича насчет познанского вопроса, а познанское восстание видоизменить, т. е. придать ему черты не "антикоммунистические", а "антисталинские", что вполне отвечает линии Хрущева. 18 июля 1956 года Охаб выступает на 7-ом Пленуме ЦК в Варшаве с пламенной речью, восхваляющей Хрущева. Но Охаб, равно как и другие товарищи — старый набор Берута. Принимая во внимание брожение в стране, надо обязательно выдвинуть "нового человека". Гомулка не только новый человек, но что важнее, "антиберутовец" с установленной репутацией. В данный момент трудно себе представить кого-либо более подходящего. И вот он выдвигается в *кандидаты* на пост первого секретаря партии. Но

кем? Безусловно по соглашению между Охабом и Хрущевым. Но, обратите внимание, — пока в *кандидаты*. Окончательное назначение зависит от Хрущева.

19 октября 1956 года Охаб созывает 8-й Пленум, который должен не только выбрать нового секретаря партии, но решить также всю будущую тактическую линию, быть может, даже и дальнейшую судьбу ПНР. Поэтому, ничего удивительного, что перед лицом таких важных решений в Варшаву прибывает президиум партийного центра: Хрущев, Каганович, Микоян и Молотов. Положение в стране напряжено до крайности. Вопрос стоит о спасении коммунизма в Польше. О том, как прошел 8-й Пленум известно из отчета в "Новых дорогах" ("Nowe Drogi", No 10, 1956):

Охаб встретил Хрущева в аэропорту. После разговора с ним Охаб объявил на Пленуме, что Политбюро собирается выдвинуть Гомулку на пост первого секретаря. Одновременно он предложил прервать заседание до 18 часов.

*Тов. Яворская* — Почему заседание нужно отложить на вечер?

*Тов. Охаб* — Нам необходимо переговорить с делегацией президиума КП Советского Союза.

*Тов. Яворская* — Вношу предложение, чтобы до перерыва заседания провести выборы... (первого секретаря партии).

Предложение Яворской поддерживает одна только тов. Тартакова. Оно не проходит. Большинство голосов — 61 — против предложения, 2 женских голоса — за предложение. Конечно, все присутствующие, кроме этих двух женщин, отдают себе отчет в том, что результат "выборов" зависит от решения Хрущева. Только один осмелился задать вопрос:

*Тов. Гранас* — Может ли Пленум узнать, что будет темой разговоров Бюро с делегацией?

*Тов. Охаб* — Вопрос польско-советских отношений.

Если принять во внимание, что речь идет о "независимой партии" "независимого государства", то вопрос и ответ весьма характерны своим лаконизмом...

Но Гомулка не член Политбюро. Поэтому, Охаб вносит добавочное предложение, чтобы товарищ Гомулка тоже "пошел на переговоры".

"Кто за предложение?.. Хорошо. Кто против? Возражений нет". — Режиссура поистине достойна первых лет ленинского большевизма. Как видим, с начала до конца она была оформлена Охабом, "человеком Хрущева".

Заседание с советской делегацией затягивается далеко за 6 часов вечера. Ничего удивительного. Ведь дело касается установления политики в решающий момент. Ход заседания нам неизвестен. Мы узнаем только будущую политику Гомулки. Несомненно он должен был ознакомить с ней Хрущева и получить его полное одобрение, так как в противном случае результат заседания Пленума на следующий день, 20 октября, был бы несомненно иным, чем это имело место. А произошло это так.

На тайном голосовании членов Политбюро Гомулка получает 74 голоса, т. е. столько же, сколько получает Логиновский, но меньше Охаба, получившего 75 голосов. В голосовании на выборах членов Секретариата ЦК Гомулка опять получает только 74 голоса, столько же, сколько Яросинский, но меньше Охаба и Герека, которые получили по 75 голосов. В обоих случаях Пленум не поставил Гомулку на первое место. Тогда встает Охаб и заявляет:

"Предлагаю, чтобы выборы первого секретаря были явными... Кто против? Не слышу... Политбюро предлагает выбрать... товарища Владислава Гомулку. Кто за, поднять руки. Кто против? Возражений нет".

Гомулку "выбрали", а Хрущев с товарищами спокойно вернулся в Москву. Так было на деле. Все остальное, вся несусветная легенда о мнимом столкновении Гомулка — Хрущев была от начала до конца коммунистической провокацией, рассчитанной на использование ее в мире и среди поляков, и разыгранной на фоне господствующих в Польше настроений. В этом наводнении слухов единственной правдой был факт концентрации войск в стране. Он не подлежал никакому сомнению. Войска эти были направлены, однако, не против Гомулки, а на его защиту. Не против "польского

пути к социализму”, а против народа, желающего уничтожить всякий ”социализм” в Польше. В действительности, благодаря тактике Гомулки, применять эти войска не потребовалось.

”Национальный герой”. — Версия, не будучи официальной, но вскоре ставшая обязывающей, звучала в сокращении так: ”Гомулке пришлось действовать в ситуации, навязанной ему Советским Союзом. Поэтому он хочет любой ценой спасти Польшу от советских танков. У него нет иного выхода, как официально объявить польско-советскую дружбу. Взамен он выторговал у Хрущева ’польский путь к социализму’, обещая ему, что не допустит до контрреволюции. Потому каждое антисоветское, антикоммунистическое выступление может свести на нет всю патриотическую работу Гомулки и спровоцировать ’венгерские события’. Потому общество должно поддерживать Гомулку и не поддаться провокации. ’Польский октябрь’, ’своя, польская дорога к социализму’ — это только первый этап революции, после чего наступит дальнейшая либерализация и обретение независимости от ’России’.” В Польше наступило спокойствие, а схема вышеупомянутой версии стала обязывающей не только в Польше и в эмиграции, но и во всем свободном мире. В глазах некоторых ”польреалистических” сфер Гомулка вырос почти до звания национального героя. Тем более потому, что Москва не только не послала танков, но даже отзовала Рокоссовского.

”Попросту”. — Придя к власти, Гомулка поставил себе первой задачей разрядить переливающиеся через край антикоммунистические настроения в стране. Для этого он установил своего рода громоотвод с целью отвести эти настроения в направлении, желательном для партии, т. е. обезвредить антикоммунистические элементы и передать инициативу в руки коммунистов. Сделать это надо было таким образом, чтобы накопившаяся в народе критика направлялась не против коммунистического строя, а против лиц, представлявших его ”до октября”. Против ”сталинцев”, ”партийных консерваторов” и прочих, одним словом, против тех, кого сам Гомулка хотел убрать. Не против принципа, а против метода выполнения принципа. Не против доктрины, а против бюрократов доктрины. Не против

коммунизма, а против его толкования. В результате этой политики, молодежный коммунистический орган "Попросту" получил разрешение на, казалось бы, неограниченную критику.

Утверждение, что "Попросту" было явлением спонтанным, конечно, совершенный абсурд. В условиях коммунистической системы никто не может издавать печатные органы независимо от партии. Для этого нет даже технических возможностей. Если бы существовала свобода прессы, то безусловно появились бы десятки газет, однако, ни одна газета такого рода не появилась. "Попросту" только на вид выходила из рамок допустимой критики, поэтому энтузиазм, вызываемый этой критикой, не приносил вреда ни в стране, ни за границей, а шел на пользу коммунистам. "Попросту" критиковал элементы, враждебные партии, и страстным требованием "исправления строя" отвлекал внимание от требования "ниспровержения строя". Кроме того, можно без преувеличения утверждать, что 90% популярности на Западе, разложением эмиграции изнутри и — кто знает — даже нынешним американским кредитом от Госдепартамента, восхищенного подтверждением правильности своей тезы об "эволюции коммунизма", — всем этим Гомулка обязан "Попросту". Когда наступило предусмотренное время закрытия "Попросту" и когда начали разгонять студенческие демонстрации, можно говорить о переходе к следующему этапу.

Дальнейшая "эволюция". — Она привела не к ослаблению уз ПНР с Советским Союзом, а наоборот, к еще большему сплочению, так как возник новый фактор, а именно — личное доверие и дружба между Хрущевым и Гомулкой ("Наш дражайший друг и товарищ").

Кульминационным пунктом в этом направлении можно считать "Совместное польско-советское заявление" от 22 июля 1959 года. Впервые был употреблен оборот, которого по тактическим соображениям избегали в официальных декларациях даже во времена Сталина-Берута. А именно, что Польша идет к полному коммунизму. Буквально торжественный текст звучал так:

”У народов СССР и Польши, как и всех социалистических стран, общая великая цель — построение коммунистического общества” (“Правда”, “Монолитное единство социалистических стран”, 25 июля 1959 года).

Следующее коммюнике ”Правды” за 25 июля 1959 года опять рассеивает всякие иллюзии:

”Народам Советского Союза и Польше светит... (и т. д.) ...с уверенностью и с воодушевлением они строят светлое будущее человечества — коммунизм”.

Через полтора месяца, 4 сентября 1959 года, на приеме в варшавском посольстве в Москве, который был дан по случаю промышленной выставки, Хрущев заявляет:

”Хотя товарищ Гомулка отсутствует здесь, мысленно он с нами... Мы желаем ему доброго здоровья, а остальное он все сам сделает... Мы считаем, что сегодня отношения Советского Союза с Польшей, с руководством Польской Народной Республики так хороши, как никогда раньше. Эти отношения теперь шире, глубже и крепче, чем когда бы то ни было в прошлом... Мы идем одной дорогой, указанной Марксом, Энгельсом, Лениным и придем к заветной цели — к построению коммунистического общества” (“Правда”, 5 сентября 1959 года).

Оптимистические предсказания Запада до сих пор не оправдываются. Американская помощь (“польскому народу”) идет на укрепление экономического потенциала коммунистического блока. Даже большая часть американского зерна идет на выкармливание убойного скота, а мясные продукты экспортируются по ценам ниже рыночных для приобретения твердой валюты. За эту валюту посылают ”польских инструкторов”, иными словами коммунистических агентов, в Нигерию, Либерию, Сенегал, Конго, Гану и т. д. Оттуда везут студентов на учебу в Варшаву и таким способом активизируется во всем мире коммунистическая инфильтрация. ПНР поддерживает ”лумумбовцев” в Конго,

поддерживает Фиделя Кастро на Кубе, поддерживает всех коммунистов во всех частях земного шара. "План Рапацкого" есть план Хрущева, как и каждое выступление дипломатов ПНР на международной арене есть выступление коммунистического блока. В ту же работу впрягается и дипломатия, и шпионаж, и турне московских балетов, и варшавского "Мазовша", и "Силезии".

*Техника дезинформации.* — Главная разница между старым, первым НЭПом и этим очередным третьим НЭПом à la Гомулка, заключается в том, что первый был, главным образом, рассчитан на привлечение на свою сторону собственных националистов, в то время как западный мир часто проявлял сдержанность и скептицизм. Новейший вариант НЭПа рассчитан в равной мере на эффект за границей. На этот раз он тоже находит поддержку в западном мире. Таким образом, националисты в странах, порабощенных коммунистами, попали, в переносном смысле, как бы под тройной обстрел. Вся эта структура опирается на три столпа: коммунистическую тактику + собственные благие намерения + благие намерения Запада. В общей сложности, эта конструкция должна заменить реальную действительность, какой она, конечно, не является. В соответствии с этим новым типом "политического реализма" возникла новая система информации, заменившая прежнюю, которая до сих пор применялась в свободном мире.

Оставим в стороне апокрифы, которые издаются на западе и выдаются за "подпольную литературу", якобы привезенную нелегальным путем из советского блока и свидетельствующую о внутренней "эволюции" настроений. Переходим к обыденному способу информации. До сих пор принято было оценивать какого-нибудь политика или государственного деятеля по двум приметам: а) по его словам и б) по его поступкам. А теперь принято оценивать его еще и по его мыслям. Например, слова Гомулки и его поступки представляют собой полную гармонию и, что касается их интерпретации, не могут возбуждать никаких сомнений. Оказалось, однако, что политические дезинфоматоры, проникая теперь в мысли Гомулки, видят в них тайные намерения, якобы расходящиеся и с его словами, и с его поступками. Этим талантом ясновидения обычно одарены корреспон-

денты западных газет, аккредитованные, иначе говоря терпимые, а то и желанные гости, сравнительно хорошо "натасканные" в Варшаве. В таких условиях многочисленные речи Гомулки и его политические шаги, в "реальном толковании", означают совсем другое, а именно: "Гомулка был вынужден так сказать", "Хрущев заставил Гомулку поступить так или иначе". А что сам Гомулка об этом думает, корреспонденты знают лучше, наверное, даже лучше самого Гомулки. Не нужно прибавлять, что чаще всего они знают именно то, что от них хотят слышать центральные агентства печати на Западе, действующие по внушению с востока.

Сеть дезинформаторов западного мнения очень широка. Она охватывает прессу различных, зачастую противоположных, политических направлений. И, конечно, она имеет тем большее значение, чем большим весом пользуется данный орган печати. Чтобы привести хоть несколько примеров, вспомним известного варшавского корреспондента парижского "Le Monde", Филиппа Бена, комментарии которого распространялись по всей Европе. Гамбургская газета "Die Welt" располагает, например, до такой степени "беспристрастными" сведениями, что на это "беспристрастие" нередко ссылаются даже варшавские коммунистические газеты. "Münchener Merkur", баварский орган, близкий к "CSU", не имеет, конечно, ничего общего ни с политическим профилем "Polish Desk" на американском радио "Свободная Европа", ни с венской газетой "Die Presse". Но объединял их долгое время общий корреспондент в Варшаве Dr. Ernst Halperin. С первого взгляда отдельные сообщения Гальперина не могли вызвать никаких возражений. Однако, если бы из его сообщений можно было выжать синтетическую тенденцию, то результат был бы примерно таков: "Есть два хороших поляка, которые находятся в одинаковой принудительной ситуации, — Гомулка и кардинал Вышинский. Они вместе, каждый по-своему, хотят спасти Польшу от злого Хрущева". Эта тенденция проникла в немецкий католический орган, и в польскую секцию "Свободной Европы", и в австрийское общественное мнение, и в американский "research", и в washingtonские секторы. Конечно, это только мелкие, возможно, не лучшие примеры.

Тем не менее они характеризуют ситуацию, в которой никогда не известно, кто является автором такой тенденции в информации. В данном примере: сам ли Гальперин, Госдепартамент или коммунистическое внушение?

## НА ПУТИ КЛАССИЧЕСКОГО ПОПУТНИЧЕСТВА

*"Польский Октябрь".* — Несмотря на то, что Гомулка позже открыл карты своей тактики, никто из политиков "польреалистического" лагеря, предоставлявших ему еще недавно "моральный кредит", не признался открыто в ошибке, в том, что их просто обманули. Напротив, согласно "польреалистической" версии, — "Гомулка отходит от Октября..." Таким образом, прежняя оценка признается безошибочной, а принцип Польского Октября правильным и положительным. Выше мы обратили внимание на то, что употребление некоторых словесных форм оказывает иногда решающее влияние на содержание. В данном случае принятие формы "Польского Октября" за разновидность неопозитивизма влечет за собой, в политическом значении, знаменательные последствия. Это означает спуск на новую плоскость национальных интересов.

Что же скрывается под названием "Польский Октябрь"? Ведь не говорим же мы "польский Костюшко" или "польское 3-е мая", а просто — Костюшко, 3-е мая. Но правильно будет сказать, например, "польский Бонапарт", "польский Термидор" и т. д., чтобы подчеркнуть аналогию какой-нибудь "польской версии" исторической личности или исторического события. Название месяца "октябрь" в значении исторического события, употребляется во всем мире исключительно для определения победы большевизма в России в 1917 году. Другого значения оно не имеет. Итак, наименование "Польским Октябрем" чего-то, произшедшего в Польше, может означать только аналогию, польскую версию большевизма. Эту версию можно считать объектив-

но или субъективно лучшей только потому, что это "польская" версия, но не следует делать иллюзий относительно замысла самого выражения.

Что такое провокация? — Энциклопедическое объяснение гласит: "Подстрекательство к каким-нибудь действиям, которые могут повлечь за собой тяжелые последствия для провоцируемого лица и посторонних лиц". Если задержаться только на этом определении, то деятельность "Комитета по расширению связей с соотечественниками за рубежом" (с резиденцией в восточном Берлине), состоящая в уговаривании эмигрантов содействовать за границей во всех делах, касающихся "интересов родины и народа", заключает в себе элементы типичной провокации. 1) "Подстрекательство" — так как под лозунгом "интересы родины и народа" скрываются в действительности интересы международного коммунизма. 2) "Тяжелые последствия для провоцируемого лица" — так как, подразумевая под словом "лицо" народ, его непосредственно склоняют к действиям, способствующим его собственному порабощению. 3) "Для посторонних лиц"... — так как сотрудничество с международным коммунизмом способствует потенциальной угрозе для других народов.

Но понятие "проводки" в повседневном употреблении довольно растяжимо. Если вспомним даже анахронический образец единичной провокации, как, например, аферу Азефа, то и там найдем элемент действия "на две стороны", который не в каждой провокации можно разграничить. Лежало ли в интересах эсеровских террористов убийство министра Плеве или великого князя Сергея, организованные Азефом? Безусловно да. Поэтому, с одной стороны, начальник "Охранного отделения" генерал Герасимов, в припадке плохого настроения, крикнул Азефу: "С этой минуты поставим крест на двойной игре!" А с другой стороны, ЦК эсеров, после разоблачения Азефа Бурцевым, "отпустило его...", как выразился Лопатин. А были слухи, что центральный комитет уже раньше знал о связях Азефа с полицией... Итак, провокация до некоторой степени всегда игра на две стороны. Коммунистическая провокация неизменно содержит в себе элемент попутничества, более или менее замаскированный, или элемент мнимого компромис-

са, что со своей стороны дает возможность различной интерпретации, так что в последствии неизвестно, где кончаются интересы провоцируемого лица, а где начинаются интересы провокатора. План провокации рассчитан только так, чтобы качественный вес пользы на главном пути перевешивал качественный вес компромиссов на боковых путях.

Провокация гомулковского типа, применяемая к польской эмиграции, соответствует инструкциям вышеупомянутого диверсионного комитета в восточном Берлине. Она не требует от эмигрантов ни возвращения на родину, ни отречения от своей идеологии; она требует, чтобы в самых важных вопросах они поддерживали интересы "родины", иными словами, скрытые под этим лозунгом интересы международного коммунизма.

Польская эмиграция — не "антикоммунистическая" эмиграция. — Так звучит декларация "польреализма", утверждающая: мы не "белая" эмиграция, не антисоветская, а скорее антирусская. О глубоком проникновении этого тезиса в сознание польских политических деятелей свидетельствует факт, что ее придерживаются "de facto" все официальные польские политические группировки. Вследствие этого, хотя такого рода циркулярная информация никогда не распространялась, польские организации сторонятся союза с каким-либо антикоммунистическим фронтом и только формально солидаризируются с представителями тех восточно-европейских стран, которые стали жертвой непосредственной советской агрессии после Второй мировой войны.

Это принципиальная позиция и нужно о ней помнить, чтобы не обманывать себя и других. Официальная позиция "польреализма" не идеологическая, а якобы "реалистическая". "Польреализм" "a priori" не враг коммунизма, а союзник "всего польского". Такую позицию можно окрестить именем искреннего патриотизма, если принять во внимание, что для достижения этой цели не останавливает даже сотрудничество с коммунизмом. С другой стороны, нельзя отрицать, что до тех пор, пока власть в Польше находится в руках коммунистов, это дает национал-коммунизму прекрасную возможность такого политического лавирования и такого переставления польских "дел" на

шахматной патриотической доске, которая может обеспечить максимум эффективности в стране и максимальную инфильтрацию в рядах эмиграции.

*“Общий фронт” с коммунистами.* — Такой фронт существует: и явный, и скрытый. К скрытому принадлежат всякие акции коммунистических агентов. Однако, благодаря явному сотрудничеству, трудно с уверенностью установить, была ли та или иная должность укомплектована по подстрекательству агентуры или по искреннему убеждению, возникшему под влиянием созданной обстановки. Возьмем пример, который в этом отношении можно считать классическим. Талантливый католический писатель, Ян Белатович, человек вне всяких подозрений в том, что касается коммунистических влияний, пишет:

“Антикоммунизм... не может служить политической программой... Цель эмиграции — благо польского народа... Граница на Нысе и Одре — национальный вопрос, и потому эмиграция борется за него как может, не раздумывая, на руку ли это коммунистам или нет...” (Jan Bielatowicz, *“Dziennik Polski”*, Londyn, 27. 10. 1961).

Это сказано настоящим католиком, человеком, связанным с каким-то мировоззрением, а тем самым, силою веющей, обязанного занять какую-то идеологическую позицию. Но несмотря на это, он утверждает, что антикоммунизм нельзя считать программой и допускает возможность поступков “на руку коммунистам”, если это лежит в интересах народа. Тем самым, он ставит интересы народа выше интересов общечеловеческих и выше интересов Костела.

На собрании *“SPK-Italia”* в Риме, 18 ноября 1961 года, последний посол свободной Польши в Ватикане, Казимир Папэ, заявил среди прочего:

“...есть общие вопросы, существенные проблемы, которые накладывают обязательства на всех поляков и требуют совместного усилия. Знаем, что это так, потому что вот уже многие годы работаем над этим... Но расскажу вам, чтобы развеселить вас, следующий случай из недавнего прошлого. Один из на-

ших дипломатов, знакомя своих западных коллег с нашей аргументацией в вопросе быстрого решения границы Ниса-Одра, услышал от одного из собеседников: 'а это интересно, вчера я слышал те же самые аргументы от посла Народной Польши'...”.

Как видно из этого примера, посол Папэ не допускает даже мысли, что то, что он считает "веселым", может быть в действительности грустным результатом коммунистической провокации, которая довела до того, что, например, как раз в дни мирового столкновения, на фоне проблемы Берлина, между свободным миром и блоком коммунистической неволи, последние дипломаты независимой Польши солидаризируются с дипломатами коммунистической оккупации и даже хвастваются этим.

В таком кратком обзоре невозможно перечислить всех "дел общего фронта" с коммунистами. Кроме Одры-Нисы, входит сюда прежде всего популяризация на Западе легенды, что ПНР есть что-то лучшее, чем другие члены коммунистического блока и потому она заслуживает поддержки и материальной помощи. Теза "польреализма", что дело тут не в помощи "режиму", а "польскому народу", особенно непоследовательна и явно демагогична, так как таким же образом сто других "народов", поработленных коммунизмом, могло бы ходатайствовать о такой же помощи. Иначе говоря, выходит так, что свободный мир должен без устали вкладывать огромные материальные ценности в той же мере, как в Прагу, Будапешт, так и в Киев, Москву и Пекин и предоставлять им кредиты и помощь. Ибо трудно себе представить, чтобы только польский и югославский "народы" были признаны чем-то много лучшим, чем другие народы. Ясно, что это не так и что ни один благоразумный человек не верит ни в какую поддержку для "народа". Это и есть именно явно выраженная поддержка режимов, относительно которых строятся отвлеченные умозаключения о мнимой "эволюции", "ревизионизме", "титоизме". Но действительность опровергает такое умозрительное построение. Блок международного коммунизма пользуется Польшей Гомулки, как особенно удавшимся Троянским конем, для инфильтрации на Запад и, получая кредиты от

того же Запада, наверное, смеется потихоньку над его наивностью. Теза Ленина о "глухонемых слепцах" находит в данном случае исключительно удачное подтверждение. Однако необходимо констатировать факт, что в этом немалую роль играет дезинформация "польреалистической" программы.

Некий синтез этой программы мы находим в статье бывшего министра Сигизмунда Березовского:

"Польша... способствует эволюции, которая происходит в Европе независимо от официальной политики правительства и постепенно формирует ее будущий облик. Заселение и интеграция западных земель сделали из Одры и Нисы не внутреннюю границу советской империи, но границу народа... постоянное противление коммунизму, которое делает невозможным превращение общества в 'советских людей', позиция Польши в целом является ценным вкладом в политику свободной и безопасной Европы. Она является новой формой защиты от грозящего ей наводнения.

Итак, тщательный и вдумчивый разбор роли и значения отдельных народов должен быть объектом политики Запада, а не диверсия и не запихивание их в общий коммунистический котел при помощи экономических репрессий" (Zygmunt Berezowski, "Dziennik Polski", 30. 8. 1961).

Об этом заявлении можно сказать, что оно столь же патриотично по намерению, сколь фальшиво по содержанию. Ни одно место в тексте не отвечает объективной правде: Польша нисколько не способствует эволюции... ни Одра-Ниса не перестала быть внутренней границей советского блока, ...ни позиция Польши не является вкладом в свободную политику... и не защищает от коммунистического наводнения, ...ни экономические репрессии и внутренние диверсии не являются запихиванием в коммунистический котел, ... и, наконец, не различие между народами под коммунистической властью должно быть объектом политики Запада. Все происходит как раз наоборот.

Парижский журнал "Культура", под прекрасной редак-

цией и на наивысшем интеллектуальном уровне, поддерживает косвенно так называемый "план Рапацкого", в частности пункт, касающийся нейтрализации средней Европы. С поддержкой "плана Рапацкого" выступил также американский конгрессмен Ковальский, демократ из штата Коннектикут. Многочисленные центры американской Полонии, при участии первого секретаря посольства ПНР в Вашингтоне Кмецика, развили особенно интенсивную деятельность в поддержку "плана Рапацкого". Но абсолютное большинство центров "польреализма" в эмиграции поддерживают пункт "плана Рапацкого", касающийся "разоружения Германии".

Здесь нужно заметить, что тактика использования национальных чувств эмиграции в целях коммунистической диверсии в мире, применялась всегда согласно ленинским принципам и в основе не является изобретением Гомулки. За год до Гомулки, в октябре 1955 года, по распоряжению партии, в Варшаве имело место собрание, на котором было создано "Общество связи с эмиграцией, Полония". Председателем собрания был назначен профессор С. Кульчинский. Он подчеркнул в своей речи, что "в эмиграции господствует подлинное желание развивать и укреплять взаимную связь с Родиной-матерью"... В новосозданное общество вошли, среди прочих, такие люди, как бывший премьер лондонского правительства Гugo Ханке, литератор Аркадий Фидлер, Эдмунд Османчик, поэт Антон Слонимский, известный агент РАХа Доминик Городынский, член государственного совета профессор Оскар Ланге и многие другие, имена которых были признаны заманчивыми. Варшавская радиостанция "Страна", предназначенная для пропагандной диверсии среди эмигрантов, заявила в передаче от 1. 11. 1955 года:

"Было бы несправедливым утверждать, что польская эмиграция в своей массе не патриотична, что не чувствует привязанности к Родине, что не тоскует по ней".

А в передаче от 29. 7. 1958 года:

”Нам кажется, что с каждым днем, невзирая на пограничные кордоны, растет единство страны и Польши, с каждым днем остается меньше обоядного недоверия и душевного несогласия... С удовлетворением подтверждаем угасание холодной войны в наших отношениях; мы вместе с эмигрантами заботимся о наиболее животрепещущих польских делах...”

Не подлежит сомнению, что Гомулка способствовал в большой мере ”угасанию холодной войны” и придал всей акции размах и эффективность. На Западе началось поощрение разных пропагандистских ансамблей вроде ”Мазовша” или ”Силезии”, которых встречали со слезами умиления, несмотря на их ясные агитационные цели. (То же самое можно сказать о схожей деятельности московских и других коммунистических ансамблей песни и пляски). Также пользуются покровительством и одобрением художественные выставки из Варшавы, фильмы, театры, научные работники и т. д. и т. д.

Особенным примером этого политического подхода может служить постановление, принятое на годичном собрании Союза журналистов в эмиграции 17. 1. 1959 года:

”Съезд Союза журналистов шлет привет коллегам на родине, работающим в трудных условиях ограниченных возможностей высказывания взглядов и партийного, коммунистического контроля и правительственной цензуры”.

Даже поверхностный анализ этой резолюции показывает ее исключительное лицемерие. Она составлена таким образом, будто приветствующие считали, что журналисты на родине работают в польской печати, которая находится ”под коммунистическим контролем и цензурой”. Однако этот прекрасно осведомленный съезд писателей знает, что в коммунистической Польше никакой цензуры нет, так как вся печать является просто-напросто собственностью партии-правительства; нет контроля в обычном значении, так как заменяют его партийные указания; съезд прекрасно знает, что пишут в этих газетах журналисты добровольно, а то, что пишут, есть попросту коммунистическая пропаганда и кос-

венное углубление порабощения Польши. Но вернемся к сравнительному методу. В период немецкой оккупации польский литератор Эмиль Скивский издавал газету "Przełom", ратующую за соглашение с немцами и за борьбу с большевиками. Его признали тогда изменником родины; и хотя он никогда не называл вступление немецких войск "освобождением", а немецкую оккупацию "свободной Польшей", после войны его уничтожили как писателя, погубили, раздавили раз и навсегда как человека, и никто не знает, жив ли он еще или нет. В то время как об исключительно низко павшем литераторе Густаве Морцинеке, который с трибуны коммунистического сейма внес предложение переименовать Катовице в "Сталинград", — в литературной эмигрантской печати говорится весьма доброжелательно. Это один из буквально бесчисленных примеров. Средний журналист, работающий в настоящее время в коммунистической печати, многократно превышает "коллаборантство" Сивского с оккупантами. Но несмотря на это, как видим, он заслуживает "приветы" со стороны "коллег-эмигрантов".

"*Одна литература*". — Литература занимает особое место в попутничестве "польреализма" с коммунистическим строем на родине. Эта область исключительно важна для коммунистов. Самой подходящей областью для коммунистической инфильтрации является не столько политика или экономика, сколько человеческая психика, эмоциональное воздействие. Коммунистам важно создать впечатление, что литература и наука имеют "польский" облик. Известно, что всюду, где коммунисты захватывают власть, они стараются в первую очередь впрячь в лямку коммунизма литературу и науку. Но под влиянием "польреалистических" течений в эмиграции принято за правило считать "коммунистическими" только печатные издания, служащие прямой агитации. Все остальное, хотя в Народной Польше нет частных издательств и книги печатаются исключительно в партийно-правительственных типографиях, признается польской литературой. Сравнение с аналогичным положением польской литературы под русской дореволюционной властью является аргументом, искажающим действительность. Ибо тогда существовала национальная польская ли-

тература, которую издавали польские издатели и которая проходила только цензуру властей. Сегодня литературу издают власти и они же ее определяют, инспирируют и направляют. Не хватит места для цитат, которые рассеивают всякое сомнение в этом отношении. Вот заявление Гомулки на III съезде Польской объединенной рабочей партии (PZPR) в марте 1959 года:

”...Главная основа нашей культурной политики в том, что творчество должно опираться на мировоззрение и методику марксизма-ленинизма... Такую литературу, реалистическую по форме и социалистическую по духу... мы поддерживаем. Руководящая роль партии заключается в том, что идеалы социализма и научное мировоззрение должны вдохновлять содержание литературного творчества... Мы отказываемся и будем отказываться печатать произведения, которые являются политическим оружием пропаганды антисоциалистических сил... Мы хотим творчества, которое в художественной форме будет отображать процессы формирования новых, социалистических общественных отношений и перемены в психике человека... В настоящее время главная задача партии на фронте культуры состоит в борьбе за полное изъятие антисоциалистических влияний в литературных тенденциях, так как они являются главным препятствием в развитии социалистической польской культуры...”

Этого, пожалуй, хватит. Конечно, в большом диапазоне намеченной программы попадаются отдельные ценные книги с характерными чертами, присущими нормальной польской литературе. Это входит до некоторой степени в программу коммунистической инфильтрации. Однако, не считая отдельных книг, эта литература в целом есть литература коммунистическая. Так и в Советском Союзе нет русской литературы, а только исключительно советская, какой ее десятками лет считают и оценивают на Западе. Поэтому, вполне правильно, на этом же III съезде, Леон Кручковский, писатель и член ЦК партии, заявил от имени литературы на родине:

”Существующая социалистическая литература, как нечто целое, как определенное направление творческой динамики, становится все более и более чуждой буржуазному творчеству...”

И вот, вопреки этим очевидным фактам, именно на по-прище литературы, дошло до полной согласованности взглядов между ”польреализмом” и коммунизмом в вопросе ”единства польской литературы” на родине и в эмиграции. Одновременно, при посредстве литературы открылся, может быть, самый эффективный путь проникновения коммунизма на Запад. После гомулковского ”октября” многие эмигрантские литераторы начали так писать, чтобы... получить возможность печататься на родине. И такую возможность получили. Коммунистическая радиостанция ”Страна” в программе 20. 2. 1958 года (07.30—08.00 часов) высказалась весьма похвально об эмигрантской литературе:

”Искусство, создаваемое мастерами-эмигрантами, только в небольшой степени является вовлеченным в борьбу против идейной ситуации и против строя, господствующего в Польше. Их повести, их стихи у нас публикуются и читаются. Они отнюдь нам не враждебны! Итак, что, в итоге, обуславливает позицию эмигрантского художника, эмигрантского писателя? Его искусство не отличается от искусства, которое создается в Польше. За исключением книг Юзефа Мацкевича, принципиально враждебный к нам подход не нашел никакого выражения в произведениях других писателей”.

Михаил Русинек, варшавский делегат на XXX конгрессе Пен Клуба во Франкфурте-на-Майне, таким образом охарактеризовал отношения между писателями-эмигрантами и писателями коммунистической Польши:

”Во время наших встреч мы обновляли старые знакомства и заключали новые, а наши разговоры с писателями-эмигрантами: Казимиром Вежинским, Александром Янта Полчинским, Маевским — были для нас

наиболее интересными. Вот уж несколько лет, как участники конгресса видят поляков 'с этой и с той стороны', сидящих за одним столом, уважающих друг друга, что подтверждают хотя бы бюллетени конгресса, которые не отметили до сих пор ни одного случая, когда бы писатель из Польши и писатель-эмигрант выступали друг против друга" ("Życie Warszawy", 11. 8. 1959).

Выходящие в Маннхайме "Последние известия" поместили сообщение лондонского корреспондента С. Некрашевой, которое как нельзя лучше свидетельствует о настроениях, создаваемых "польреалистическими" кругами в эмиграции:

"Усилиями Союза Писателей и Журналистов, Союза Студентов... почти каждый четверг в Институте имени ген. Сикорского в Лондоне выдающиеся гости из Польши читают свои литературные произведения или эссе... Зал института имени Сикорского не в состоянии вместить толпы публики; коридоры и лестницы переполнены жаждущими интеллектуальных контактов с Родиной..." ("Ostatnie Wiadomosci", Mannheim, 3. 11. 1957).

С другой стороны, настоящее бешенство, как со стороны коммунистической, так и "польреалистической" эмиграции, вызывает каждая попытка назвать польскую литературу на родине своим именем. Так, например, радиостанция "Страна" передала:

"Лондонские 'Известия' разослали анкету: эмигрантские писатели и польская литература на родине. Почти все ответившие высказались за органическое единство польской литературы и против деления ее на эмигрантскую и отечественную. Почти все, потому что, конечно... Юзеф Мацкевич утверждает, что мы не польская литература, а коммунистическая, но слышать это из уст бывшего сотрудника гитлеровской пропаганды вполне естественно" ("Kraj", 10. 7. 1958).

А немногим позже (29. 7. 1958) :

”Высказывания Юзефа Мацкевича, впрочем, прекрасного писателя, интересны с точки зрения проблемы, общего вопроса, а не с точки зрения его суммарных политических взглядов. Дело тут касается некой точки зрения, некоего принципа оценки явления, который можно считать абсурдным, вредным и антиинтеллектуальным...”

А по поводу схожего ответа в анкете эмигрантской ”Польской газеты” редактор литературного отдела и председатель Союза польских писателей и журналистов в эмиграции заявил:

”Среди помещенных сегодня ответов читатели найдут также ответ Юзефа Мацкевича. Господин Мацкевич, кажется, причисляет всю литературную продукцию на Родине к коммунистической литературе. Это его суждение, конечно, настолько ошибочное и — не колеблюсь употребить тут строгое определение — такое карикатурное, что, думаю, не стоит начинать с ним полемику...” (*”Dziennik Polski”*, 25. 1. 1961).

”Ниспровергать” или ”исправлять”? — В принятой ”польреализмом” политической позиции немалую роль играют те эмигрантские центры, которые создали политические группировки, состоящие на службе западных держав. Мы имеем здесь в виду группировки, которые, будучи только филиалами чужой, главным образом американской, иностранной политики, выступают под фирмой польской политической программы. Возьмем, например, мощный аппарат ”Комитета Свободной Европы” и его радиостанции. Колебания, которым подвергается этот комитет, зависят от колебаний американской иностранной политики. Итак, в принципе, польские группировки не входят в расчет как представители независимой польской позиции. Практически они имеют некоторое внутреннее влияние, главным образом в области ”эволюции” оценок событий и положения в Польше, в области информации и экспертизы.

Что касается передач западных радиостанций на языках народов коммунистического блока, в том числе и на поль-

ском языке, то они, в сумме, приносят несомненно больше пользы, чем вреда. Можно даже сказать, что они приносят большую пользу, хотя бы потому, что передают известия, которые в коммунистических сетях постоянно скрываются или искажаются. Трудно себе даже вообразить, до чего могло бы дойти, если бы люди, живущие под коммунизмом, были лишены даже этой толики правдивых сообщений, которые они получают с запада. Даже скромная оппозиция, которая передается в эфир в период безнадежного сосуществования, является неким лучом для людей по ту сторону. По этой причине коммунисты, которые не допускают абсолютно никакой оппозиции, систематически глушат эти передачи.

(В 1948 году было в коммунистическом блоке 100 радиостанций, которые глушили западные передачи; через год — 150; в 1950 году — 1000. В конце 1961 и начале 1962 года таких радиостанций насчитывалось 2500, построенных с затратами, в пересчете, около 250 миллионов долларов, и с годовым бюджетом приблизительно в 100 миллионов долларов).

Однако дело обстоит иначе с политической тенденцией. Как известно, спекулятивная философия западных держав, а особенно Америки, строится на "титоизме", "гомулкизме", "ревизионизме", "эволюционизме". Для обоснования этого оптимистического тезиса требуется постоянный приток информации, а вернее, дезинформации, которая подтверждала бы это умозрительное построение, так как, в противном случае, нельзя было бы делать ставку на политику сосуществования. Итак, вышеупомянутые группировки являются для Америки и западных держав богатым источником, подтверждающим их политическое "wishful thinking". Не столько потому, что они подчинились требованиям своих доверителей и кормителей, а сколько следуя "польреалистическому" толкованию вещей, которое совпадает с поступатами мирного сосуществования.

Какой-то коммунистический заграничный эмиссар однажды употребил аргумент: "Нельзя одновременно хотеть что-либо ниспровергать и исправлять". Или, или. Или чело-

век представляет собой врага коммунистического строя, или лояльного оппонента. Кажется, что "польреализм" определенно выбрал второе: не ниспровергать коммунизм в Польше, а исправлять его "эволюционным" путем.

\* \* \*

В итоге получается картина компромисса, совпадающая во всех главных тезисах с тезисами попутничества тех националистов, которых обманула тактика первого национал-коммунизма под вывеской ленинского НЭПа сорок лет назад. В основе аналогичен и "базис", на который Ленину удалось опереть "надстройку" своего национал-коммунизма. Вспомним выводы, которые Ленин делал из исторического опыта, что независимое национальное государство, поставленное перед выбором между союзом с соседним независимым национальным государством против большевизма или с большевиками против соседнего независимого национального государства, высказывалось, как правило, в пользу последней альтернативы. В применении к нынешнему "польреализму" старый антагонизм белорусских и украинских националистов по отношению к Польше ("получить обратно Западную Белоруссию и Украину") превратился в польский антагонизм по отношению к Германии. Коммунистическая провокация старается разжигать этот антагонизм и удержать его в состоянии эмоционального кипения и в состоянии того комплекса, который родился в годы кровавой гитлеровской оккупации.

## НЕМЕЦКИЙ КОМПЛЕКС

*Фетиш удавшейся провокации.* — Я не буду подходить к вопросу немецкого комплекса с той "осторожностью" и с тем "тактом", с каким принято относиться к так называемым наболевшим, щекотливым вопросам, требующим,

тем самым, чуткого обсуждения и многих оговорок. Так поступают некоторые поляки, которые с одной стороны видят необходимость выхода из немецкого тупика, а с другой стороны страхуют себя особенным подбором стилистической формы из боязни восстановить против себя общественное мнение и поставить себя под удар более или менее грубых выпадов и браны. Возможно, что со своей точки зрения они поступают правильно, стараясь реальным и практическим способом завоевать симпатии читателей для своей политической концепции. Я лично никого не хочу завоевывать, а тем более не стремлюсь навязать кому-либо свое мнение. Я хотел бы только приоткрыть краешек некоторых истин, о которых не принято говорить, и привести некоторые факты оборотной стороны медали и тем самым заставить кое над чем задуматься. Впрочем, прибегать к стилистическим "па" было бы против моих убеждений и это могло бы поставить под вопрос искренность того, о чем я пишу. Ибо я не чувствую себя ни обязанным делать какие-либо "реверансы" по отношению к международному коммунизму, ни щадить его интересы. Однако я совершенно уверен, что немецкий комплекс, в его сегодняшней стадии, это только плод коммунистической провокации. Он не является ни частью польских дел, ни польско-немецким вопросом; это неотъемлемый составной элемент всемирного коммунистического заговора.

Ситуация, нам кажется, ясна. Со времен Ленина-Троцкого цель коммунизма — покорение всего мира — осталась неизменной. Он подтверждает это и словом, и делом на каждом шагу. С качественной точки зрения Европа все еще не перестала быть наиболее важной частью свободного мира. Германия занимает в Европе ключевое место, как и занимала его в 1920 году. Покорение этой Германии есть задание № 1 в иерархии коммунистических планов. Выполнение этого плана разбилось в 1920 году о польский барьер. Если бы сегодня, при равновесии сил, этот барьер существовал и представлял собой бастион, равный тому, каким он был во время польско-большевистской войны, то концентрированная международная коммунистическая агрессия была бы направлена, безусловно, не против Германии, а против Польши. Но тот барьер был сломлен. Фронт комму-

стического наводнения передвинулся на запад. Западная Германия, поддерживаемая силами свободного мира, стала для Европы ее последним барьером. Поэтому, и вполне логично, агрессия сосредотачивается на уничтожении или хотя бы на расшатывании немецкого барьера. Диапазон усилий коммунистов очень широк. С одной стороны он охватывает попытки нового "Рапалло", с другой — не отказывается от тактического союза даже с антисоветскими элементами, при условии, что эти элементы антинемецкие... Вся ставка делается на то, чтобы дискредитировать фактическую линию обороны свободного мира. "Польреализм" позволил косвенно втянуть себя в этот глобальный коммунистический заговор. Под видом эмоциональных патриотических интересов, переходящих в манию, всякая дискуссия "по существу" почти исключается. Политическим же предлогом служит мнимая угроза западной границе ПНР на Одре и Нысе со стороны Германии.

### *Одра и Ныса*

*Главная цель.* — Можно исходить из предпосылки, что Польша потеряла независимость в пользу коммунистического блока, или из такой предпосылки не исходить. В первом случае, т. е., если считать, что Польша потеряла государственную независимость, нельзя одновременно признавать возникшие в результате этой потери новые граничные линии как суверенную польскую границу. Поскольку вся Польша потеряла независимость, она не могла "получить обратно" какие-то земли. Ибо невозможно, теряя целое, одновременно приобретать какую-то часть этого целого; такая формула противоречит логике. Так называемая "граница на Одре и Нысе" есть просто внутренняя линия, отделяющая "Народную Польшу" от "Народной Немецкой Республики". Иными словами, мы говорим о произвольно выступающих под этим именем двух членах одного и того же коммунистического блока. Можно настаивать на такой границе в будущем, но нельзя признавать ее границей теперь. Зато уж совсем абсурдно связывать эту, произвольно проведенную Сталиным линию, не только со всей политической, но и с нравственным обликом народа.

Есть много разумных и просвещенных поляков, видящих пагубные последствия паралича, в котором находится не только политика, но всякая польская политическая мысль, из-за возведения "Одры-Нысы" на пьедестал беспримерного в польской истории национального фетиша. Иногда можно услышать — конечно, только в частных разговорах — что это был "гениальный шаг Сталина", создавший прочную пропасть между Германией и Польшей. По всей вероятности, однако, главным замыслом была, ныне достигнутая, цель, а именно — признание поляками ПНР "польским государством". Так как только признав польское "государство", можно дойти до признания Одры-Нысы государственной границей и, наоборот, признание Одры-Нысы государственной границей побуждает "польреализм" признать польским государством коммунистическую оккупацию.

*Отрезок границы важнее независимости.* — Тут возникает случай, неслыханный в истории Польши. В момент, когда государство и весь народ попали под, пусть так или иначе объясняемое, но неоспоримое, чужое господство, главным постулатом нации вдруг становится вопрос какого-то отрезка границы, а не стремление освободиться из-под чужого владычества. Вот что пишет на эту тему парижская "Культура":

"...если бы нам представилась возможность изменить строй ценой потери земель над Одрай и Нысой, то лучше задержать Воссоединенные Земли, если бы это даже обозначало продолжение коммунистической власти" ("Kultura", No 12/170, 1961).

Сигизмунд Новаковский, ветеран журналистики и литературы в эмиграции, в трогательном фельетоне под заглавием "Здоровье Ани" ("Dziennik Polski", 15. 6. 1961) рисует патриотическую польскую девочку, которая, в вымышленной ситуации, просит президента Соединенных Штатов... не об освобождении Польши, а о признании границы на Одре и Нысе. В эмиграции мы имеем дело с изобилием публичных выступлений и докладных записок, из которых ясно видно, что "вопрос признания Одры и Нысы" продолжает

доминировать над вопросом освобождения и независимости Польши. На заседании Временного Совета Национального Единства в Лондоне 14 апреля 1962 года было принято постановление, которое выражает "главные польские требования на фоне международного положения". "Польская газета" перечисляет их в следующем порядке:

"Совет Национального Единства требует:

Во-первых: неотложного и окончательного формального признания Западом границы на Одре и Нысе Лужицкой.

Во-вторых: продолжения запрета на вооружение Германии атомным оружием любого вида.

В-третьих: предоставления права Польше и другим народам средне-восточной Европы решать свою судьбу" ("Dziennik Polski", 19. 4. 1962).

Конгресс Американской Полонии, самая мощная польская организация в Америке, вручает президенту Кеннеди и государственному секретарю Раску докладную записку:

"Первая часть докладной записи указывает на необходимость предоставления польскому народу экономической, технической и культурной помощи. Вторая часть указывает на угрозу, которую представляет собой немецкий ревизионизм для безопасности всего мира и Европы" ("Dziennik Polski", 29. 8. 1962).

Все это происходит как раз в то время, когда над Европой нависли тучи раздутого Хрущевым дипломатического наступления по поводу Берлина. Поэтому, не удивительно, что текст этой записи Конгресса Полонии был принят с большим энтузиазмом и цитируется варшавской коммунистической прессой, несмотря на то, что заключает в себе кое-какие антисоветские элементы. Подобные примеры можно приводить без конца.

*Смысл двух мерил.* — Выбор политической концепции с упором на вопрос границы "Одра-Ныса" весьма красноречив. Следует обратить внимание, что дело тут не в границах ПНР вообще, а только в одном отрезке границы и как раз

в том, который фактически менее других подвержен опасности. Каждый рассудительный человек отдает себе отчет в том, что обоядное соотношение сил и сама сущность коммунистической системы не дают никаких гарантий, что в любой момент любая пограничная линия внутри коммунистического блока может быть произвольно изменена, если центр в Москве найдет это целесообразным. Однако постоянная угроза другим границам ПНР обходится молчанием и, например, мало кто помнит, что 15 февраля 1951 года "был подписан договор" между Украинской ССР и ПНР, в силу которого произошел "обмен территорий", и ПНР "отказалась" от 480 кв. км. территории над верхним Бугом с городами Белз, Ухнув, Варенж, теряя при этом отрезок железнодорожной линии Рава Русская — Ковель и находящиеся на этой территории залежи каменного угля. Взамен ПНР получила район Нижних Устржиков (Ustrzyki Dolne). Население этих земель, вопреки его воле, выселили и переселили. Такого рода махинации коммунистов могут произойти в любой момент по отношению к любой территории. Несколько лет назад много говорилось об "исправлении" границы в районе Беловежской пущи между ПНР и БССР, в пользу последней. Это не вызвало никакого протеста.

Смысл этой двойной игры становится еще более ясным, если принять во внимание, что центр тяжести был перенесен на территорию, до войны Польше не принадлежавшую. В то время, как вопрос границ и территорий, входивших в состав независимой Польши и захваченных Советским Союзом, был фактически снят с политической повестки дня. Правда, официальные представители эмиграции никогда не отказывались от Восточных Земель, но, если сравнить подход к этим двум вопросам, то обнаруживается непоследовательность эмиграции и полная последовательность коммунистической провокации... Ибо дело обстоит следующим образом. Иногда, по случаю патриотических торжеств, высказывается требование восстановления восточной границы 1939 года. Однако форма и лейтмотив этого требования в сопоставлении с упором на вопрос Одры-Нисы не оставляет сомнений, что это скорее отвлеченная декларация, которая не принимается всерьез. В докладных записках, врученных западным державам, уже не упоминается "возвраще-

ние” Польше ее Восточных Земель. Сравним дальше. Несмотря на то, что эмиграция не признала “договоров” между ПНР и СССР об отречении от Восточных Земель в пользу последнего, наиболее серьезные органы “польреалистической” концепции открыто отказываются от этих земель. Так, например, парижская “Культура” открыто обосновывает окончательную потерю этих земель Польшей в пользу Советского Союза. И факт этот не вызывает никакого возмущения, никаких протестов, а сама “Культура” не исключается из “польской общественности”. Напротив, ее продолжают ценить и в ней продолжают сотрудничать самые известные польские писатели. Но когда несколько лет назад кто-то написал открытое письмо, осуждающее позицию “Культуры” как “государственную измену”, оно было принято как нечто юмористическое. Происходит это в момент, когда провозглашен торжественный лозунг, что “нет поляка”, который не поддержал бы границ на Одре-Нысе и “Воссоединенных Земель”. Мало того. Та самая “Культура”, которая потешается над, по ее мнению смешными, “непоколебимыми”, требующими возврата Восточных Земель Речи Посполитой, одновременно пишет:

“Поляк, который в данной ситуации, даже во имя возвыщенно понятого антикоммунизма, согласился бы на отделение от Польши Западных Земель, в перспективе польских критериев оценки, считался бы агентом, действующим в ущерб собственному народу...”

Не касаясь сути дела и не предрешая правильности или неправильности отказа от Восточных Земель и пересмотра границ, установленных Рижским трактатом в 1921 году, нельзя отрицать, что этот важный и спорный вопрос подлежит обсуждению и что каждый вправе иметь свое собственное мнение в отношении границы, существовавшей до начала Второй мировой войны. Но вот, параллельно, в тех самых условиях и в том же самом обществе не допускается даже намека на дискуссию на тему границы, которая перестала существовать 600 лет тому назад!.. И каждый поляк, который осмелится поставить ее под какое-либо сомнение, будет заклеймен изменником.

Встает вопрос. Кто, собственно, решает вопрос о беспартийном применении этих двух, разительно противоположных, мерил? И во имя какого права, не фигурирующего ни в каких декретах и уставах Речи Посполитой Польской, разве что в декретах коммунистической Народной Польши, принимаются эти решения?.. Но зачем играть в стилизацию вопросов без ответа. Все ведь решается по вдохновению с той стороны.

*Почему Кенигсберг обходится молчанием?* — В пределы так называемых "Воссоединенных Земель", включенных в ПНР, входит также часть Восточной Пруссии. Достаточно беглого взгляда на карту, чтобы убедиться в том, что более рациональным было бы исправить в пользу Польши польско-немецкую границу 1939 года путем включении Восточной Пруссии, которая, между прочим, была не 600 лет назад, а еще в 1657 году вассалом Польского Королевства. Потому, логично, Восточная Пруссия должна была бы быть главным постулатом "Воссоединенных Земель" и больше всего интересовать "польреализм". Тем временем, как известно, только южная часть Восточной Пруссии отошла к ПНР. Самая же главная, северная часть, со столицей в Кенигсберге и портом огромного значения отошла к Советскому Союзу и носит теперь название Калининградской области. Между прочим, граница эта, самым карикатурным образом разрезает цельность этих земель. И вот мы становимся свидетелями удивительного парадокса. "Польреализм" не требует Кенигсберга, этой, казалось бы, наиболее важной территории "Западных Земель" и не вручает, во всяком случае, западным державам никаких докладных записок по этому вопросу. О Калининградской области царит единодушное молчание. В тех случаях, когда затрагиваются интересы Советского Союза, лозунг "нет поляка, который бы... и т. д." перестает обязывать. И наоборот, поляков, добивающихся "возврата" Кенигсберга, очень мало. В результате все сводится к формуле: с тем, что коммунизм захватил с оружием в руках и держит, надо, хочешь не хочешь, мириться, а то, на что притязает фактически разоруженная Германия, представляет собой "угрозу Польше и всей Европе".

*Существует ли угроза со стороны "немецкого ревизионизма"? — Коммунистическая пропаганда делает все возможное, чтобы создать впечатление мнимой угрозы со стороны немецкого ревизионизма. Эта пропаганда не имеет ничего общего с интересами Польши, независимо от того, отрицаем ли мы государственный суверенитет Польши в виде ПНР или, как этого хотят "польреалисты", признаем ПНР "польским государством", имеющим собственные внешние государственные границы. Даже заняв такую позицию и объективно оценивая положение, мы должны прийти к убеждению, что в данную минуту Польской Народной Республике со стороны Германии ничего не угрожает и угрожать не может.*

Беглый обзор прошлого учит нас, что в истории не было такого момента, когда не предъявлялись бы претензии на корону, на преемственность, на территории или владения другого государства. "Ревизионисты" были всегда и всюду. Сам факт существования "ревизионистских" тенденций не предрешает еще угрозы. Такой угрозы не представляет даже формальная поддержка "ревизионистов" соседним государством или правительством, не признающим существующего "status quo". Так, например, в 1938 году, под давлением польского ультиматума были установлены дипломатические отношения с Литовской Республикой, которые в скором времени стали дружественными. Общепринято было считать это большим успехом польского правительства, несмотря на то, что в международный пакт была включена торжественная декларация Литвы, в которой она не отказывалась от притязаний на Вильно. Таким образом, литовское правительство в сущности поддерживало "ревизионизм" всего литовского народа. Безусловно правильным нужно считать аргумент, что небольшая Литва слишком слаба, чтобы угрожать гораздо более сильной Польше. Нынешняя ФРГ несравненно слабее коммунистического блока, чем была тогдашняя Литва по отношению к тогдашней Польше.

Настоящую угрозу создает только желание употребить силу для осуществления "ревизии" в соединении с фактическим существованием такой силы. Но у ФРГ нет ни такого желания, ни такой силы. Политика ФРГ по отношению к

ее восточным соседям находится "de facto" под контролем Соединенных Штатов, а малочисленная немецкая армия — под контролем "NATO". У Германии нет никакой возможности не только вооруженного, но даже и политического выступления без предварительного согласования с западными державами.

Как известно, коммунисты в своих внутренних и внешних поступках, не задумываясь, пользуются гротескными лозунгами. Достаточно вспомнить, что в декабре 1939 года они утверждали, что "им угрожает Финляндия", население которой было равно населению одной Москвы, и что Финляндия напала на Советский Союз, а не наоборот. Потому никого, кто знает их методы, не может ни удивить, ни застигнуть врасплох, что в момент, когда на повестке дня встал вопрос захвата Германии, коммунисты выступили с лозунгом, что не они угрожают Германии, а именно Германия угрожает Советскому Союзу и государствам "народных демократий". Можно только удивляться тем полякам, которые, будучи знакомы с советскими методами, вместо того, чтобы разоблачать их перед всем миром, оказывают им доверие и поддержку.

Слышатся голоса, что в будущем Германия может напасть на Польшу, как уже нападала в прошлом. Вполне возможно. В будущем может случиться что угодно или ничего не случиться, повториться или не повториться. В будущем любой политический договор или формальное признание какой-либо границы может соблюдаться или быть изорванным в клочья. Например, из всех договоров, которые Советский Союз подписал за время своего существования, едва ли 5% было выполнено. Однако трудно называть реальной политикой такую политику, которая поглощает все свое и чужое внимание на рассуждения, что кто-нибудь в неопределенном будущем может стать или не стать агрессором, вместо того, чтобы направлять внимание на уже существующего агрессора или на агрессора, которым он безусловно станет завтра. Становится вполне понятно, что коммунисты хотят прежде всего отвлечь внимание от этого факта.

*Официальный тезис польреализма.* — Он звучит, в сокращении, примерно так: "Дело это важно и в психологи-

ческом отношении. Факт, что из великих держав только Советский Союз признает теперешнюю границу на Одре-Нысе, связывает поляков, помимо их воли, с советским лагерем. Признание этой границы западными державами и ФРГ ослабит связь Польши с коммунистическим блоком. Германия своим упорством толкает нас в советские объятия и не допускает до такого ослабления”.

Эта, на вид логичная, формулировка заключает в себе, однако, большой недостаток, ибо ставит перед собой цель в сущности антисоветскую, сотрудничая одновременно с коммунистами...

Известно, что и польские коммунисты, и весь советский блок, и все коммунисты, прокоммунисты, попутчики и сторонники “существования” во всем мире дружно поддерживают признание и хлопочут о признании границы “Одра-Ныса” западными державами и ФРГ. С другой стороны известно, что и ослабление связи Польши с коммунистическим блоком, и рост прозападных настроений и, конечно, рост антисоветских настроений в Польше не на руку коммунистам. И вот, чтобы устраниТЬ это очевидное и формальное противоречие, нужно было бы предположить следующее:

- а) Неправда, что коммунисты добиваются признания этой границы.
- б) Добиваясь, они делают это неискренне.
- в) Если даже добиваются неискренне, то это значит, что они глупы и не отдают себе отчета в том, что поступают себе в ущерб.

Ни один из этих пунктов не убеждает. Пунктам (а) и (б) противоречат многократные высказывания “польреалистических политиков”, что, мол, “в общем вопросе, касающемся польской западной границы, мы идем рука об руку с коммунистами”. Обоснование же пункта (в) снизило бы вообще уровень дискуссии. Из этого можно сделать только один вывод, что коммунисты не опасаются неблагоприятных для себя результатов признания границы “Одры-Нысы” западными державами и ФРГ вообще, а в частности не опасаются возможного из-за этого ослабления связи, соединяющей ПНР с коммунистическим блоком. И, конечно, правильно, что не опасаются. В данный момент для коммунистов важен не сам факт признания или не признания, но, как уже выше упоминалось, их задача состоит в том, чтобы от-

влечь внимание общественного мнения и направить его на мнимую "угрозу немецкого ревизионизма".

Эффективное влияние деятельности польской эмиграции на межгосударственные (ныне "межблоковые") решения, конечно, минимально. Но с другой стороны тот факт, что "польреализм" включается в тактику и коммунистическую пропаганду на самом актуальном участке текущей политики и эмоционально способствует союзу Польши с коммунистическим блоком больше, нежели ослаблению этого союза, мог бы когда-либо способствовать признанию границы Одры-Нисы западными державами.

*Соперничество или провокация?* — Особенной ошибкой в "польреалистических" расчетах является так называемый "учет общественного мнения на родине". Для этой цели "польреализм" считает нужным заняться соперничеством с "режимом" в антинемецкой позиции. Такого рода состязания с коммунистами в радикализме выдвигаемых ими лозунгов явление не новое. Как правило, они доводили до пагубных последствий. Их жертвой пали социалистические партии, как когда-то, например, партии меньшевиков и эсеров в первый период революции, а теперь, среди прочих, левонастроенные католические круги. Любое соперничество с коммунистами беспредметно, так как нет никакой возможности перегнать их в чем-либо по той простой причине, что такой процесс соперничества происходит не в той же самой, а в двух качественно совсем разных плоскостях. Коммунизм действует в сфере, качественно чуждой нашим понятиям. Потому "польреализм" (как, впрочем, большинство нынешних "реализмов" по отношению к Советскому Союзу), чтобы провести такое соперничество, должен искусственно сравнять эти две плоскости. Он делает это, как мы видели, подменой понятия "коммунизм" понятием "Россия" и создает таким образом картину польского общества, более или менее похожую на старую картину под русским, немецким и австрийским владычеством. Такая постановка вопроса должна придать высказываниям прессы, постановлениям, заявлениям и другим выражениям мнимого "общественного мнения" — хотя бы в некоторой степени — выражение настоящего общественного мнения на "родине". Но в нашем понимании этого слова та-

кое мнение на родине не существует, а то, что получает право голоса, отнюдь не мнение, а приказ свыше.

Чего хотят люди в Польше? Безусловно того же самого, чего хотят люди в Чехословакии, в Румынии, в Венгрии, в Восточной Германии, в Литве, на Украине, в Туркестане и во всей России; того же самого, чего хотят все люди под коммунистическим владычеством, а именно — прогнать коммунистов вон! Это желание настолько по-человечески естественно, что программа литовских националистов — о признании за ними Вильно, белорусских — о признании за ними Смоленска, украинских — о признании их границ от Белостока до Кубани, русских — о "единой неделимой России", польских — признания Одры и Нисы, а немецких — непризнания Одры и Нисы — сводится для людей под коммунизмом к вопросам второстепенным и в данный момент не существенным. Однако человеческие массы не могут высказать это свое истинное желание, ибо это заставило бы признать существование более могущественного врага, угнетающего всех в равной степени, а именно — мощь международного коммунизма.

Что касается "польреализма", то это обозначало бы — как мы уже писали выше — перемещение Германии с позиции "врага № 1" на позицию даже возможного союзника в борьбе против общего врага. В свою очередь, такая постановка вопроса зачеркнула бы всю прежнюю политику и разрушила бы эмоциональную базу "польреалистической" концепции. Отсюда возникает необходимость судорожно держаться за такие формулы, как "русская гегемония", "мнение Родины" и т. д.

Опыт минувших лет доказывает, что желание считаться с "мнением на Родине" и усилия избегать "компрометации" совершенно беспредметны и бесплодны. В последнее время коммунисты распространили в эмиграции неуклюже замуфлированный памфlet, а в отечественной прессе на его основании обвинили ряд людей, считавшихся в эмиграции закоренелыми глашатаями признания Одры-Нисы, в том, что они договариваются с немцами, состоят у них на службе в качестве шпионов и получают деньги из немецкого посольства в Лондоне. И все же, несмотря на то, что вот уже 42 года коммунистическая пропаганда пользуется подобными

нелепыми утверждениями, "обвиненные" сочли целесообразным вдаваться в полемику, защищаться, объясняться и называть "клеветниками" авторов отечественной прессы. Таким образом они создавали фикцию (дезинформацию), что якобы суть дела была в отдельных, личных оскорбленииах и что существует возможность вести полемику с отечественной прессой, не принимая во внимание безличного действия системы, с которой никакая полемика невозможна.

Таким образом глашатаи "польреализма" сами попадают в приготовленную для них ловушку. Ибо нужно считать принципиальной ошибкой распространенное мнение, что якобы коммунисты нападают на людей, для них исключительно неудобных. Зачастую происходит совсем наоборот. Бывает, что они нападают именно на тех, чья компромиссная позиция вообще, или же на некотором определенном участке, им хорошо известна, и рассчитывают при помощи увеличения давления вызвать не отпор, а углубление компромисса. Такого рода тактика устрашения добивалась иногда большего успеха. Например, мы были свидетелями усиления давления на епископат, как раз в период его кульмиационной компромиссной позиции. Это привело к наиболее примиренческой декларации 1953 года. Так и теперь: резкое нападение на "польреалистических" политиков вызвало с их стороны новую волну антинемецких высказываний с целью оправдаться перед "мнением Родины" и показать "чистоту" своих желаний. Резко отрицая "какие бы то ни было контакты с Германией", польреалисты отступили на нужную коммунистам политическую линию. Происходит это как раз в момент, когда для них особенно важно не допустить никакого нарушения существующей до сих пор линии.

## КУЛЬТУРА В ТИСКАХ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИНФАНТИЛИЗМА

Нравственный аспект антинемецкого комплекса имеет более широкое значение, чем политический аспект, о котором мы уже говорили. Его последствия могут косвенно оказать отрицательное влияние на совокупность национальной культуры, так как он создает положение, при котором не только на политическом, но и на интеллектуальном уровне происходит значительное снижение степени объективизма в сторону демагогии. Такое положение ввергает весь народ в своего рода принудительный инфантилизм. Хочу, чтобы меня правильно поняли: дело тут не касается отношения к Германии. Дело в снижении уровня, на котором весь народ с его интеллектуальными светочами начинает применять по отношению к другим народам критерии: "бука" и "цаца". Конечно, каждый волен заняться вырезанными картинками или лепить "бабки" из песка. Все это не было бы опасным, если бы не являлось принудительным для всех поляков и если бы каждого, протестующего против игры в "некошего дядю" и в "хорошего дядю", не сажали в национальный карцер.

\* \* \*

Мы знаем, что источником антинемецкого комплекса является нападение гитлеровской Германии на Польшу, неисчислимые преступления во время оккупации, планы Гитлера ликвидации высшего польского слоя и превращения польского народа в "темные массы" наподобие африканских народов. Гитлер совершил преступления не только по отношению к полякам, но также по отношению ко многим другим народам, а в особенности к еврейскому народу. Эти преступления многократно превысили все остальные. Это слишком хорошо известно. И никто в мире этого не отрицает, а прежде всего не отрицают этого сами немцы.

Сумма всех несчастий, которые свалились на Польшу, берет свое начало с нападения Гитлера в сентябре 1939 года. Производным этого нападения стало то, что Польша попала в коммунистическое рабство, в котором пребывает по сей день. Казалось бы, что теоретически наилучшей компенсацией, которой современная Германия могла бы заплатить за все зло, содеянное гитлеровской Германией, было бы предоставление Польше нравственной, материальной и военной помощи, которая смогла бы вытянуть Польшу из состояния рабства, в которое она попала по их вине. Но вот мы стоим перед лицом особенного парадокса. Сама теоретическая предпосылка такой возможности, такой, казалось бы, логичной общей "компенсации" Польше со стороны Германии, вызывает пароксизм гнева со стороны "польреализма" и трактуется как нечто наиболее противоположное польским интересам. Дело тут не в существенных оговорках, которых имеется не мало, а в принципе, который без дискуссии порицает любую теорию возможности общей с Германией антикоммунистической деятельности.

\* \* \*

Наивно было предполагать, что без соучастия коммунистической провокации не возник бы в польском обществе антинемецкий комплекс. Однако без искусственного и систематического взвинчивания он вряд ли приобрел бы, через много лет после окончания войны, такие крупные масштабы. Ибо, ставя вопрос на уровень идейной проблемы, можно увидеть явную непоследовательность: мы противники коллективной ответственности, мы противники массовых депортаций, мы противники тоталитарных режимов, мы самые что ни на есть большие противники убийств и насилий, но в некоторых случаях мы поступаем так, будто были их сторонниками... А именно в таких обстоятельствах, когда, по некоторым причинам, не на руку их порицать вслух или открыто протестовать. Если изменить ситуацию, такое поведение напоминает поведение немцев, которых обвиняли в том, что, мол, они не знали или не хотели знать о происходящем в концентрационных лагерях. Однако, если по отношению к себе мы можем со-

браться с духом и объяснить почему мы прикрываем глаза на некоторые вещи, что, впрочем, легко объяснить несовершенством человеческой натуры, то почему мы требуем этого совершенства от немцев? Скажет кто-нибудь — тоже мне сравнение! Ведь это немцы совершили преступление по отношению к нам, а не мы по отношению к ним! Истинная правда. Тем скорее мы должны были бы прощать преступления, которые коммунисты совершили по отношению к немцам. А между тем, кроме моих собственных высказываний и письма профессора И. М. Бокенского в "Культуре" (май 1962), я не прочел буквально ни одного польского печатного высказывания, которое порицало бы преступления коммунистов по отношению к немцам в 1945—46 годах. Но зато читал высказывания некоего поляка, настолько известного, что его именем названы улицы, католического прелата, который восхвалял большевистские преступления по отношению к немцам.

Очень характерно, что многие люди, крайне враждебно настроенные к немцам, не отдают себе отчета, до какой степени в различных формах выражения этой недоброжелательности, помимо своей воли, сами способствуют тому, чтобы делать из немцев "сверх-людей". Помню один из первых послевоенных фильмов немецкой продукции "Преступник среди нас". Там была сцена, в которой "плохой" немец выдает на смерть евреев, а "хороший" немец ежится, страдает, борется с собой и, в конце концов, хватается за пистолет... — "А, однако, все же не выстрелил из этого пистолета!..", — писала с ехидным триумфом польская писательница об этом фильме.

\* \* \*

Во время немецкой оккупации происходили страшные вещи. Об этом столько написано, что каждый знает их наизусть. А что мы знаем о возмездии в Восточной Германии? Об этом царит молчание. Если немцы этого заслужили, то почему мы стыдимся об этом говорить? А если не стыдимся, то почему не порицаем? Торвальд пишет в своей книге "Das End an der Elbe": "В одной деревне убили немецкого крестьянина и ради шутки отрезали ему голову за то, что за-

щищал свою жену, которую по очереди насиловало 16 солдат. И это было в порядке вещей. Но никто не знал, почему заодно к стенке сарай прибили головой вниз четырнадцатилетнего мальчика..." Американский капеллан Францис Сэмпсон рассказывает, что в Нейбранденбурге изнасилованных немецких девушек подвешивали к раздвинутым веткам дерева и разрезали их в паху... В чешской столице Праге немок раздевали догола и заставляли их в таком виде разгружать щебень; кроме того, они должны были широко открывать рты, чтобы каждый прохожий мог в них плевать; матерей, связанных колючей проволокой, бросали в реку, а детей топили в городских водяных резервуарах и забавлялись, отталкивая их шестами от берега. Приходский ксендз рассказывает, что 20 мая 1945 года, стоя на берегу Эльбы, видел плывущий по реке деревянный плот с прибитой к нему длинными гвоздями целой немецкой семьей, включая нескольких детей.

Довольно цитат. Дело не в их количестве. Я привел их здесь только для пояснения известной категории сведений, которых широкая польская общественность не знает и знать не хочет. И еще для того, чтобы задать вопрос: в состоянии ли мать, у которой сына пригвоздили к стене сарай и дочь разорвали между ветками дерева, признать все это "заслуженным Божьим наказанием" только потому, что ее соотечественники совершили преступления в других странах? Сделать этого, по-моему, не может ни немка, ни любая другая мать. Конечно, с политической позиции этот вопрос легко свести к вопросу "кто первый начал"... Но сошлемся на воображение писателей, пишущих о жизни: возможно ли, чтобы человек, стоящий перед трупом зверски убитого, близкого ему человека, мог принять во внимание политический расчет и стал оплакивать чужих ему людей, убитых в чужой стране? Если бы такой и нашелся, то он должен был бы быть сделан из стали и принадлежать к расе "сверхлюдей". Лично я искренне не верю в существование такой расы.

\* \* \*

Искажение и в соцреалистических, и в польреалистических произведениях мемуарно-военной литературы, если

продумать этот вопрос до конца, привело к результатам, обратным тем, каких хотели их авторы. Итак, была принята формула, согласно которой все немцы времен оккупации должны были быть и были "плохими". Попробуем теперь, руководясь этой схемой, проанализировать литературную характеристику отдельного немца, как человека, во время оккупации Польши. Плохим был тот немец, который в пору повального грабежа захваченного добра крал наравне с оккупированным населением, так как имя ему — "вор". Плохим был тот немец, который в годы повальной спекуляции, посредничества, черного рынка и взяточничества, брал взятки, так как имя ему — "взяточник". Но самым плохим был тот немец, который не крал и не брал взяток, но исполнял приказы высших оккупационных властей, так как имя ему тогда — "преступник". Если бы теперь из этого общего литературного типа мы попытались вылущить живого человека, то невольно напрашивается вопрос: что должен был делать такой отдельный немец, чтобы заслужить имя "хорошего"? Соцреалистическая литература знает прекрасный рецепт: вступить, конечно, в коммунистическую партию. А согласно "польреалистической" литературе это должен был бы быть тип немца, который при общем благосостоянии черного рынка вел бы монашеский образ жизни, довольствуясь продовольственными карточками; который не мешал бы, а помогал бы другим спекулировать, отказываясь от какой бы то ни было личной выгоды; и, наконец, который не исполнял бы приказов своего начальства, тем самым рискуя головой на благо поляков. Нельзя не признать, что такой литературный персонаж был бы совершенно нереален, по-детски упрощен и противоречил бы жизненной правде, а тем более уж правде и правам войны.

Было очень много плохих и жестоких немцев, как есть много плохих и жестоких людей на земле. Но не отвечает и не может отвечать жизненной правде утверждение, что общие отрицательные черты миллионов живых людей были созданы, как оловянные солдатики, отлитые из одной формы.

Всем немцам ставится в вину, что они не свергли Гитлера, а наоборот, поддались его власти и послушно исполняли его приказы. Во время войны это обвинение выдвигалось половиной мира, а после войны поддерживается среди поляков путем коммунистической провокации. Такое же обвинение можно сделать по адресу русских, за то, что они позволили Ленину захватить над ними власть, и за то, что многие работают в НКВД. Во время войны об этом умалчивалось, так как половина мира поддерживала большевиков. Это указывает лишний раз на конъюнктурность такого обвинения.

Но распространение коллективной ответственности на целые народы является не только игрой политической конъюнктуры, но в то же самое время делом по крайней мере скользким... Почему, по аналогии, нельзя в данный момент упрекнуть весь польский народ, что он столько лет терпит коммунизм? Что касается общего потенциала "UB, WOP, KBW" и родственных им полицейско-политических частей, то численно они не уступают гитлеровским частям СС в Германии. Дальше, — на Гитлера было все же несколько покушений. На Берута и Гомулку — ни одного. Мало того. Не какая-нибудь незначительная часть поляков, а в данный момент все поляки в мире: и на родине, и в эмиграции считают покушения, выстрелы в представителей режима, словом, каждую попытку ниспровержения тоталитарного строя, провокацией и преступлением, за которое будет расплачиваться весь народ. Из этого вывод: то, что считаем у немцев преступлением, ставим себе в заслугу. И наоборот: каждому немцу ставим в обязанность то, что для себя считаем преступлением.

Ответ на это сопоставление, обязывающий "польреалистов" с 1956 года, звучал так: это совершенно другое дело! В этом нет никакой аналогии! Гитлеризм был явлением немецким и родился в немецком народе, а современный большевизм в Польше был навязан извне и держится на "русских" штыках. Отсюда надо выводить дальнейшие заключения, что народ не несет ответственности за "чужой" строй, навязанный ему силой, но отвечает за свой "собствен-

ный” строй. И дальше: этот ”собственный” строй характеризует психику народа и отражает его внутреннюю нравственность. Однако, приняв такую формулу, мы станем перед рядом трудно разрешимых вопросов. Например: какой из режимов был типичным для душевного склада французского народа? Кровавая диктатура революции 1789 года? Империализм Наполеона? Реакция Людовика XVIII? Или перемены, произошедшие в течение 26 лет? Или из-за непродолжительности этих сроков решать должно число последующих лет? В таком случае, пришлось бы отметить, что немецкий народ считался народом ”поэтов и мыслителей” гораздо дольше, чем гестаповцами и эсесовцами. Много подобных головоломных задач пришлось бы решать во всем мире.

Независимо от вышесказанного, формула, резко разделяющая власть на свою ”собственную” и ”чужую”, страдает еще одним недостатком. А именно, употребляя исключительно термин ”народ”, она не учитывает более конкретного фактора — человеческую личность. А ведь в жизни нам чаще всего приходится сталкиваться со взаимоотношениями личность — власть без оглядки на то, ”собственная” ли она или ”чужая”. Таким образом, перенося центр тяжести с коллективно-политической плоскости на лично-человеческую плоскость, мы сталкиваемся с новым комплексом щекотливых критериев. Итак, например, почему эсесовец, преследующий людей чужой ему национальности, должен быть морально ниже шпика-поляка, преследующего своих соотечественников на благо чужой, навязанной силой, власти? Почему, например, клеймят преступниками тех немецких писателей, которые пели гимны в честь ”собственного” гитлеризма, а польских писателей (и то каких! Гальчинского, Броневского...), поющих гимны в честь ”чужого” им большевизма, оправдывают и считают их несчастными жертвами? Будто они должны это делать, у них ведь жена, дети... Они, говорят, хотят жить. А те, другие, не хотели жить? У тех разве не было жен и детей?

Напрашивается еще посторонний вопрос. Разве в наш век, век проснувшихся националистических чувств (пишется ”патриотических”), не нашлось бы бардов, воспевающих ”собственного” вождя, хотя бы наихудшего среди наи-

худших, один сапог которого стал бы на Атлантическом побережье, а другой над Волгой, и власть которого распространялась бы от песков Египта до Ледовитого Океана? Полно шутить! Недаром, хотя и неохотно, сравнивают Наполеона с Гитлером. В итоге, ответ на вопрос — Что "хуже", воспевать "собственный" гитлеризм или "чужой" большевизм? — оказывается весьма спорным...

После 1956 года вся эта тема внезапно утратила свою актуальность. Вся прежняя аргументация повернулась на 180° . Мы вдруг узнали, что коммунизм, сам по себе не плохой... а "плохой" он только тогда, когда он "чужой", когда он навязан, когда он "русский". Напротив, "польский" коммунизм, тем самым, что он родимый, гомуловский, потому, что он "собственный", становится не только лучшим, но даже совсем "хорошим". Большинство приняло такое изменение прежней аргументации, не замечая даже возникшего при этом кардинального противоречия. Только самые умные среди "польреалистов" почувствовали это щепетильное противоречие, граничащее с коллективной лживостью. И чтобы ответить на этот неприятный упрек, посыпались, оснащенные восклицательными знаками, замечания в стиле: "Да как вы смеете сравнивать коммунизм с гитлеризмом!" Как будто долгом немцев было нисровергнуть гитлеризм, так как он был их "собственным", а долгом поляков — защищать коммунизм с того момента, когда он становится их "собственным"?.. Но здесь уже начинает победоносно действовать та великая провокация, которой посвящен настоящий труд. Потому мы воздержимся от дискуссии в этом отдельном случае.

\* \* \*

Никто не скажет, что дым Освенцима порос травой забвения. От тысяч рассказов и сообщений пахнет тем же трупным чадом, каким он был в действительности. Никто ничего не забыл и справедливо, что не забыл. Все было сделано, чтобы не забыть. Забыто было только об одном, о самом важном — о человеке. О том, что объективное понятие преступления не ограничивается совершенным престу-

плением по отношению к полякам или евреям, а по отношению к каждому человеку.

И здесь приходится отметить, что послевоенная иностранная литература опередила нас значительно в объективном ознакомлении с одним из величайших кризисов человечества, каким была Вторая мировая война. Скажем прямо, что тенденция этой литературы — "поиски человека" — более интересна, так как известно, что в литературе не политика и не народ, а человек всегда наиболее интересен.

Некоторые, оценивая позицию современной Германии, отбрасывают очевидность фактов, или по неведению, или по злой воле, или попросту берут в основу коммунистическое толкование. Одни жалуются на недостаточное искупление вины со стороны Германии, другие, наоборот, зная степень этого искупления, выражают презрение за излишнее "раскаяние" и ставят немцам на вид отсутствие чувства собственного достоинства. Одним словом, так или иначе, но лишь бы получилось — плохо. Зачастую слышатся популярные восклицания о немцах: "А, проиграли войну и потому теперь, мол, 'хорошие', но если бы... и т. д." Заметим в скобках, что мы тоже этой войны не выиграли...

В отличие от правил соцреализма, искренность каждого писателя измеряется не только тем, о чем он пишет, но и тем, о чем он умалчивает. С другой стороны каждому должно быть позволено писать, что он хочет и что ему больше всего по сердцу. Пусть пишут юдофилы и юдофобы, прокоммунисты и антикоммунисты, германофилы и германофобы. Отрицательная сторона человеческого общества не в том, что один пишет в нем так, а другой иначе. Отрицательная сторона проявляется тогда, когда никто не осмеливается написать иначе; выразить свой протест, свое личное и различное мнение даже тогда, когда живет в свободном мире и ему не угрожает ни Гестапо Освенцимом, ни НКВД Колымой.

Несомненно, в современной Германии остался еще ничтожный процент людей, которые порицают не все прошлое гитлеризма или являются даже его сторонниками. Эти редкие исключения тщательно отмечаются: "Посмотрите-ка на них, что они там выписывают!" А нужно было бы сказать — ну, и слава Богу! Слава Богу, конечно, прежде всего для

самых немцев. Потому что народ, который проявляет доведенную до крайней степени монолитность мнения, слишком большую дисциплину, единомыслие, когда нет никого, кто бы говорил иначе, чем все другие, не вызывает доверия к своей искренности. Такого рода общество создает впечатление, что оно сведено к одному знаменателю. Оно становится идеалом не свободного, а тоталитарного, коммунистического строя. Правильно написал когда-то В. А. Збышевский в прекрасной статье, защищающей Владислава Студницкого на фоне массового порицания за его выступление в качестве свидетеля защиты на процессе генерала фон Манштейна, что общество зрелого народа должно быть широко открытым веером. Это несомненно так. Добавим, что, чем шире он раскрыт, тем больше это свидетельствует о зрелости, динамике, богатстве мысли и культуры. Современный веер, зажатый в крепком кулаке, напоминает скорее короткую палку.

Наиболее красноречивым свидетельством страшного душевного рабства коммунистического строя является факт, что ныне не встанет на защиту Сталина никто из миллионов тех людей, которые в течение тридцати лет сопоставляли его с божеством на земле.

\* \* \*

В доведенной до инфантилизма односторонности немецкого комплекса, сама суть дела, вопрос Германии, имеет второстепенное значение. Однако в смысле "комплекса", этот вопрос является примером культурной девальвации. Если отношение к одному только государству или народу тормозит жизненную гибкость и становится камнем преткновения на дороге самостоятельного мышления, то что же тогда говорить о возможностях польского "вклада" или "участия" в мировом прогрессе? В 1869 году английский филантроп, почтенный пастор Генри Ландсделл, искалесил всю Сибирь и развеял фальшивую легенду об ужасах царской каторги. В своей книге, изданной в Лондоне, он, несколько наивным образом, полемизирует, среди прочих, с "неким русским, Федором Достоевским", говоря, что в своих писаниях ("Заживо погребенные") последний

сильно преувеличил, искусственно сгустил краски и запутался в неточностях. Ландсделл еще не знал, кем станет Достоевский для мира. В то время он относился к нему, как к "некому", но в результате выступил против европейского мнения с защитой тогдашней России против — русского писателя...

А ведь имя тогдашней России, если и прославил во всем мире, то не какой-нибудь там писака и не верноподданный журналист, но больше всего "некий" Федор Достоевский. Можно было бы добавить — да, но прославил он ее благодаря своему необыкновенному таланту, какой не каждому дан. Истинная правда. Однако приходится опасаться, что если бы польский писатель не поладил с "польреалистическим" комплексом, то даже обладай он сверхгениальностью и сверхталантом, он остался бы только "неким", т. е. заживо погребенным.

Когда-то Генрик Сенкевич сказал: "Горе народам, которые любят свободу больше, чем отечество". Это был красиво звучащий лозунг XIX века, когда личной свободы было вдоволь, а неволя отожествлялась только с неволей народа, когда люди не имели еще понятия, какие формы может приобрести в будущем полная неволя человеческого духа. Сегодня можно считать счастливым такое отечество, и счастливыми живущих в нем людей, которые могут (еще) критиковать. Помню, как в самый мрачный период оккупации мне попалась в руки пропагандная гитлеровская брошюра, кажется, под заглавием "Англичане о себе". Это была подборка высказываний английских политиков и публицистов, в которой они подвергали убийственной критике свою же собственную деятельность, при разных обстоятельствах и в разные периоды, по отношению к другим народам. Гитлеровская пропаганда ставила целью возбудить в читателе отвращение к Англии. Во мне же эта брошюра возбудила уважение к Англии и восхищение ею...

Можно отрицательно относиться к политике Соединенных Штатов. Но не говорят ли о настоящей свободе больше, чем все казенные пропагандные радиостанции, такие, например, высказывания американского адмирала Бэрке, который в апреле 1962 года публично заявил: "Мы просто становимся опасными для мира! Ибо никто не знает,

что мы сделаем, так как мы сами не знаем этого..." Или ответ брата президента, Роберта Кеннеди, министра юстиции, который, на поставленный ему вопрос на какой-то конференции в Индонезии: "Как вы оцениваете роль своей страны в войне с Мексикой?", — ответил: "Считаю, что в этой войне справедливость была не на нашей стороне".

Сегодня мир стоит перед лицом угрожающей ему катастрофы. Самой большой катастрофой из всех возможных была бы не война за свободу, а капитуляция перед тотальной неволей. Итак, перефразируя слова Г. Сенкевича, в наше время следует сказать: "Горе народам, которые отчество любят больше, чем свободу!"

## ДЕЙСТВИТЕЛЬНАЯ НЕМЕЦКАЯ УГРОЗА

"Антифашизм". — Кто-то как-то пошутил, что Америка легко может разбить Советский Союз по готовому образцу: взять пример с Гитлера и сделать все наоборот... Иногда кажется, что современную (Западную) Германию легко представить по следующему образцу: взять все, что пишет о ней соц- и польреалистическая пресса и вывернуть наизнанку...

В данный момент Германия представляет собой безусловно наиболее антигитлеровскую страну в мире. Не только по форме, но и по духу. Не может быть даже речи о таких явлениях, как антинегритянские выходки в Соединенных Штатах, расистские беспорядки в Южной Африке или о таких реакциях, как французский "AOS" и т. д. Зато, согласно официальным подсчетам, в Германии действует около 13000 специально обученных коммунистических агентов с годовым бюджетом в 120 миллионов марок; существует, под разными вывесками, свыше 30 тайных коммунистических организаций; распространяются сотни тысяч экземпляров тайных коммунистических брошюр и газет. Кроме того, проводится коммунистическая инфильтрация в политическую партию, в профсоюзы, в армию, в администрацию, в научные учреждения, в церковь, в школы, в университеты.

трация бесчисленными способами, постоянно меняющими свой облик; перечислять их заняло бы слишком много места. Однако косвенная инфильтрация разных видов и оттенков представляет собой большую угрозу, чем прямая инфильтрация.

Всякое преувеличение приводит к отрицательным явлениям. В Западной Германии существует преувеличение... антифашизма. Вполне нормально, что это мнение может вызвать резкие и язвительные выпады. Но самый дружный вой не меняет факта, что так называемые "антифашисты" во всех странах находятся издавна под контролем международного коммунизма, который использует их для своих, явно односторонних целей. Дело тут в односторонности, а не в самом антигитлеризме. Ибо трудно, в сущности, определить границы такого мрачного тоталитаризма, каким был гитлеризм. Однако выработать объективное мнение можно только путем сравнения, чтобы не впасть в другую крайность. Художественно-литературные, молодежные и интеллектуальные сферы в Западной Германии можно считать более прокоммунистическими, чем французские, итальянские и др., только если не учесть того факта, что Германия расположена вдоль "Железного Занавеса" и половина ее находится под коммунистическим господством. Соотношение фильмов с антигитлеровской тематикой и фильмов с антикоммунистической тематикой сводится примерно к тысяче на один! Кажется, нет ни одной пьесы с антикоммунистической тенденцией, в то время как "Дневник Анны Франк" достиг рекордного числа постановок. В области художественной литературы на сто хороших книг с антигитлеровской тематикой нет ни одного хорошего романа о жизни в Восточной Германии, хотя это должно было бы всех интересовать. Всякого рода "молодые авангарды" и разные литературные группы не только непримиримо антигитлеровские, но в значительной степени "прогрессивны" согласно модному ныне существованию. Иногда создается впечатление, что в немецких литературных кругах антикоммунизм как тема считается безвкусицей, какой, например, в живописи был бы сюжет замка и озера с лебедями, как на литографиях, украшающих третъеразрядные трактиры. Ключевые должности, особенно в издательствах, в прессе и

на радио занимают люди, назначенные оккупационными властями в Германии после 1945 года, когда малейшее проявление антисоветизма было запрещено.

Конечно, такое положение вещей не может оставаться без влияния на формирование общественного мнения. Тем более, что нежелание какой-либо активной расправы с коммунизмом, под лозунгом "Никогда больше войны" ("Nie wieder Krieg"), доминирует в широких слоях населения. Коммунистическая провокация отдает себе отчет в этом положении и по доступным ей каналам не только использует в Германии этот лозунг в своих целях, но пытается запугать мобилизацией мирового общественного мнения и заставляет придерживаться постоянной оборонительной тактики. В то время как, например, ежедневные массовые убийства "AOS" во Франции перешли в область статистических данных, коммунистическая провокация умеет поднять тревогу на половине земного шара, когда немецкий подросток нарисует на заборе знак свастики.

Подход "польреализма" в этом случае аналогично непоследовательный. То есть, "польреализм" видит угрозу в одной свастике, за которой никто не стоит, но не замечает угрозы в миллионах "серпов-и-молотов", за которыми стоит мощь международного коммунизма, та самая, которая в данный момент порабощает Польшу.

"Рапалло". — Не это, однако, представляет собой особый парадокс, ставший скорее чем-то обыденным. Более знаменательный факт в этой ситуации состоит в том, что политические предпосылки "польреализма" в действительности больше всего совпадают с политическими предпосылками так называемых немецких "ревизионистов", если и не со всеми, то, во всяком случае, с их крайними группировками. Не только потому, что они считают вопрос Оды-Нисы самым важным. Обе стороны исходят из предпосылки, что ПНР — это продолжение польской истории; что ПНР — это продолжение польской государственности; что Польша по-прежнему лежит между Германией и Россией; обе стороны пытаются доказать самостоятельность инициативы Гомулики; обе стороны стараются подчеркнуть несогласие и даже, якобы, трения между Гомуликой и Хрущевым по поводу Оды-Нисы; обе стороны считают друг друга врагом № 1 и

склонны считать "Россию" меньшим злом. Но, прежде всего, они сходятся между собой в том, что в Советском Союзе усматривают русские имперские элементы, которые, при некой конъюнктуре, можно путем компромисса использовать для собственных национальных целей. Чтобы установить эту общую тенденцию, достаточно привести несколько цитат из "Pressedienst der Heimatvertriebenen" ("Агентство прессы изгнанников"), изд. Göttinger Arbeitskreis.

Создается настроение, что Советскому Союзу не так уж важны Одра и Ныса... Между строк можно прочесть, что Хрущев не такой непримиримый, как Гомулка... С Москвой можно было бы вести диалог, но мешают поляки, коммунисты и эмигранты... Постоянно отмечаются какие-то "волнения" в Варшаве по поводу каких-то мероприятий Москвы, как будто в Варшаве существует собственная политическая концепция, независимая от директив коммунистического партийного центра. При этом характерно ссыпаться на польскую эмигрантскую прессу. Впрочем комментарии бывают очень наивные:

"Гомулка буквально осаждает Хрущева настоящими, чтобы последний поставил вопрос Одры-Нысы на международный форум..." (Нр., 15. 11. 1961).

"Гомулка ни разу не упомянул Хрущева в своей речи!.. Зато говорил о деятельности партизан во время войны... Действительно ясное указание для тех, кто умеет читать и слушать. Недаром слышны голоса, что поляки возьмутся за оружие, если Советский Союз пойдет на уступки в вопросе Одры и Нысы..."

"В Варшаве с подозрением следят за позицией Советского Союза. Если Китай в один прекрасный день станет атомной державой, то Советскому Союзу будет необходимо возобновить хорошие отношения с Германией... В конце концов, Россия уже раз аннексировала Восточную Пруссию во время Семилетней войны, но вернула ее назад Германии..." (Нр., 14. 3. 1962).

Достаточно одного этого сопоставления, чтобы представить себе, как не подходило бы к этой картине утверждение, что Советский Союз не является ни Россией времен

Семилетней войны, ни "Россией" вообще, а чем-то совсем иным. Нельзя было бы сделать и окончательного вывода:

"Вся польская политика (в Варшаве) по отношению к Германии сводится к тому, чтобы... не допустить к русско-немецким переговорам под знаком принципиального равноправия..."

Итак, мы видим тут действительность, вывернутую наизнанку: не советская провокация препятствует польско-немецкому соглашению, а наоборот — польская провокация препятствует немецко-советскому соглашению... Мы видим тождественное с "польреализмом" внушение при помощи так называемой "реальной" политики, упускающей из виду действительность, как будто не существует международного коммунизма, стремящегося не только к удержанию Одры-Нисы, не только к завладению Берлином, не только к овладению целой Германией, но и к покорению всего мира. В результате этого умышленного упущения, остается только шаг к, пока закамуфлированным, но достаточно явным симпатиям, ведущим к возобновлению политики "Рапалло" с Москвой.

"Серьезное беспокойство среди поляков возбудили контакты жителя Верхней Силезии, доктора Кролля с Хрущевым..." (Нр., 6. 12. 62).

"Гомулка пытался предупредить Москву перед объявленным курсом 'Рапалло'" (Там же, 31. 1. 62).

"'Рапалло' принесло Советскому Союзу большие выгоды... Началось сотрудничество в военной области... так как с польской стороны существовала опасность продолжения присоединения немецких земель... и Советский Союз боялся новых польских авантюри... Итак, ясно, что это была оборонительно-мирная политика, которая привела немецкое правительство на дорогу 'Рапалло'... Исторической правдой является факт, что 'Рапалло' только потому было заключено, что и СССР и Германия в равной мере опасались Польши..." (Там же, 31. 1. 62).

Эти цитаты подобраны произвольно из одного только источника. Все же говорится о том, что в сферах нынешнего

партнера правительенной коалиции, "FDP", существуют серьезные тенденции к возобновлению прорапалловской политики с "Россией", выражающей тенденции "реальной" восточной политики. Таким образом можно поставить знак равенства между "польреализмом" и "немреализмом", не принимающим во внимание ни исторического, ни текущего опыта.

Знаменателен также общепринятый в политической номенклатуре немецкий термин "Wiedervereinigung" — воссоединение. Термин "воссоединение" в данном случае нарочито неясен. Объединить можно Европу, а воссоединить можно две разделенных части одной и той же страны. Но нельзя объединить нечто отобранное, захваченное, оккупированное. Его можно только освободить, но не "объединить". Безусловно, термин этот навязан западными державами для того, чтобы не придать слишком вызывающего звучания по отношению к Советскому Союзу. Тем не менее термин этот общепринят в Германии, что указывает — и это ни для кого не тайна — на желание полюбовно договориться с Советским Союзом. Это желание и официальное, и благое. Оно, однако, ни на йоту не меняет факта, что Советский Союз не отдаст добровольно ни ГДР, ни Одры и Нисы, ни другой занятой им земли. Он не отдаст их ни Германии, ни свободной Польше. И не потому, что они "польские" или "немецкие", а только потому, что они коммунистические и представляют собой важный плацдарм для покорения западной Европы.

"Польреалисты" также ошибаются, когда они обнаруживают в некоторых левых немецких кругах понимание "польской точки зрения". В действительности же это результат нарастающей анти-антикоммунистической атмосферы и поисков путей сосуществования с "востоком", сосуществования через "Рапалло" с Народной Польшей, с Польшей такой, какой она есть, то есть с коммунистической Польшей.

Сегодняшняя "немецкая угроза" может исходить исключительно из тех же предпосылок, как и угроза со стороны каждого другого народа, ведущего политику с закрытыми на действительность глазами, которую когда-то в прошлом характеризовал девиз: "Jedes Mittel ist recht..." —

"Все средства хороши"..., если они в интересах собственного народа. В настоящее время такая политика принадлежит уже к иллюзиям. Этому научили нас действительность и опыт со времен большевистского переворота.

\* \* \*

На пути к совместным действиям для общего освобождения от коммунистического господства стоит много препятствий. Среди прочего, существуют спорные вопросы: польско-литовский, литовско-белорусский, белорусско-польский и общий из-за Вильно; белорусско-польский из-за Полесья; украинско-белорусский из-за Полесья; польско-украинский из-за Львова, Галиции и Волыни; украинско-татарский из-за Крыма; украинско-казачий из-за границы на Донце; многочисленные споры среди кавказских народностей; споры из-за Бессарабии, Карпатской Руси, Судетов; спор с Россией о ее будущей "неделимости". Может быть, однако, самую большую преграду для совместных действий представляет собой польско-немецкий спор из-за границы на Одре и Нысе.

Этот спор по существу беспредметен, так как ведется он из-за того, что не принадлежит ни немцам, ни полякам, а принадлежит кому-то третьему, т. е. коммунистам. Беспредметен он еще и потому, что ни немцы, ни поляки, которые живут в свободном мире, в действительности не собираются возвращаться на эти земли под коммунистическое владычество. Это спор о чем-то, что скрыто в туманном будущем, и никто не знает, как сложатся обстоятельства. Известно только, что коммунисты не отдадут этих земель добровольно. Отобрать их силой нет возможности, не помирившись прежде стороны, ведущие спор о "шкуре не убитого медведя". Без соучастия Германии освобождение Восточной Европы представляется невозможным. Становится понятным, почему коммунистическая провокация делает все возможное, чтобы не допустить польско-немецкого соглашения. И действительно, коммунистам удалось раздуть антинемецкие настроения до нужной им степени.

Один из известных польских писателей, Юлиуш Саковский, писал на эту тему следующее:

”Раздувание антинемецких настроений на родине служит там определенной цели. Не трудно угадать, какой именно цели. Если Польше все еще угрожает Германия, то нужно искать против этой угрозы поддержки в России. Тогда легче мириться с советской неволей.

Итак, поскольку антинемецкая кампания на родине вполне оправдана, так как ее определила сверху намеченная цель, то поддержка этой кампании в эмиграции предоставляет помочь Гомулке... Можно вынести впечатление, что Польша не находится в советской неволе, а по-прежнему ведет начатую в 1939 году войну с Германией...

Надо установить, из-за чего и против кого ведется борьба. Если за свободу польского народа в настоящее время, а не против угрозы в непредвиденном будущем, то борьба эта против России. Не против Германии...

Если будущее Польши в Европе (со временем объединенной), то в Европе с Германией...”

Логичная и ясная формулировка. И безусловно Саковский был бы полностью прав, что такая формулировка представляет собой единственную простую альтернативу, указывающую правильный выбор. Если бы... Он был бы прав, если бы дело касалось только выбора между Германией и Россией. Если бы в действительности это не был вопрос выбора между Германией и... международным коммунизмом. Так как в данном случае борьба ведется не за свободу народа, а за свободу человека. И для всех, кто хочет остаться свободными людьми, выбора уже нет.

## ”РЕАЛИЗМ” ПРОТИВ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

”Росреализм”. — Неверно, что коммунизм угрожает ”западной культуре”. Коммунизм угрожает цивилизации и культуре. Каждой. Римской, византийской, китайской,

индусской, арабской. Будучи врагом не народов, а человека как такового, он в то же время враг и его Бога и всего человеческого достояния. К сожалению, отношение человека к коммунизму и отношение политического деятеля к советскому блоку — две разные вещи.

Если свержение коммунизма вообще, и освобождение народов Восточной Европы в частности, представляется трудным без участия Германии, то без участия русских представляется совсем невозможным. Поэтому Россия не может быть нашим противником в борьбе с международным коммунизмом, а должна быть нашим главным союзником. Так, как дело обстоит сегодня, русский антикоммунизм является антикоммунизмом наиболее "чистым", т. е. без примеси посторонних интересов, и целиком сосредоточенным на свержении коммунистической системы. Там, где антикоммунизм выступает в такой чистой форме, он в принципе должен быть бескомпромиссным. Русский антикоммунизм и существование в любой форме исключают друг друга. Потому принципиально логична позиция "непредрешенчества", которую занимает русская эмиграция. Позиция — не решать заранее о будущих национально-государственных и территориальных притязаниях порабощенных народов, но ставить на первое место иерархически более важное задание — освобождение из-под коммунистического гнета.

Националисты нерусских, ныне порабощенных, народов, наоборот, стоят на позиции "предрешенчества", требуя уже теперь признания их государственных и территориальных притязаний. Эти националисты, несомненно, противники коммунистического интернационализма. Однако с другой стороны, по принципу и характеру своей идеологии будучи противниками каждого интернационализма, они становятся заодно противниками любого международного решения коммунистической проблемы. Они склонны отрицать международный характер коммунистической угрозы, подменяя его угрозой со стороны национального русского империализма. Их программа определенно ставит на первое место 'народ', и только на второе место "человека". При этом, занимаемая ими позиция категорична и ясно дает понять, что если их национальные притязания не будут вы-

полнены заранее, то они готовы воздержаться от общего усилия в деле свержения коммунизма, от возможного участия на стороне Запада в освободительной акции, и даже... готовы перейти на сторону коммунизма. Из этого можно заключить, что белоруссы предпочитают остаться в коммунистической неволе, если им заранее не гарантируют Смоленск, литовцы, если не получат Вильно, украинцы, если им не отдадут Львов, поляки, если за ними не признают Одры и Нисы, казаки, если не признают свободной "Казакии" и т. д. и т. п. Эта позиция явно противоречит интересам порабощенных людей. Ибо мало найдется на свете людей, которые свое освобождение из тюрьмы поставили бы в зависимость от того, какие бытовые условия им будут гарантированы на свободе, какие должности они получат и т. п. Сомнительно, чтобы они хотели остаться дальше в тюремной камере, если заранее не получат таких гарантий.

Потому принцип "непредрешенчества", выдвигаемый русскими, представляется более правильным, чем принцип "предрешенчества". Однако при более точном анализе противоположность этих двух принципов сильно сглаживается. Нелогичным было бы также утверждение, что коммунисты всего мира, отказываясь от собственных национальных интересов в пользу интересов международных, становятся идеальными жертвами русского империализма, так как русские коммунисты (единственное исключение среди других коммунистов) преследуют исключительно свои национальные русские интересы, а не интересы международные. Также, с другой стороны, ошибочно было бы считать, что русские могут быть единственным исключением и могут быть лишены националистических стремлений. Как раз наоборот. Проявление русского национализма вполне очевидно, и его главный девиз — "нерасчленение" России. В этом, заранее поставленном "условии", можно обнаружить те же самые элементы "предрешенчества", так как непризнание "*a priori*" территориально-границых притязаний в конечном итоге сводится к "нерасчленению" целости бывшей России. Схожесть этих позиций еще больше усиливается, когда некоторые русские группировки "дают понять", что в случае расчленения России они не станут

на сторону антикоммунистических сил... Тут мы приближаемся к аналогии с декларациями "польреалистов", т. е. можем говорить о своего рода "росреализме".

Подобно тому, как для "польреалистов" главный враг — не международный коммунизм, а немцы, так для "немреалистов" главный враг — не коммунизм, а поляки. Как для всех национал-реалистов главным врагом является не коммунизм, а Россия (или, возможно, Польша), так для "росреалистов" противником становится не коммунизм, но тот, "кто посягает на целость бывшей русской империи". Мы видим, что во всех этих случаях коммунизм не признается врагом № 1; в них над общими интересами освобождения преобладают собственные, эгоистически-национальные интересы. Получается пессимистическая картина. В то же самое время создается положение, предоставляющее широкое поле для коммунистической провокации, которая, конечно, старается использовать и поддержать такое положение.

*"Реализм" манны небесной.* — К особому прагматизму следует отнести факт, что все порабощенные "реализмы" объединяются лишь в жалобах на политику западных держав, которые по отношению к коммунистическому блоку соблюдают собственные эгоистические интересы, считая такой реализм "реальным"... Может ли служить нам оправданием или утешением то, что эта критика, в своей основе, справедлива?

Как мы видели, в Первую мировую войну, Польша, по собственным национальным соображениям, значительно содействовала спасению большевизма; во время Второй войны, по национальным соображениям, стала открыто на его сторону; после войны, по тем же соображениям, сочла целесообразным избрать "собственный путь к социализму". В данном случае дело не в правильности или неправильности этих соображений. Допустим даже, что во всех случаях это были весьма веские соображения. Дело тут в установлении голого факта.

Оценивая нынешнюю стадию, надо установить, что "Польская Народная Речь Посполитая" не является ни "польской", ни "народной", ни "Речью Посполитой", а является членом советского блока и филиалом международ-

ного коммунизма. Итак, те из "польреалистов", которые этого не видят или не хотят видеть, лишают себя права критиковать западные державы, которые тоже не видят или не хотят видеть, что в будущем им угрожает похожая судьба, если они будут проводить анахроничную политику, основанную исключительно на соблюдении "разумно" понятых собственных интересов.

Рассуждения о глобальной политике вышли бы из рамок настоящего труда. Здесь мы хотели бы только обратить внимание на известный аспект упорных упреков Западу, который объясняется не только тем, что легче всего валить вину на других. Чаще всего это вполне реальный предлог для проведения "реальной политики", т. е. предлог к несопротивлению коммунистическому рабству, предлог к переходу на позиции "органического" сотрудничества и "позитивизма", потому что другие не хотят нас освобождать. Доводя эту мысль до конца, мы приходим к выводу, что никакая страна, захваченная коммунизмом, не должна ему сопротивляться, но, во имя реальной политики, должна идти с ним на компромисс, ожидая, пока другие страны захотят или не захотят ее освободить. Как будто история знает такие примеры, когда в политике любовь к ближнему обязывает больше, чем любовь к себе самому... Трудно себе представить, чтобы провокация мирового коммунизма могла придумать более удобную для себя программу.

Эта тема обычно вызывает ярость "реалистов" и потому ее не допускают к публичному обсуждению, особенно в польской эмигрантской прессе. Однако запрет какой-нибудь темы "*a priori*" лишает людей возможности задавать вопросы, а эти вопросы напрашиваются сами собой. Например, почему Америка должна хотеть освобождать нас больше, чем мы сами этого хотим? Почему американцы должны гибнуть за нас, если мы не хотим гибнуть за себя? Эти вопросы поэтому считаются "безумием" или даже "преступлением", так как якобы никакое спонтанное сопротивление не устоит и вообще не в счет перед лицом мирового могущества. Однако действительность показывает нам совсем другое, а именно, что никто не считается с тем и не уважает того, кто сидит сложа руки. Если бы горсточка евреев не начала бы в 1946 году борьбы с Британской империей, то у них не бы-

ло бы сегодня Израиля; если бы жители Кипра не сделали того же, то у них не было бы независимого Кипра; если бы алжирские арабы не начали Семилетней войны с французской империей, то не дождались бы независимости Алжира в 1962 году. Эти примеры можно было бы продолжить в отношении Марокко, Египта, Сирии, Индонезии и многих других стран. Не будем вдаваться в существенную оценку этих вопросов, в их справедливость или несправедливость в отдельных случаях. Ограничимся утверждением факта, что, несмотря на всеобщее порицание войны, признание прав и уважение в мире завоевывает главным образом тот, кто действует. Легенда о том, что имеется в наличии возможность подкупить Советский Союз угодливым обращением, остается только легендой.

Как известно, Советский Союз хвалит и поддерживает все действия, направленные против западных держав, а действия, направленные против него, называет "преступным разжиганием войны". Как правило, западные державы таких же действий, направленных против Советского Союза, не поощряют, но и не порицают. Несмотря на всю антиподию к "контрреволюции", они считаются с фактическим положением вещей и, имея привычку считать людей наподобие долларов, чувствуют уважение к каждому количеству, в каком бы виде оно не проявлялось...

Отношение наших "реалистов" к западным державам, а особенно к Америке, не совсем логично. Вместо того, чтобы считать Америку нашим союзником — хорошим или плохим, умным или глупым — мы считаем себя союзником Америки (и то под разными условиями), когда дело касается нашего освобождения. То есть, не мы должны воевать и Америка нам помогать, а наоборот — Америка должна воевать, а мы ей (смотря по обстоятельствам) в этом поможем. Как будто Америка, а не мы, находится под коммунистическим игом.

Не подлежит сомнению, что сами западные державы должны были бы интересоваться поддерживанием освободительного движения народов Восточной Европы и стремиться быть их верным союзником. А как же нам быть, если союзник нас оставит или нам изменит? Будет ли это означать, что мы должны не только отказаться от наших

устремлений и борьбы или совсем перейти на сторону врага, чтобы этим наказать плохого союзника? Или поступить, как тот пресловутый малыш, который решает "отморозить себе пальчик назло своей маме" и называть это еще "реальной политикой"?

Раз мы уже вступили на путь щекотливых вопросов, о которых обыкновенно не принято говорить, разрешим себе углубиться дальше в эту запрещенную материю и затронуть вопрос Венгерского восстания. Мы знаем, что венгры восстали во имя свободы и не получили никакой помощи от свободного мира. Со стороны свободного мира это была глупость, граничащая с омерзением. Запад официально объяснил ее желанием избежать третьей мировой войны. Оставим в стороне оценку этой "реалистической" позиции и этого нравственного фарисейства. Дело тут в небольшой подробности, которая упорно замалчивается. Может быть, Запад не занял бы такой позиции или нашел бы нужным занять иную, если бы венгерское восстание было всеобщим... Мы ведь знаем, что венгерская армия не двинулась. Да, мы видели фотографии, видели документальные фильмы, но не видели в них венгерской армии. Возможно — отдельных солдат, офицеров, отдельные отряды... Венгерская армия не взялась за оружие. Она, может быть, ждала помощи Запада и, получив ее, двинулась бы. А Запад использовал это ожидание..., чтобы не двинуться...

Иногда приходится говорить даже об очень непопулярных вещах, когда возникает желание установить фактическое положение. Попытка собрать дополнительные данные с целью понять действительность является одной из задач этой книги. Возможно, что при этом мы делаем много фактических ошибок, но все же я не считаю ошибкой искреннее желание выяснить действительное положение вещей.

## ПАФОС ПРОТИВ ЗАРАЗЫ

Ввиду тесной взаимосвязи международных интересов, в настоящее время нет уже места для государственного суверенитета старого образца. Если какой-либо народ хочет сохранить свой суверенитет, он должен понимать, что этого возможно достичь только в сотрудничестве со свободным миром. Поэтому девизом должен быть не "свой собственный путь к социализму", а общий путь к свободе. Не собственный путь "к благу народа", а общий путь к благу человечества.

Александр Брегман, ведущий публицист "польреализма" и один из немногих крупных писателей их лагеря, анализируя позицию польской публицистики, охарактеризовал ее как повинность, которая прежде всего должна соблюдать интересы Польши. Но все же представляется, что политика, которая раньше служила исключительно интересам государства и народа, стала сегодня анахронизмом. Нынешняя политика должна служить интересам человечества, чтобы уберечь его от глобальной катастрофы. Надо отдать себе отчет в том, что происходит великий процесс перехода от "ходатайствования" о национальных интересах к "ходатайствованию" об интересах человека.

Мы должны отбросить принцип первенства национальных интересов в пользу интересов идеи свободы. Никакие соображения национального характера не оправдывают сегодня акцию во вред человечества. Нет никаких оправданий, ни географических, ни территориальных, ни граничных, ни вообще божеских или человеческих, которыми можно было бы принудить человечество отказаться от свободы. Не надо бояться этого пафоса. Потому что пафос или не пафос, а свобода нужна человеку, как воздух и вода. Предметом наших интересов, предметом нашей политики и предметом нашей борьбы не на жизнь, а на смерть, — взирая на актуальную коммунистическую угрозу — может быть только свобода. Свобода в тех границах, в каких человечество может достичь ее на земле. Вся ставка на это.

Если бы существовала возможность доказать что-либо

коммунистам, указать черным по белому, что они творят плохое дело, то можно было бы продолжать переговоры и сосуществование. Но дискуссия с коммунистами беспредметна, так как черное они называют белым, а белое черным, что исключает возможность каких бы то ни было выводов. Коммунисты ведут переговоры только для того, чтобы в удобный момент не сдержать постановлений этих переговоров. Сосуществование, согласно тезису Ленина, обозначает только передышку. Потому не остается ничего другого, как перейти с позиции переговоров на позицию силы. Если согласие других народов на это может показаться утопией, то все другие планы выглядят еще более утопическими.

Западные державы совершили огромные ошибки в своей политике по отношению к международному коммунизму. Самая же большая современная ошибка заключается в ставке на национал-коммунизм, в котором якобы замечается спонтанная тенденция так называемых государственных кастеллитов к отрыву от центра международного коммунизма. Такого рода ставка на расщепление коммунистического монолита только тогда имела бы смысл, если бы могла привести к окончательному выходу этих государств из коммунистического единства. В данном случае ошибка состоит еще в том, что "национально-коммунистический сепаратизм" рассматривается как нечто аналогичное религиозной ереси. Но разница тут в том, что каждая религия, вера, а тем самым и религиозная ересь, в конечном итоге, опирается на массы единоверцев, без чего не может удержаться. В случае же коммунистического отщепенства мы имеем дело лишь с интригами малочисленной клики партийной верхушки, которая нигде в массах не пользуется поддержкой. Все коммунистические правительства, где бы они ни были, в действительности существуют вопреки воле народа; они навязаны ему силой, обманом и лицемерием. Если подорвать эту силу, то коммунистический строй должен рухнуть в ту же минуту. Это прекрасно понимают вожди отдельных коммунистических партий — во всяком случае лучше, чем это думают на западе — даже тогда, когда ведут между собой споры и внутрипартийную борьбу. Всюду, где одержала бы верх настоящая воля народа, они были бы сметены. Потому что нельзя склонять на

свою сторону", обещая ему в награду его собственную гибель.

Откуда, однако, взялась концепция "эволюции коммунизма"? Надо сказать об этом откровенно: это продукт ситуации, о которой не говорят и делают тем самым вид, что о ней не знают. Тем не менее, каждый мыслящий человек знает, что коммунизм можно уничтожить только войной. Ввиду того, что никто не хочет войны, равно как никто не хочет коммунизма, то надо было бы признать, что существующая до сих пор политика завела мир в тупик. Однако ни один уважающий себя политик не согласится признаться, что он ведет в тупик. Потому надо было придумать нечто, что могло бы указать выход из тупика и что помогло бы поверить в этот выход. Для этого извлекли из-под спуда старую концепцию "эволюции коммунизма" и уцепились за нее, так как она была единственной альтернативой войны.

В данный момент свободный мир еще достаточно силен, и этот факт мог бы наполнить нас не иллюзорным, в духе популярных дезинформаций, а настоящим оптимизмом. Большие шансы предоставляют нам и сами коммунисты, проявляющие большую глупость, чем их соперники и чем этого можно было бы от них ожидать. Эта глупость снятого Хрущевым ботинка, глупость аферы с Пастернаком, глупость восстановления против себя тех, кто не хочет быть против, — все это в большой мере оберегает нас, но надолго ли? Сегодня победа коммунистической провокации на многочисленных отрезках идейного, политического и эмоционального фронта уже бесспорна. И вполне оправдывается опасение, что в минуту, когда коммунисты перестанут только ловчить, и станут более умными, их победа будет полной. Чтобы предупредить подобный случай нужно, прежде всего, перестать доискиваться чужих ошибок, и постараться понять свои собственные.

\* \* \*

Свободный мир отличается от подневольного мира тем, что в свободном мире, в важных вопросах, не может быть речи об излишке дискуссий и обмена мыслями.

Некоторые ставят под вопрос правильность тезиса, что коммунизм угрожает свободному миру, считая такое утверждение лозунгом или предлогом, служащим ширмой для побочных целей. Не следует отрицать, что во многих отдельных случаях это отвечает правде. Но эти отдельные случаи не должны заслонять сути дела, что, даже в бедной точными определениями человеческой речи, мировую социалистическую систему и ее действия и воздействия можно лучше всего определить как своего рода психическую заразу. В России, начиная с 1918 года, в обиходном употреблении было выражение "большевистская зараза". Это не было только ругательство; спустя 10 лет Уинстон Черчилль писал: "Немцы перевезли Ленина в запломбированном вагоне из Швейцарии в Россию, как бактерию заразы" (Winston Churchill, *The World Crisis. The Aftermath*, London, 1929, p. 72).

Существует распространенный взгляд, представляющий антикоммунизм под видом мании людей, неспособных к мышлению "разумными" и "реальными" категориями — людей, словно тронутых неизлечимой болезнью и потому не заслуживающих даже лечения, а вызывающих только пожатие плеч. Это суждение о якобы антикоммунистической "мании" придумали политические "реалисты" и интеллектуальные конформисты не только в утешение себе, но и значительной части мещан во всем мире, то есть в утешение тем людям, которые лишены фантазии из-за обыденности интересов и из-за инстинкта приспособленчества. Тому, кто, пожимая плечами, относится легкомысленно к предосторожениям антикоммунистов, можно предложить задуматься хотя бы над таким единичным примером, как Берлинский вопрос.

Нашелся ли бы в Европе, лет 50 тому назад, хоть один человек, который, будучи в здравом уме, не посчитал бы за выдумку больного рассудка предсказание, что не в каком-то Шанхае или на острове ужасов, но в центре Европы, через середину одного из величайших городов мира, пройдет "граница-из-границ", кирпичная стена, разделяющая смысл человеческих слов, усаженная автоматами; что из-за этой стены будут, совершенно безнаказанно, прямо на улице стрелять в молодых девушек и детей; что прямо

с тротуара будут похищать пешеходов; что люди, как заключенные, бегущие из тюрьмы, будут делать подкопы; что это все будет происходить на глазах всего цивилизованного мира, который будет признавать такое положение не военным положением, а мирным сосуществованием в период "культурного обмена" с той стороной?.. И вот сегодня настолько утрачено чувство перспективы и никого не удивляет факт, что правительство государства, столицу которого разделили неслыханной в истории стеной, серьезно обдумывают условия, на которых можно было бы предоставить миллиардные кредиты стреляющим из-за этой стены!.. Случай совершенно беспрецедентный и совершен но фантастический, немыслимый до Первой мировой войны! Нет, ни один человек из поколения наших отцов никогда не поверил бы даже в возможность существования такой фантазии.

Велико свойство человеческой натуры смиряться и приспособляться к обстоятельствам. Но никакой реализм не должен лишать людей чувства фантазии, ибо без таковой он перестанет быть реализмом. А сравнение обычаев 1912 года с обычаями 1962 года дает нам своего рода возможность, хотя, конечно, не в конкретных чертах, представить себе, к какому положению вещей можно будет заставить людей "рассудительно" приспособиться в 2012 году, если к этому времени рассадник психической заразы не будет уничтожен.

Смерть половины человечества от атомной бомбы это не катастрофа. Катастрофа — это жизнь всего человечества под властью коммунистического строя.

\* \* \*

Быть может, настанет желанное время, когда все это, вместе с этой книгой, давно будет забыто, а коммунизм стерп с поверхности земного шара. И все мы вернемся к старым спорам, существовавшим до его появления. Именно так проходит страшная болезнь, растворяется в небытии зараза, не оставив после себя и следа. И люди ее уже не помнят, да и помнить не хотят. Бывает, что болезнь не исчеза-

ет сама по себе и что ее нужно победить большими усилиями. Но бывает, что она побеждает. Я пишу эту книгу в дни страшной болезни.



КНИГИ Ю. МАЦКЕВИЧА

**TOM NOWEL**

Wyd. „Słowo”, Wilno 1935

**BUNT ROJSTÓW**

Gebethner i Wolff, Wilno 1938

**PAN POSEŁ I JULIA**

(Sztuka sceniczna, do współpracy z Kazimierzem Leczyckim)

**THE KATYN WOOD MURDERS**

Hollis and Carter, London 1951

The World Affairs Book Club, London 1952

British Book Centre, New York 1952

**KATYN UNGESUHNTE VERBRECHEN**

Thomas Verlag, Zürich 1949

Bergstadt-Verlag, München 1958

**IL MASSACRO DELLA FORESTA**

Edizioni Paoline, Roma 1954

**LAS FOSAS DE KATYN**

Ediciones Paulinas, Madrid 1957

**DROGA DONIKĄD**

Orbis, Londyn 1955

Kontra, Londyn 1981

**DER WEG INS NIRGENDWO**

Bergstadt-Verlag, München 1957

**LE CHEMIN QUI NE MÉNE NULLE PART**

Arthème Fayard, Paris 1962

**THE ROAD TO NOWHERE**

Harvill Press (Collins), London 1962

Henry Regnery Company, Chicago 1964

**KARIEROWICZ**

Orbis, Londyn 1955

**KONTRA**

Instytut Literacki, Paryż 1957

**TRAGOEDIE AN DER DRAU**

Bergstadt-Verlag, München 1957

**SPRAWA PUŁKOWNIKA MIASOJEDOWA**

B. Świdzki, Londyn 1962

**DER OBERST**

Pfeiffer Verlag, München 1967

**EL CORONER**

Luis de Caralt, Barcelona 1974

**ZWYCIĘSTWO PROWOKACJI**

Wyd. własne, Monachium 1962

**SIEG DER PROVOKATION**

Bergstadt-Verlag, München 1964

**POD KAŻDYM NIEBEM**

Polska Fundacja Kulturalna, Londyn 1964

**LEWA WOLNA**

Polska Fundacja Kulturalna, Londyn 1965, 1981

**NIE TRZEBIA GŁOSNO MÓWIĆ**

Instytut Literacki, Paryż 1969

Kontra, Londyn 1980

**W CIENIU KRZYŻA**

Kontra, Londyn 1972

**IN THE SHADOW OF THE CROSS**

Contra, New York 1973

**A LA SOMBRA DE LA CRUZ**

Ideal, Mexico 1973

**WATYKAN W CIENIU CZERWONEJ GWIAZDY**

Kontra, Londyn 1975

